

С Е Т Е В О Й Н А У Ч Н Ы Й Ж У Р Н А Л

НОМОТНЕТІКА: ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПРАВО

S C I E N T I F I C J O U R N A L

NOMOTHETIKA: PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. LAW

2022. Том 47, № 1

НОМОТНЕТІКА:

Философия. Социология. Право

2022. Том 47, № 1

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право».

Основан в 1995 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ», Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Римский В.П., доктор философских наук, профессор
Белгородского государственного института искусств
и культуры

Заместители главного редактора:

Бабинцев В.П., доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Тонков Е.Е., доктор юридических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Ведущий редактор

Почепцов С.С., кандидат философских наук, доцент
(НИУ «БелГУ»)

Ответственные секретари:

Новикова А.Е.

кандидат юридических наук, доцент
(НИУ «БелГУ»)

Вангородская С.А.

доктор социологических наук, доцент
(НИУ «БелГУ»)

Члены редколлегии:

Беляева Г.С., доктор юридических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Петар Боянич, доктор философии, профессор
(Белградский университет, Сербия)

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор
(Университет Северной Каролины, США)

Барков С.А., доктор социологических наук, профессор
(МГУ)

Габов А.В., доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (Институт государства и права РАН)

Драч Г.В., доктор философских наук, профессор
(Южный федеральный университет)

Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор
(Институт социально-политических исследований РАН)

Власенко Н.А., доктор юридических наук, профессор
(Российский университет дружбы народов)

Калинина Г.Н., доктор философских наук, профессор
(Белгородский государственный институт искусств
и культуры)

Климова С.М., доктор философских наук, профессор
(НИУ «Высшая школа экономики»)

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Мареева Е.Н., доктор философских наук, профессор
Московского государственного института культуры
(Москва, Россия)

Малько А.В., доктор юридических наук, профессор
Поволжского института (филиала) Всероссийского
государственного университета правосудия, профессор
(Саратов, Россия)

Назаров В.Н., доктор философских наук, профессор
(Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого)

Никольский С.А., доктор философских наук, профессор
(Институт философии РАН)

Проказина Н.В., доктор социологических наук, профессор
(Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ)

Сивков Ц.Г., доктор юридических наук, профессор
(Софийский университет имени Св. Климента Охридского,
Болгария)

Старилов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор
(Воронежский государственный университет)

Туралин В.Ю., доктор юридических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Шпопер Дариуш, доктор юридических наук, профессор
(Поморская академия, Польша)

Куксин И.Н., доктор юридических наук, профессор
(Московский городской педагогический университет)

Таболін В.В., доктор юридических наук, профессор
(Государственный университет управления)

ISSN 2712-746X (online)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77840 от 31.01.2020. Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Л.П. Котенко. Корректура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусяк. E-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru; rosheptsov@bsu.edu.ru. Гарнитуры Times New Roman, Arial, Impact. Уч.-изд. л. 16,2. Дата выхода 30.03.2022. Оригиналы-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

- 5 Жукова О.А. Концепции метемпсихоза в философии досократиков

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

- 14 Галкин К.А. Особенности социальных неравенств в здоровье пожилых людей в России и в Европе: обзор исследований
23 Лебедева Л.Г. О конкуренции семьи и массмедиа в воспитании молодёжи
34 Полушин П.В. Разработка системы показателей управления проектной командной работой как социальным макротехнопакетом: результаты практических исследований

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

- 42 Лосев А.В. Жизнь человека: минимум – биография, максимум – житие
47 Лопин Р.А., Почепцов С.С. Проблема новаторского традиционализма философии славянофилов
53 Олещенко Е.О., Трунов А.А. Стратегии присвоения социального времени в классических идеологиях модерна

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

- 61 Антонченко В.В. Право и коррупция в России
73 Баган В.В. Киевская Духовная Академия как образовательный центр развития дисциплины «каноническое право» в Российской Империи в XIX в.
82 Белоусов Н.В. Интересы социальных субъектов в конституциях американских государств
90 Джамиль Э.З. Дефинирование принципов конституционного судопроизводства в Российской Федерации
98 Мархгейм М.В. Гражданство: конституционно-правовая рецепция нюансов государственного строительства
110 Полонский Д.М. О проблеме определения понятия законности в деятельности публичной администрации в России
117 Понкин И.В., Лаптева А.И. Проблемы в праве интеллектуальной собственности, перспективно определяемые процессами цифровизации: общие вопросы теории

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

- 126 Габов А.В., Тонков Е.Е., Шалайкин Р.Н., Туршук Л.Д. 2022. Энергетическое право: модели и тенденции развития (обзор докладов III Международной научно-практической конференции, 8–9 октября 2021 г., Белгород)

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- 137 Воденко К.В. Городские поселения в социальном пространстве российского общества: историческая память в контексте социальной консолидации
142 Нифонтова О.И. Учение о предопределении человека в рукописи 121 трилогии «Богословское Человечество» архимандрита Евтихиана (Лестева)
150 Исаев А. В. Ценность «естественного здоровья» и критика концепции нормализации здоровья

NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law 2022. Volume 47, No. 1

Until 2020, the journal was published with the name "Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series".

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers.

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

Publisher: Belgorod National Research University «BelSU» Publishing House. Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Chief Editor

Rimskiy, V.P., Doctor of philosophy, professor
(Belgorod state institute of arts and culture)

Deputies of chief editor

Babintsev, V.P., Doctor of philosophy, Professor
(Belgorod National Research University)

Tonkov, E.E., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Commissioning Editor

Pochepstov, S.S., Candidate of philosophy (Belgorod National Research University)

Responsible Secretary

Novikova, A.E., Candidate of law (Belgorod National Research University)

Vangorodskaya, S.A., Doctor of sociology (Belgorod National Research University)

Members of editorial board:

Belyaeva, G.S., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Borisov, S.N., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research)

Petar Bojanic, Doctor of philosophy, Professor
(Belgrade University, Serbia)

Bykova, M.F., Doctor of philosophy, Professor
(North Carolina State University, USA)

Vlasenko, N.A., Doctor of law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia)

Barkov, S.A., Doctor of sociology, Professor (Moscow State University)

Gabov, A.V., doctor of law, corresponding member of the RAS, honored lawyer of the Russian Federation, chief researcher of the Institute of state and law of the RAS

Drach, G.V., Doctor of philosophy, Professor
(Southern Federal University)

Zubok, Y.A., Doctor of sociology, Professor (Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Science)

Kalinina, G.N., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State Institute of Arts and Culture)

Klimova, S.M., Doctor of philosophy, Professor (Higher School of Economics)

Maydanskiy, A.D., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

Mareeva E. N., Doctor of Philosophy, Professor of the Moscow State Institute of Culture (Moscow, Russia)

Malko A.V., Doctor of Law, Professor of the Volga Institute (branch) All-Russian State University of Justice, Professor
(Saratov, Russia)

Nazarov, V.N., Doctor of philosophy, Professor (Tolstoy Tula State Pedagogical University)

Nikolskiy, S.A., Doctor of philosophy, Professor (Institute of Philosophy, Russian Academy of Science)

Prokazina, N.V., Doctor of sociology, Professor (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

Sivkov, C.G., Doctor of law, Professor (University of Sofia "St. Kliment Ohridski", Bulgaria)

Starilov, Y.N., Doctor of law, Professor (Voronezh State University)

Turanin, V.Yu., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Dariusz Shpoper, Doctor of law, Professor (Akademia Pomorska, Poland)

Kuksin, I.N., Doctor of law, Professor (Moscow City University)

Tabolin, V.V., Doctor of law, Professor (The State University of Management)

ISSN 2712-746X (online)

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФС 77-77840 dd 31.01.2020. Publication frequency: 4 /year.

Commissioning Editor L.P. Kotenko. Pag Proofreading, computer imposition O.G. Tomusyak. E-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru; pochepstov@bsu.edu.ru. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. Publisher's signature 16,2. Date of publishing 30.03.2022. The layout was prepared by the Department of the joint editorial Board of scientific journals of NRU "BelSU". Address: 85, Pobedy St, Belgorod, Russia, 308015.

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

- 5 **Zhukova O.A.** Concepts of Metempsychosis in the Philosophy of Dosocratics

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

- 14 **Galkin K. A.** Features of Social Inequalities in the Health of Older People in Russia and Europe: Research Review
23 **Lebedeva L.G.** About the Competition of Family and Mass Media in the Upbringing of Young People
34 **Polushin P.V.** Development of a System of Project Teamwork Management Indicators As a Social Macro Techno Package: Results of Practical Research

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

- 42 **Losev A.V.** Human Living: The Biography – As a Minimum, As a Maximum – a Holy Life
47 **Lopin R.A., Pocheptsov S.S.** The Problem of Innovative Traditionalism in Slavophile Philosophy
53 **Oleshchenko E.O., Trunov A.A.** Strategies for Assigning Social Time in the Classical Ideologies of Modernity

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

- 61 **Antonchenko V.V.** Law and Corruption in Russia
73 **Bagan V.V.** Kiev Theological Academy As an Educational Center for the Development of the Discipline of "Canon Law" in the Russian Empire in the 19th
82 **Belousov N.V.** The Interests of Social Actors in the Constitutions of American States
90 **Jamil E.Z.** Defining of the Principles of Constitutional Legal Proceedings of the Russian Federation
98 **Markhgeym M.V.** Citizenship: Constitutional and Legal Reception Nuances of State Construction
110 **Polonsky D.M.** On the Problem of Defining the Concept of Legality of the Public Administration Activities in Russia
117 **Ponkin I.V., Lapteva A.I.** Problems in Intellectual Property Law, prospectively determined by the processes of digitalization: general questions of theory

SCIENTIFIC LIFE AND COMMUNICATIONS

- 126 **Gabov A.V., Tonkov E.E., Shalaykin R.N., Tursuk L.D.** Energy Law: Models and Trends of Development (Review of Reports of the III International Scientific and Practical Conference, 8-9 October, 2021, Belgorod)

THESIS

- 137 **Vodenko K.V.** Urban Settlements in the Social Space of Russian Society: Historical Memory in the Context of Social Consolidation
142 **Nifontova O.I.** Teaching About the Predestination of Man in the Manuscript 121 of the Trilogy "Theological Humanology" by Archimandrite Evtikhian (Lestev)
150 **Isaev A.V.** The Value of "Natural Health" and Criticism of the Concept of Normalization of Health

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

УДК 1(091)

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-1-5-13

Концепции метемпсихоза в философии досократиков

Жукова О.А.

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева,
Россия, 302026, Орел, ул. Комсомольская, д. 95
E-mail: olgaalexboiko@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены концепции метемпсихоза в период становления античной мысли. В начале работы проведен анализ пифагорейского учения о душе как первой философской концепции метемпсихоза. Автор отдельно останавливается на проблеме религиозно-философских влияний на представления о душе Пифагора. В качестве особого варианта метемпсихоза автор выделяет античную доктрину палингенесии, которая проявляется в учении Гераклита Эфесского. Отдельно проанализированы идеи метемпсихоза Парменида Элейского и Эмпедокла Акрагантского. Сделан вывод об обусловленности античных идей метемпсихоза общим характером античной культуры и философии.

Ключевые слова: античная философия, досократики, душа, метемпсихоз, орфики, пифагорейцы, Гераклит Эфесский, Парменид Элейский, Эмпедокл

Для цитирования: Жукова О.А. 2022. Концепции метемпсихоза в философии досократиков. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 47(1): 5–13. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-14-22

Concepts of Metempsychosis in the Philosophy of Dosocratics

Olga A. Zhukova

I.S. Turgenev Oryol State University,
95 Komsomolskaya St, Oryol 302026, Russian Federation
E-mail: olgaalexboiko@gmail.com

Abstract. The article deals with the concept of metempsychosis during the formation of ancient thought. At the beginning of the work, the analysis of the Pythagorean doctrine of the soul as the first philosophical concept of metempsychosis is carried out. The author dwells separately on the problem of religious and philosophical influences on ideas about the soul of Pythagoras. As a special variant of metempsychosis, the author of the article singles out the ancient doctrine of palingenesis, which is manifested in the teachings of Heraclitus of Ephesus. The ideas of metempsychosis of Parmenides of Elea and Empedocles of Akragas are analyzed separately. At the end of the article, it is concluded that the ancient ideas of metempsychosis are conditioned by the general nature of ancient culture and philosophy.

Key words: ancient philosophy, pre-Socratics, soul, metempsychosis, Orphics, Pythagoreans, Heraclitus of Ephesus, Parmenides of Elea, Empedocles

For citation: Zhukova O.A. 2022. Concepts of Metempsychosis in the Philosophy of Dosocratics. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(1): 5–13 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-14-22

Введение

Проблема послесмертного существования человека является основополагающей темой мировой культуры и философии. Одним из вариантов её рассмотрения стала концепция переселения душ. Данная идея восходит к первобытному анимизму и получила широкое распространение в странах восточного мира. В Новейшее время это учение стало завоевывать всё большее внимание западного человека. С одной стороны, для воспитанного в многовековой христианской традиции европейца оно кажется чуждым. Христианская антропология создаёт концепцию единственности и уникальности земного бытия личности. С другой стороны, глобализация и мировоззрение постмодерна приводят к идее «смерти» всего индивидуального, авторского, неповторимого. Идея реинкарнации хорошо вписывается в такой смысловой контекст, согласуясь с эклектичностью сознания людей современной эпохи. Понять сущность какой-либо проблемы позволяет обращение к её первоисточкам. Разумеется, доктрина о перевоплощении душ получила наиболее полное распространение в индийской религиозной философии. Однако, как показывает анализ древнегреческих текстов, она была одной из ключевых тем античной мысли, начиная с самых её начал – учений досократиков до её завершения в философии неоплатонизма. Можно сказать, что без внимания к этой идее нельзя понять специфику и контекст античной философии, уяснить её отличия от мировоззрения современного западного общества.

Целью нашего исследования является проследить становление идеи метемпсихоза в античной философии. При этом доктрина метемпсихоза рассматривается нами в более общем контексте античного понимания души человека. В ходе исследования мы остановимся на проблеме влияний на философию досократиков восточной эзотерической традиции, рассмотрим мифологические истоки учения о переселении души. Более подробно мы остановимся на анализе концепций метемпсихоза в учениях Пифагора Самосского, Гераклита Эфесского, Парменида Элейского и Эмпедокла из Акраганта. Опираясь на идеи этих авторов, мы затронем проблему индивидуальности человека в античном понимании. Важной задачей в нашей статье будет показать обусловленность древнегреческой концепции метемпсихоза космоцентризмом античного мировоззрения.

Концепция метемпсихоза в учении Пифагора

Одним из первых о переселении души в философии Древней Греции учил Пифагор. Поскольку личность Пифагора является легендарной, а большая часть его наследия – эзотерической, мы не знаем точно, что из идей пифагореизма принадлежит его создателю, а что приписывается ему более поздними авторами. Сложным является также и вопрос о влияниях, которые испытал Пифагор в процессе создания своей философии. Обратим внимание на упоминание Диогена Лаэртца о том, что в молодости Пифагор бывал в Египте, где был сведён с фараоном Амасисом, «явился к халдеям и магам», посетил святилища и «узнал о богах самое сокровенное» [Диоген Лаэртский, 1979, с. 332]

По свидетельству Геродота, именно египтяне первыми выдвинули идею о том, что после смерти человека его душа перерождается в новое тело. Прежде всего она воплощается в животное, которое рождается в момент смерти человека, и затем в течение трёх тысяч лет совершает круговращение переселений в животных всех стихий (морских, земных

и небесных), пока не воплотится снова в человека. [Геродот, 1972. с. 118] Влияние на Древнюю Грецию египетской культуры и мифологии является широко известным. В частности, эзотерическая традиция Египта могла оказать воздействие на греческие мистерии. Тема переселения души имеется в древнеегипетской Книге мёртвых. Однако, как справедливо отмечает А. Кураев, в этом древнейшем тексте нет речи о перевоплощении в животных на земле. В нём говорится о переселении в обожествляемых тотемных животных, которые обитают в потустороннем мире. Следовательно, Геродот совершил классическую ошибку интерпретации, наделив египетские образы греческими прочтениями. [Кураев, 2001]. Отсюда следует, что Пифагор не мог воспринять понимание метемпсихоза, которое мы видим в его учении, из египетских источников.

Многие исследователи отмечают влияние на философию Пифагора и его учение о душе мифологии орфизма [Rohde, 1966; Orpheus and Greek, 1993; Обидина, 2012]. Официально считается один из учителей Пифагора Ферекид Сиротский [Двинянинов, 2015]. Как пишет исследователь Л.Я. Жмудь, орфизм был широко распространен в Греции середине V в., соответственно, его зарождение произошло раньше. Доктрина метемпсихоза была неотъемлемой частью учения орфиков, существовали целые орфические сообщества, исповедовавшие веру в него [Жмудь, 1994].

Однако сам орфизм представляет собой историко-философскую проблему. Исследователь орфизма Мартин Уэст, пишет о том, что орфические гимны были составлены в период Римской империи, то есть относятся к поздней Античности. А время создания наиболее объемной и значительной из орфических поэм «Рэпсодическая Теогония», которая сохранилась только в некоторых фрагментах, одними исследователями определяется в 6 в. до н. э., другими – эллинистическим периодом или даже позже. В ранних греческих источниках в упоминаниях философов фигурирует имя Орфей, но оно, по словам М. Уэста, связывается с культом, а не с учением. Кроме того, имеющиеся орфические тексты крайне разнородны, они не образуют общей доктрины. В таких разночтениях есть все основания для исторической дезориентации [West, 1983]. Проблема датировки имеющихся текстов, по нашему мнению, не является определяющей. Мы признаём, что, независимо от времени их написания, учение орфиков о душе было хорошо известно древним грекам, о чём мы узнаём уже из диалогов Платона. Так, в диалоге «Кратил» воспроизводится идея о том, что, согласно орфикам, тело есть темница души, данная человеку в наказание за вину [Платон, 1990, с. 634] В «Горгии» эта мысль повторяется и встречается показательный эпизод сравнения жизни в теле со смертью [Платон Т.1, 1990, с. 533]. В завершении «Государства» приводится рассказ некоего Эра, побывавшего в загробном мире и ставшего свидетелем выбора душами легендарных греков новых тел для воплощения. Была в этом видении и душа Орфея, не пожелавшая больше рождаться от женщины и поэтому избравшая новую жизнь в виде лебедя [Платон, Т. 3, с. 419].

У Диогена Лаэртского [1979, с. 332, 334] встречается интересное упоминание о том, что, по свидетельству Иона Хиосского, сам Пифагор «кое-что сочинённое приписал Орфею». Здесь мы имеем дело с забытой в современном индивидуалистическом обществе древней традицией приписывания определённых идей людям легендарного прошлого с целью придания им характера истинности. Пифагор приписывал свои идеи Орфею, пифагорейцы – своему учителю, платоники и неоплатоники – Платону.

Ссылаясь на «общее мнение», Диоген пишет, что именно Пифагор «первым заявил, что душа совершает круг неизбежности, чередуюсь облекаясь то в одну, то в другую жизнь» [Диоген Лаэртский, 1979, с. 332]. Однако, несмотря на подобные высказывания, представляется невозможным установить первоисточники этой идеи в древнегреческом мировоззрении. Ясно одно, что идея эта достаточно древняя, и, по крайней мере, во времена Пифагора она уже была распространена.

В связи с орфизмом и пифагореизмом некоторыми исследователями упоминается герметизм как ещё одна мистическая традиция, в которой раскрывается идея метемпсихоза

за. По одной из версий, герметизм является тайным учением, из которого восприняли свои идеи орфики и пифагорейцы. Символично, что по «воспоминаниям» Пифагора, в одной из своих прошлых жизней он был сыном того самого бога Гермеса (путеводителя душ умерших), от которого он получил эти «воспоминания» [Двинянинов, 2015]. Исследователь Д. Странден отстаивает идею о том, что герметизм, несмотря на позднеантичное время написания имеющихся текстов, сохраняет традиционные древнеегипетские верования [Странден, 1914]. Однако мы не будем останавливаться на этих идеях, соглашаясь с более современными исследованиями о том, что герметизм как учение возник уже в период поздней античности [Йейтс, 2000].

Оставим открытым вопрос о влиянии на Пифагора древних культов. Для нас важно, что его идеи можно рассматривать как точку отсчета в возникновении доктрины метемпсихоза. По легенде, изложенной Диогеном, Пифагор, будучи в одной из прошлых жизней сыном бога Гермеса Эфалидом, получил от него уникальный дар не забывать о своих воплощениях, о которых он и рассказывал ученикам. Согласно этим «воспоминаниям», после Эфалида Пифагор воплощался в героя Евфорба, затем в милетца Гермотима, потом в рыбака Пирра, после чего стал Пифагором [Диоген Лаэртский, 1979, с. 333]. Заметим также, что до этих воплощений или между ними душа Пифагора побывала в Аиде и телах животных и растений. Кроме того, Пифагор мог узнавать историю душ других людей, общаться с душами животных [Суриков, 2013, с. 190].

В качестве существенного отличия в понимании метемпсихоза орфиками и пифагорейцами исследователь Л.Я. Жмудь отмечает объяснение причины перевоплощения. Согласно орфизму, переселение души в тело является результатом вины и греха. Соответственно, воплощение в тело является наказанием и оценивается негативно. По мнению исследователя, этой идеи (за редким исключением) нет у пифагорейцев, которые считали душепереселение естественным порядком. Более того, качество нового тела, в которое воплощается душа, в учении пифагорейцев не зависит от степени праведности прошлой жизни. Вэтом плане показательны перерождения самого Пифагора, которые мы привели выше. Как мы видим, никакого прогрессивного ряда в них не прослеживается [Жмудь, 1994].

Другие авторы, напротив, подчёркивают этический аспект пифагорейского учения о душе. Согласно А.О. Маковельскому, Пифагор «внёс этическую струю в свой религиозный институт», воспринимая земную жизнь как путь очищения души, и «облагородил» средства очищения [Маковельский, 2017, с. 60]. Этический уклон пифагорейства подчёркивает и Э. Целлер, использующий при его характеристике словосочетание «этическая реформа» [1996, с. 51]. В.Е. Жураковский пишет, что «только следование основам пифагорейской морали вело к личному спасению каждого сочлена общины и выводило его из того круга рождений (на основе учения о метемпсихозе), на который были обречены все непосвященные» [1940, с. 115]. Таким образом, вопрос о связи этики пифагорейства с концепцией перерождений остаётся открытым. В любом случае целью пифагорейцев является освобождение души от перерождений и возвращение в божественное состояние, чему способствует развитие души.

Важную роль в развитии души играет «пифагорейский образ жизни», который, в частности, предполагал множество религиозных обрядов, табу и предписаний [Маковельский, 2017]. Правильный образ жизни включал развитие памяти и даже древние психотерапевтические техники. По этому поводу интересна мысль Г.В. Драча о том, что Пифагор разрабатывал новую концепцию души как «управляющего начала тела». Пифагорейский образ жизни позволяет подчинить чувства разуму, достичь гармонии различных устремлений индивида [Драч, 2003, с. 197]. Интересно также, что одним из методов исцеления души, который традиция приписывает самому Пифагору, является использование правильно подобранной музыки, гармония которой помогает возвысить душу, избавить её от страстей, вернуть ей утраченное равновесие [Суриков, 2013, с. 147]. И в этом ещё одна

идея орфизма, согласно которому с помощью музыки древний шаман Орфей мог не только воздействовать на мир живых, но и проникать в мир мёртвых, благодаря чему увел оттуда душу возлюбленной супруги.

Палингенесия как вариант метемпсихоза

Кроме традиционного понимания метемпсихоза как переселения индивидуальной души в тела разных существ, как в орфизме и пифагореизме, в античной философии выделяется другая его вариация, являющаяся менее очевидной. Речь идёт о палингенесии – круговороте душ, связанном с циклами смерти и возрождения космоса. Такой вид метемпсихоза имплицитно прослеживается у античных натурфилософов, начиная с милетской школы. Первоначала этих древнейших авторов не представляли собой нечто материальное. Это был гилозоистский синтез материального и духовного. Первоэлементы мира в их учениях находились в постоянном динамическом движении, они «дышали» и «мыслили». Согласно учению подавляющего большинства античных философов от досократиков до неоплатоников, весь мир одушевлён и разумен. Душа мира находит своё разумное воплощение в человеческом существе. Человек – это гармоничная часть целого. В античной философии он не мыслится оторванным от полноты бытия. Вместе со всем миром душа совершает вечный круговорот.

В качестве специфической формы метемпсихоза может рассматриваться учение Гераклита Эфесского, понимавшего душу как проявление динамики огненного первоначала [Лебедев, 2008]. Всё в мире возникло в мировом пожаре, и всё в огне сгорает. Но после мирового сгорания происходит новое порождающее пламя. Таким образом, мир находится в постоянном циклическом движении, все вещи которого есть ни что иное, как различные состояния сгущения и разряжения огня. В этом текучем изменчивом мире есть нечто вечное – мировой Логос, разумный порядок и строй всего бытия. Интересно, что само понятие гераклитовского Логоса является неоднозначным и в одном из переводов это слово обозначается именно как мировая душа [Маковельский, 2017].

Диалектический подход Гераклита предполагает, что всё в мире есть борьба и единство противоположностей. И даже такие бинарные оппозиции, как жизнь и смерть, не уничтожают, а порождают друг друга: «Бессмертные – смертны, смертные – бессмертны; смертью друг друга они живут, жизнью друг друга они умирают» [Фрагменты..., 1989, с. 215]. «Душам смерть – воды рожденье, воде смерть – земли рожденье» [там же, с. 229]. Таким образом, мы видим вечный переход жизни (рождения) и смерти. Душа участвует в этом круговращении, проявляясь в разных качествах и состояниях. Так, душа младенца влажная, но по мере развития, она может высыхать. Наивысшее состояние души есть возвращение её огненной природы. Именно такой является душа мудреца [там же, с. 230]. Вследствие своей сродности огненному первоначалу, она может непосредственно постигать мировой Логос. Можно сказать, что учение Гераклита включает иерархию душ, которые могут деградировать и обожествляться. Как и у всего в мире, у души есть два пути: «путь вниз» (затухание) и «путь вверх» (возгорание). Именно с этими состояниями связаны интеллектуальные и этические качества индивида.

По Гераклиту, люди – это смертные, а боги – бессмертные люди [Фрагменты...1989, с. 215]. Однако, как справедливо замечает исследователь философии досократиков А.О. Маковельский, ошибкой являлось бы утверждение о наличии в учении Гераклита идеи бессмертия индивидуальной души. Душа человека не субстанциональна, она есть лишь часть единого мирового огня. Души нуждаются в постоянном обновлении, в оживлении от движения вечного пламени. В этом смысле душа уподобляется находящейся в непрерывном течении реке. Таким образом, мы видим, что Гераклит отрицает целостность человеческой личности. По его учению, после смерти человека огненные частички души какое-то время продолжают существовать и идут по «пути вниз» или по «пути вверх». Согласно Дж. Бер-

нету, Гераклит выделяет два состояния смерти: «водяную» и «огненную». Душа умирает, если она нарушила свою меру. Если она была подвержена страстям, душа умирает от избытка влаги. Если душа была слишком сухой, то она тоже умирает, но это благоприятно для неё, поскольку тогда она становится богом [Маковельский, 2017, с. 130].

Подчеркнём последний момент перехода души в случае её смерти в божественное состояние. Эта идея кажется непривычной современному исследователю. Но принимая во внимание историко-культурный контекст, нужно помнить, что человек античности считал различных демонов (богов) не только реальными, но и в некоторой степени достижимыми для человека. Поэтому античная идея метемпсихоза предполагала возможность перевоплощения души как в низшее качество (животное, растение), так и в высшее качество (полубогов и богов). Об этом свидетельствует и упомянутая выше легенда о Пифагоре, согласно которой в одной из прошлых жизней он был сыном бога Гермеса Эфалидом.

Мысль о высшем (божественном) происхождении души обнаруживается и в философии основателя школы элеатов Парменида. Его учение о душе, как и у его предшественников, неотделимо от онтологических представлений. Философская концепция основателя элейской школы выделяется из идей предшественников предельно абстрактным для античной Греции теоретическим уровнем. Именно Парменид, как известно, впервые выделил категорию бытия, отрицал возможность небытия и движения. Из этого логично было бы вывести, что мифологическая идея перевоплощения душ не может включаться в его концепцию. Однако Парменид гениально решает этот вопрос, противопоставляя философский «путь истины» (божественного знания о вечности, единстве и неизменности бытия) и «путь мнения» (ошибочный путь понимания, продиктованного чувственными восприятиями). О душепереселении философ пишет именно в той части поэмы «О природе», в которой излагается путь мнения и описывается устройство мира, состоящего из взаимодействующих стихий.

По свидетельству Макробия, Парменид понимал душу состоящей из стихий огня и земли. Главной частью души является огненная, находящаяся в груди [Маковельский, 2017, с. 31]. У комментатора Симпликия Киликийского приводится фрагмент поэмы «О природе» о том, что богиня – создательница мира, управляя природным влечением, заставляет рождаться все существа мира от животных до богов. Управляя рождением, она же руководит и смертью, посылая души то из мира видимого в невидимый (Аид), то наоборот. Так, богиня постоянно осуществляет круговорот от состояния света к состоянию тьмы. Рождение является нисхождением души из светлого состояния во тьму. Свет – это мир самой богини, возвращение души в подлинное состояние [Фрагменты..., 1989]. Разумеется, имеющиеся фрагменты не предоставляют нам развёрнутую картину оформленной концепции метемпсихоза, но косвенно они свидетельствуют о влиянии на Парменида пифагорейской (и орфической) традиции.

Близость идей элеатов к наследию Пифагора объясняется их общей принадлежностью к Италии – западной линии древнейшей греческой философии. К этой же традиции примыкает Эмпедокл. На первый взгляд, его идея существенно отличается от идеалистической линии своих предшественников выраженным натурфилософским характером. Однако это не означает, что Эмпедокл был чужд мифологического мировоззрения своего времени. В его учении и образе жизни был значительный мистический компонент, который распространялся и на понимание души. Если натурфилософское учение Эмпедокла излагается в его поэме «О природе», то его мистические идеи раскрываются в поэме «Очищения». В этом произведении в духе Ксенофана утверждается существование единого Бога, недостижимого для восприятия человеческих чувств. Интересно, что эта идея, по мнению античного философа, не исключает положения о том, что люди когда-то тоже были божественными и демоническими существами, но их души отпали от блаженного со-

стояния за нарушение религиозных табу, последствием чего стало заключение их душ в телесную оболочку и дальнейший метемпсихоз [Маковельский, 2017, с. 126]

По свидетельству Диогена, Эмпедокл учил о том, что душа принимает различные формы, в том числе животных и растений. В духе Пифагора, помнящего свои перерождения, философ утверждал, что он был некогда отроком, девой, птицей, рыбой и даже кустом [Диоген Лаэртский, 1979, с. 354]. Интересно, что он выделяет более предпочтительные состояния бытия растений, животных и человека: из растений самое совершенное – лавр; из животных – лев; из людей – философы, пророки, поэты и врачи. Когда душа достигает высшего человеческого состояния, ряд её перевоплощений прекращается, и она вновь возвращается в обитель бессмертных (бестелесных) существ. Достичь этого состояния можно, усвоив на земле правильный образ мыслей и религиозных действий, чему и учил Эмпедокл [Маковельский, 2017].

Исследователи справедливо усматривают в учении Эмпедокла о душе противоречие между физикой и мистикой [Целлер, 1996, с. 126]. С одной стороны, душа понимается как гармоническое смешение физических первоэлементов [Маковельский, 2017, с. 162] и связывается с движениями крови. С другой стороны, изначально она является бестелесной божественной субстанцией [Маковельский, 2017, с. 126]. На наш взгляд, противоречия здесь нет, поскольку натурфилософские идеи Эмпедокла органично соединяют образы богов и природных стихий, превращая естественный мировой круговорот в динамичный процесс взаимодействия высших сил. Круговорот души неминуемо включён в этот космический порядок. Души богов и демонов проходят через циклы чередования Любви и Ненависти. В период объединения всех первоэлементов («Сферотоса») они сливаются в божественном абсолюте, но такое состояние не вечно. При новом мирообразовании они снова приобретают индивидуальную форму, самая недолговечная из которых – земное существование.

Заключение

Подводя итог исследованию, подчеркнём отличие античного миропонимания, которое мы видим уже в философии досократиков, от современного западного мировоззрения. Поскольку античные представления космоцентричны, душа в них понимается как часть единого миропорядка. Она связана со стихиями и первоэлементами мира, дыханием космоса. Мифологический характер античного мышления синкретично соединяет натурфилософию и спиритуализм (веру в неразрывную связь человека с мирами богов, демонов, животных и растений). Поскольку античное понимание истории циклично, душа человека неминуемо включается в этот цикл. И это ещё один аргумент в пользу того, что идея метемпсихоза не является чем-то внешним (восточными влияниями) по отношению к учениям Древней Греции. Напротив, она органически связана со всеми этими чертами античной культуры, логически вытекает из них. Переселение души становится естественным механизмом поддержания мирового целого.

Спорным аспектом метемпсихоза является его этический характер. Мы видели, что не все исследователи соглашались в этических основаниях душепереселения в концепции Пифагора. По нашему мнению, этот момент действительно мало выражен в философии досократиков. Главной функцией перерождения души является не наказание за грехи, а поддержание мировой гармонии. Западное мировоззрение индивидуалистично, его представление о душе базируется на христианской парадигме единства личности, которое сохраняется даже после смерти. В связи с такой установкой, при обращении к античным концепциям метемпсихоза у современного человека возникает искушение понимать древнегреческий метемпсихоз как результат персональных действий каждой воплощающейся души. Однако концепции античного метемпсихоза неразрывно связаны с идеей целостности миропорядка, в котором соединяются все уровни (божественный, человеческий, при-

родный и демонический), выделение и противопоставление которых свойственно иерархическому западному пониманию мира, базирующемуся на христианстве.

Как мы показали в этой статье, античные концепции метемпсихоза неминуемо включают вариант палингенесии. Таким образом, метемпсихоз является одной из ключевых идей древнегреческой онтологии.

Список источников

- Геродот. 1972. История в девяти книгах. Изд-во «Наука», Ленинград, 600 с.
- Диоген Лаэртский 1979. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., Мысль, 624. (Diogenes Laërtius, 1853. The Lives and Opinions of Eminent Philosophers, tr. C.D. Yonge. London: Henry G. Bohn)
- Лебедев А.В. 2008. Метемпсихоз. Античная философия: Энциклопедический словарь. М., Прогресс-Традиция: 488–489.
- Маковельский А.О. Досократики, часть первая. Казань, издание книж. магазина М.А. Голубева. 1914 г. КАРАМЗИН, 2017, 211 с.
- Платон. 1994. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. М., Мысль, 654 с.
- Платон. 1990. Собрание сочинений в 4 т., Т. I. М., Мысль, 860 с.
- Странден, Д. 1914. Герметизм. Его происхождение и основные учения. Сокровенная философия египтян. Изд. Воронеж А.И. СПб., Тип. Акционерного О-ва Тип. Дела, 85 с.
- Суриков И.Е. 2013. Пифагор. М., Молодая гвардия, 269 с.
- Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. М., Наука, 1989, 576 с.

Список литературы

- Двинянинов Б., 2015. Концепция метемпсихоза в античности: орфизм, пифагореизм, герметизм. *Религиоведческие исследования*, 2 (12): 11–31.
- Драч Г.В. 2003. Рождение античной философии и начало антропологической проблематики. М., Гардарики, 318 с.
- Жмудь Л.Я. 1994. Наука, философия и религия в раннем пифагореизме. Изд. ВГК Санкт-Петербург, 376 с.
- Жураковский В.Е. 1940. Очерки по истории античной педагогики. М., 471 с.
- Йейтс Ф.А. 2000. Джордано Бруно и герметическая традиция. Перевод Г. Дашевского. М., Новое литературное обозрение, 528 с. (Yates F. A. 1964, Giordano Bruno and the Hermetic London, Routledge and Kegan Paul, 466 p.)
- Кураев А., протоиак. 2001. Куда идет душа. Раннее христианство и переселение Электронная книга. URL: http://kuraev.ru/index.php?option=com_remository&Itemid=54&func=select&id=1&orderby=2&page=2. (Дата обращения 02.09.20)
- Обидина Ю.С. 2004. Влияние орфических представлений о бессмертии души на философскую мысль античности. *Философские науки*, 8: 14–21.
- Целлер Э. 1996. Очерк истории греческой философии. СПб., Алетея, 296 с. (Zeller E. 1895, Outlines of the History of Greek Philosophy. Longmans, Green, 363 p.)
- Guthrie W. K. C. 1993. Orpheus and Greek Religion: A Study of the Orphic Movement, Princeton University Press, Princeton, NJ, 291 p.
- Rohde E. 1966. Psyche: The Cult of Souls and Belief in Immortality Among the Greeks. Vol. 2 Harper & Row, 626 p.
- West M. 1983. The Orphic Poems, Oxford, Clarendon.

References

- Dvinjaninov B., 2015. The concept of metempsychosis in antiquity: Orphism, Pythagoreanism, hermeticism. *Religiovedcheskie issledovaniya*, 2 (12): 11–31. (in Russian)
- Drach G.V., 2003. The birth of ancient philosophy and the beginning of anthropological problems. M., Publ. Gardariki, 318 p. (in Russian)
- Zhmud' L. Ja. 1994. Science, philosophy and religion in early Pythagoreanism. Publ. VGK Sankt-Peterburg, 376 p. (in Russian)

- Zhurakovskij V.E. 1940. Essays on the history of ancient pedagogy. M., 471 p. (in Russian)
- Jejts F. A. 2000. Giordano Bruno and the Hermetic tradition. Translated by G. Dashevsky. M., Publ. Novoe literaturnoe obozrenie, 528 p. (Yates F. A. 1964, Giordano Bruno and the Hermetic London, Routledge and Kegan Paul, 466 p.)
- Kuraev A., protodiak. 2001. Where the soul goes. Early Christianity and Resettlement E-book. URL: http://kuraev.ru/index.php?option=com_remository&Itemid=54&func=select&id=1&orderby=2&page=2. (Accessed 02.09.20) (in Russian)
- Obidina Ju.S. 2004. The influence of orphic ideas about the immortality of the soul on the philosophical thought of antiquity. *Filosofskie nauki*, 8: 14–21. (in Russian)
- Celler Je. 1996. An essay on the history of Greek philosophy. SPb., Publ. Aletejja, 296.
- Guthrie W. K. C. 1993. Orpheus and Greek Religion: A Study of the Orphic Movement, Princeton University Press, Princeton, NJ, 291 p.
- Rohde E. 1966. Psyche: The Cult of Souls and Belief in Immortality Among the Greeks. Vol. 2 Harper & Row, 626 p.
- West M. 1983. The Orphic Poems, Oxford, Clarendon.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жукова Ольга Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, г. Орел, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga A. Zhukova, PhD, Associate Professor of the Department of Philosophy and Culturology, Turgenyev Oryol State University, Oryol, Russia.

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-1-14-22

Особенности социальных неравенств в здоровье пожилых людей в России и Европе: обзор исследований

Галкин К.А.

Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН
Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., 25/14,
E-mail: kgalkin1989@mail.ru

Аннотация. Исследования возрастных различий в здоровье пожилых людей важны для понимания общей картины социальных факторов неравенств. Работы, посвящённые изучению неравенств в здоровье, в основном рассматривают когорты среднего возраста, а здоровье пожилых людей и неравенства в здоровье пожилых людей встроены в подобный анализ. И моделирование, которое используется в подобных исследованиях, часто не рассматривает пожилых людей как отдельную когорту, равно как не обозначает факторы, влияющие на особенности здоровья пожилых людей. В связи с этим автором проведен анализ популяционных количественных исследований разных стран, посвящённых здоровью пожилых людей, рассмотрены факторы, которые влияют на субъективное здоровье пожилых людей в Европе и России. Сделан вывод о том, что наиболее значимое влияние на субъективное здоровье пожилых людей оказывают психосоциальные факторы и психологические ресурсы.

Ключевые слова: субъективное здоровье, здоровье пожилых, неравенства в субъективном здоровье, пожилые люди в Европе, пожилые люди в России

Для цитирования: Галкин К.А. 2022. Особенности социальных неравенств в здоровье пожилых людей в России и Европе: обзор исследований. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 47(1): 14–22. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-14-22

Features of Social Inequalities in the Health of Older People in Russia and Europe: Research Review

Konstantin A. Galkin

Sociological Institute of FCTAS RAS
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences
25/14 7 Krasnoarmeyskaya St, Saint Petersburg 190005, Russian Federation
E-mail: kgalkin1989@mail.ru

Abstract. Studies of age differences in the health of older people are important for understanding the overall picture of societal factors of inequalities. The works devoted to the study of health inequalities mainly consider middle-aged cohorts, and the health of older people and inequalities in the health of older people are embedded in such an analysis. And the modeling that is used in such studies often does not consider the elderly as a separate cohort, nor does it identify factors that affect the health characteristics of the elderly. In this regard, the author analyzes population quantitative studies of different countries devoted to the health of older people, considers factors that affect the subjective health of older people in

Europe and Russia. It is concluded that psychosocial factors and psychological resources have the most significant impact on the subjective health of older people.

Keywords: subjective health, elderly health, inequalities in subjective health, elderly people in Europe, elderly people in Russia

For citation: Galkin K.A. 2022. Features of Social Inequalities in the Health of Older People in Russia and Europe: Research Review. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(1): 14–22 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-14-22

Введение

Одной из важных проблем общественного здоровья выступает сохранение отчетливых неравенств в здоровье. Состояние здоровья населения, в частности пожилых людей, отличается в разных странах. С целью объяснения таких неравенств в современных исследованиях рассматривается ряд факторов и рисков, которые создают подобные неравенства в субъективном здоровье пожилых людей [Read et. al., 2016; Niedzwiedz et. al., 2016; Ellina et. al., 2019].

Однако субъективное здоровье пожилых людей преимущественно рассматривается в медицинских и гериатрических работах, не являясь предметом социологических исследований. В последнее время исследовательские возможности были значительно расширены, что позволило рассматривать и особенности субъективного здоровья пожилых людей с точки зрения социологии.

Цель настоящего обзора – рассмотрение социальных, психологических и медицинских факторов, которые влияют на субъективное здоровье пожилых людей. Для этого в работе проводится анализ популяционных количественных исследований разных стран, посвящённых здоровью пожилых людей.

Обзор исследований, посвящённых неравенствам пожилых людей в странах Европы

Тема субъективного здоровья пожилых людей и факторов, влияющих на субъективное здоровье, рассматривается в исследованиях, проведенных в северных, западных и южных регионах Европы. В Восточной Европе данная тема затронута слабо, исследована в гораздо меньшей степени [Read et. al, 2016; Mackenbach et. al, 2018]. Несмотря на различия в показателях измерений субъективного здоровья, результаты исследований показывают, что существуют общие закономерности, характерные для всех стран Европы. Неравенства в здоровье проявлялись в большей степени в самооценке здоровья пожилых людей, жителей всех стран Европы, чем в качестве жизни и удовлетворённости жизнью. Возможно, это связано с тем, что удовлетворённость жизнью, представляющая собой психологическое измерение благополучия, может в меньшей степени зависеть от внешних обстоятельств, таких как богатство [Aknin et. al, 2009; Ward et. al, 2020], и в большей степени – от внутренних факторов, таких как личность и индивидуальный успех личности [Iammarino et. al, 2019; Mackenbach, 2020].

Показатели качества жизни включают в себя ряд социопсихологических компонентов, которые могут сделать их более связанными с внутренними факторами неравенств. Исследования, которые разделяли психологические и физиологические показатели субъективного здоровья, показывают, что связь между образованием и качеством жизни была в большей степени связана с социопсихологическими показателями здоровья, чем с физическими показателями [Guarnizo-Herreño et. al, 2013; Vardoulakis et. al, 2016; Vozikaki et. al, 2018]. Это объясняется тем, что возможность продолжать трудовую деятельность сни-

жает вероятность возникновения у пожилых людей депрессивных состояний и чувства ненужности, изолированности от общества [Gratton, et. al, 2016; Sanchez et. al, 2018].

Исследования показали зависимость самооценки здоровья от уровня образования. Доход, в свою очередь, был реже связан с самооценкой здоровья и качества жизни [Read et. al, 2016]. Другим важным показателем, который связывает неравенства и субъективное здоровье пожилых людей в Европе, выступает депривация различных регионов и районов, в которых проводились исследования [Espina, 2013; Maynou et. al, 2015]. Этой теме необходимо уделить в исследованиях особое внимание, равно как и теме сельско-городских различий в разных регионах Европы, которым на сегодняшний день в работах отводится незначительная роль.

Другими немаловажными показателями, связанными с субъективным здоровьем пожилых жителей Европы и неравенствами в здоровье, выступают поведенческие особенности, связанные со здоровьем и соблюдением здорового образа жизни. Стоит отметить достаточно большой пул литературы, в которой рассматриваются особенности active aging и популярные тренды active aging в различных странах Европы [Klugar et. al, 2016; López-López et. al, 2019; Kim et. al, 2020]. Один из наиболее распространенных трендов – ежедневная физическая нагрузка, как и соблюдение здорового образа жизни. Эти показатели, как отмечается в европейской литературе преимущественно по геронтологии и социальной политике, определяют субъективную активность, а активность пожилых людей, в свою очередь, позитивно сказывается и на психологическом, и на социальном здоровье [Gomes et. al, 2017; Santini et. al, 2020; Remón et. al, 2020].

Эффекты влияния социально-экономических неравенств в зависимости от пола оказались существенными во всех регионах Европы [Kim et. al, 2017; Uccheddu et. al, 2019; Schmitz et. al, 2019]. Значимым фактором выступает и среда, в которой проживает пожилой человек.

Основной проблемой для дальнейших исследований, как отмечается в работах, выступает отсутствие дифференцированности пожилого населения Европы по ключевым показателям, таким как уровень образования и уровень дохода, в отличие от групп среднего возраста. Также одной из проблем выступает отсутствие внимания исследователей к субъективному здоровью пожилых когорт [Högborg et. al, 2018]. Часто внимание в работах сосредоточено именно на изучении среднего возраста и субъективного здоровья респондентов среднего возраста.

К основным факторам, которые создают неравенства пожилых людей в Европе, следует отнести материальные, психосоциальные и поведенческие факторы, что подтверждается исследованиями неравенств в здоровье пожилых. Однако в данном случае важным выступает то, что психосоциальные факторы, связанные с одиноким проживанием, ухудшают субъективное здоровье пожилых людей в старших возрастных когортах практически повсеместно в Европе [Domènech-Abella et. al, 2019; Conde Sala et. al, 2020; Schorr et. al, 2020]. Психосоциальные особенности, такие как стресс, связанный с одиночеством, и стресс, имеющий отношение к потере сил и автономности, оказывают негативное воздействие на субъективное здоровье пожилых европейцев.

С другой стороны, немаловажными оказываются материальные факторы. В рассмотренных трудах к материальным факторам относилось в первую очередь наличие образования и стабильного дохода и работы, что, как отмечается в геронтологических исследованиях, способствует сохранению активности, интегрированности пожилых людей в социум и, как следствие, сохранению лучшего психологического субъективного здоровья [Hvalič-Touzery et. al, 2018; Gallistl et. al, 2020]. При этом в большинстве исследований, отмечается позитивное влияние улучшения субъективного здоровья пожилых людей на развитие социальной политики, социальных государств, а также медицинского обеспечения пожилых людей во всех странах Европы [Leone et. al., 2016; Park et. al., 2021].

Обзор исследований, посвящённых Неравенству в здоровье пожилых людей в России

В демографических исследованиях, посвящённых неравенствам в здоровье пожилых людей, отмечено, что проблема субъективного здоровья и неравенств в здоровье – одна из ключевых проблем пожилых людей в России [Данилова, 2017; Фролова и др., 2019]. При этом пожилые люди составляют одну из групп, на которую в подобных работах направлен исследовательский фокус, но обычно неравенства в таких трудах рассматриваются комплексно и охватывают не только пожилых людей, но и другие группы населения.

В социологических работах уделяется больше внимания социальным факторам и особенностям неравенств пожилых людей, а в исследованиях, посвящённых социальной работе, основной акцент сделан на проблеме качества медицинской помощи и удовлетворённости медицинской помощью и социальным обеспечением, поступающим от различных провайдеров заботы о пожилых людях, а также психологическим факторам – таким аспектам повседневной жизни пожилых людей, как одинокое проживание и ранний выход на пенсию, отсутствие возможностей участия в жизни социума [Неваева, 2014; Григорьева и др., 2019; Иванкина и др., 2020].

Отличительной особенностью исследований по социальной работе и социологии, посвящённых изучению субъективного здоровья пожилых людей в России, выступает описательная статистика и незначительные выборки, которые охватывают один или несколько регионов [Чернышкова и др., 2015; Колпина и др., 2015]. Наиболее распространённый метод исследований, посвящённых изучению субъективного здоровья пожилых людей в России – анкетный опрос. Анализ полученных методом анкетирования результатов заключается в представлении описательной статистики, то есть в описании полученных данных.

В исследованиях, где применяются моделирование и использование прогностических моделей, описываются особенности социально-экономических неравенств, влияющих на субъективное здоровье пожилых людей. Также важным оказывается контекст, который может быть представлен различными переменными, такими как пол или конкретное место жительства пожилого человека, будь то город или село.

Одним из возможных вариантов улучшения физического и психологического субъективного здоровья пожилых людей, как отмечают многие отечественные и зарубежные исследователи, выступает улучшение качества медицинских услуг, социальной поддержки и помощи [Стародубов и др., 2015; Weiss et. al., 2018]. Для российского контекста характерен дефицит доступа для пожилых людей к современным и технологичным медицинским обследованиям, например, таким как компьютерная томография или магнитно-резонансная томография. Ограниченный доступ к качественным медицинским услугам, как и к системам диагностики, усугубляет неравенства в здоровье пожилых людей в России [Стародубов и др., 2015].

Также следует отметить и социальную дифференциацию. Именно благополучные в материальном отношении пожилые люди в России имеют большие шансы на получение качественной медицинской помощи, в то время как пожилые люди в сельской местности и малых городах, имеющие невысокий доход, подвержены социальным неравенствам и часто не имеют доступа к альтернативам государственной системе здравоохранения, качество которой в России, по мнению автора, оставляет желать лучшего. При этом для большинства европейских стран характерно отсутствие неравенств, связанных с заболеваемостью и инвалидностью пожилых людей [Avendano et. al, 2009; Majer et. al, 2011].

В российских исследованиях, посвящённых анализу неравенств в здоровье у пожилых людей, как и в европейских, отмечается, что в зависимости от социального статуса снижается или повышается риск депрессивного синдрома, который негативно влияет на психосоциальное здоровье [Воробьев, 2007; Русинова и др., 2016]. Именно психологиче-

ским ресурсам отводится важная роль в поддержании субъективного здоровья пожилых жителей. Также отмечается, что важным оказывается участие российских пожилых людей в различных видах деятельности, характерных для активного долголетия (англ. аналог *active aging*), к примеру, практика ЗОЖ, что обеспечивает здоровье пожилых людей [Колосницина и др, 2016; Калачикова и др, 2016].

Наряду со всеми обозначенными выше факторами следует упомянуть характерное как для европейских, так и для российских исследований отсутствие лонгитюдных работ, посвящённых пожилым людям. Это обстоятельство создаёт сложности с пониманием неравенств в здоровье пожилых людей старших возрастов, а также с моделированием подобных неравенств для пожилых людей старших возрастов в России.

Заключение

В представленном исследовании рассмотрено, как описываются различные факторы, которые влияют на субъективное здоровье пожилых жителей Европы и России. Наиболее значимое влияние на субъективное здоровье пожилых жителей оказывают психосоциальные факторы и психологические ресурсы.

Обзоры современных исследований проблемы неравенств в субъективном здоровье пожилых людей показывают, что в объяснительных моделях подобных неравенств в здоровье важное место отводится (вместе с материальным благополучием и материальной депривацией) эффектам медиаций и модерации, связанными с такими переменными, как социальный капитал, психологические ресурсы и контекстуальные факторы, в особенности региональные различия, которые обусловлены доступом к качественным медицинским услугам, новейшим медицинским технологиям и современным способам проведения диагностики.

Психологические ресурсы, как и социальный капитал, не только выступают важными факторами, объясняющими неравенства, но и служат основными факторами поддержания психологического здоровья. Социальный капитал для пожилых людей в России и Европе связан с интеграцией в социум и продолжительной работой, продолжением работы; это позитивно влияет на психологическое здоровье, что, в свою очередь, поддерживает здоровье физическое. При этом эксклюзия и отсутствие друзей, общения, семейной поддержки, что в большей степени характерно для пожилых людей, оказывают влияние на психологическое и физическое здоровье в равной степени.

В рассмотренных работах были обнаружены посреднические эффекты психосоциальных факторов и физического здоровья пожилых людей. Важным фактором, который влияет на субъективное здоровье пожилых людей, выступает профессиональный статус и образование. Именно наличие образования и профессии позволяет пожилым людям дольше оставаться включёнными в трудовую деятельность, что позитивно сказывается на их психологическом и физическом здоровье. При этом степень влияния социального статуса на психологическое здоровье пожилых людей менялось в зависимости *от уровня развития страны проживания*: оно было минимальным в развитых странах и достаточно значимым в развивающихся странах Восточной Европы и в России.

Полученные в ходе анализа результаты о субъективных неравенствах пожилых людей в здоровье подтверждают предположение о том, что социальные неравенства пожилых людей и их сокращение зависят от контекста. И важными здесь становятся как развитие общества, так и исследования особенностей неравенств в здоровье по оси «город – село».

В развивающихся странах Восточной Европы и России наиболее весомыми негативными факторами, влияющими как на психологическое, так и на физическое здоровье пожилых людей, выступает не относительная депривация, связанная с негативными эмоциями, стрессами и сложным переживанием отчуждённости, особенно характерным для пожилых людей, проживающих в сельской местности, а с проблемами доступа для пожи-

лых людей к качественным медицинским ресурсам, медицинской помощи, а также к психологической помощи, необходимой для преодоления трудной жизненной ситуации.

Следует отметить практически полное отсутствие лонгитюдных исследований как в европейских странах, так и в России, что не позволяет судить о неравенствах пожилых людей, и особенностях подобных неравенств в старших возрастных когортах. Также в исследованиях, посвящённых субъективному здоровью пожилых людей в Европе и России, отмечается важность изучения индивидуальных особенностей и индивидуальных рисков для пожилых людей, в том числе в контексте активного старения и сохранения активности и автономности пожилых людей, равно как особенностей влияния методики активного старения на субъективное здоровье пожилых людей в будущем.

Отмечается важность проведения исследований в mixed-парадигме, которые в будущем позволили бы не только проанализировать индивидуальные смыслы субъективного здоровья для пожилых людей, но и рассмотреть особенности макроконтекста, анализируя данные больших выборок и дополняя их качественными данными.

Список литературы References

- Воробьев П. А., Власова А. В. 2007. Депрессия в пожилом возрасте. *Клиническая геронтология*, 3: 22–28.
- Vorobyev P. A., Vlasova A. V. 2007. Clinical Gerontology, 3:22-28. Vorob'ev P. A., Vlasova A. V. 2007. Depressiya v pozhilom vozraste [Depression in old age]. *Klinicheskaya gerontologiya*, 3: 22–28 (in Russian).
- Григорьева И.А. 2005. Приоритеты социальной политики: пожилые люди. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 8 (3): 131–145.
- Grigorieva I.A. 2005. Priorities of social policy: elderly people. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 8 (3): 131–145 (in Russian)
- Данилова И.А. 2017. Межрегиональное неравенство в продолжительности жизни в России и его составляющие по возрасту и причинам смерти. *Социальные аспекты здоровья населения*, 57(5): 1–17. DOI: 10.21045/2071-5021-2017-57-5-3
- Danilova I.A. 2017. Interregional inequality in life expectancy in Russia and its age and causes of death components. *Social Aspects of Public Health*, 57 (5): 1–17. (in Russian) DOI: 10.21045/2071-5021-2017-57-5-3
- Иванкина Л.И., Аникина Е.А., Гуменников И.В. 2020. Обоснование модели влияния неравенства на субъективное благополучие пожилых людей. В кн.: Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы. Материалы IV Всероссийской научной конференции с международным участием. Иркутск, 24 апреля 2020 года. Иркутск, [Иркутский государственный университет](#): 36–42.
- Ivankina L.I., Anikina E.A., Gumennikov I.V. 2020. Substantiation of the model of the impact of inequality on the subjective well-being of older people. In: Social processes in modern Russian society: problems and prospects. Materials of the IV All-Russian Scientific Conference with international participation. Irkutsk, April 24, 2020. Irkutsk, Publ. Irkutskii gosudarstvennyi universitet: 36–42 (in Russian).
- Калачикова О.Н., Барсуков В.Н., Короленко А.В., Шулепов Е.Б. 2016. Факторы активного долголетия: итоги обследования вологодских долгожителей. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 5 (47): 76–94. DOI: [10.15838/esc.2016.5.47.4](#)
- Kalachikova O.N., Barsukov V.N., Korolenko A.V., Shulepov E.B. 2016. Determinants of Active Longevity: Results of a Survey of Vologda Long-Livers. *Economic and Social Changes: facts, Trends, forecast*, 5 (47): 76–94. (in Russian) DOI: [10.15838/esc.2016.5.47.4](#)
- Колосницына М.Г., Хоркина Н.А. 2016. Государственная политика активного долголетия: о чем свидетельствует мировой опыт. Демографическое обозрение, 3 (4): 27–46. Kolosnitsyna M.G., Колпина Л.В., Иванов С.В., Курдяев С.М., Щитикова О.Б. 2015. Эйджизм в восприятии пожилых людей и его влияние на социальное здоровье населения пожилого и старческого возраста.

- Вестник Всероссийского общества специалистов по медико-социальной экспертизе, реабилитации и реабилитационной индустрии*, 4: 74–81.
- Kolpino L.V., Ivanov S.V., Mardaev S.M., Shitikova O.B. 2015. Ageism in elderly people perception and its influence on social health of advanced and senile age population. *Vestnik Vserossiiskogo obshchestva spetsialistov po mediko-sotsial'noi ehkspertize, reabilitatsii i reabilitatsionnoi industrii*, 4: 74–81 (in Russian).
- Неваева Д.А. 2014. Особенности социальной эксклюзии лиц пожилого возраста (по материалам социологического опроса). *Вестник Кемеровского государственного университета*, 2 (2): 141–146.
- Nevaeva D.A. 2014. Features of social exclusion of elderly people (based on sociological survey). *Bulletin of Kemerovo State University*, 2 (2): 141–146 (in Russian).
- Русинова Н. Л., Сафронов В. В. 2016. Социальные риски депрессии в Европе и России: значение демографии, образования и социального капитала. *Социологический журнал*, 3: 82–106. DOI: [10.19181/socjour.2016.22.3.4586](https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.3.4586)
- Rusinova N. L., Safronov V. V. 2016. Social risks of depression in Europe and Russia: the importance of demography, education and social capital. *The Sociological Journal*, 3: 82–106 (in Russian). DOI: [10.19181/socjour.2016.22.3.4586](https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.3.4586)
- Стародубов В.И., Улумбекова Г.Э. 2015. Здравоохранение России: проблемы и решения. *ОргЗдрав: новости, мнения, обучение*, 1: 12–27.
- Starodubov V.I., Ulumbekova G.E. 2015. Russian healthcare: problems and solutions. *Healthcare Management: news, views, education*, 1: 12–27 (in Russian).
- Фролова Е.А., Кашапова Э.Р., Клемашева Е.И., Маланина В.А. 2019. Сравнительный анализ социально-демографических характеристик пожилых людей в России. *Векторы благополучия: экономика и социум*, 4 (35): 54–62. DOI: [/10.18799/26584956/2019/4\(35\)/995](https://doi.org/10.18799/26584956/2019/4(35)/995)
- Frolova E.A., Kashapova E.R., Klemasheva E.I., Malanina V.A. 2019. Comparative analysis of of social and demographic characteristics of the older adults in Russia. *Journal of Wellbeing Technologies*, 4(35): 54–62 (in Russian). DOI: [10.18799/26584956/2019/4\(35\)/995](https://doi.org/10.18799/26584956/2019/4(35)/995)
- Чернышкова Е.В., Андриянова Е.А., Репин В.Ф., Чернышков Д.В. 2015. Источники поддержания здоровья в интерпретациях представителей пожилого возраста. *Саратовский научно-медицинский журнал*, 11 (1): 58–61.
- Chernyshkova E.V., Andrianova E.A., Repin V.F., Chernyshkov D.V. 2015. Sources of health maintenance in interpretation of elderly people. *Saratov Journal of Medical Scientific Research*, 11(1): 58–61 (in Russian).
- Aknin L.B., Norton M.I., Dunn E.W. 2009. From wealth to well-being? Money matters, but less than people think. *The Journal of Positive Psychology*, 4 (6): 523–527. DOI: [10.1080/17439760903271421](https://doi.org/10.1080/17439760903271421)
- Avendano M., Jürges H., Mackenbach J.P. 2009. Educational level and changes in health across Europe: longitudinal results from SHARE. *Journal of European Social Policy*, 19 (4): 301–316. DOI: [10.1177/1350506809341512](https://doi.org/10.1177/1350506809341512)
- Borrell C., Pons-Vigués M., Моррисон Д., Díez È. 2013. Factors and processes influencing health inequalities in urban areas. *Journal of Epidemiology and Community Health*, 67 (5): 389–391. DOI: [10.1136/jech-2012-202014](https://doi.org/10.1136/jech-2012-202014)
- Conde Sala J.L., Garre-Olmo J. 2020. Early parental death and psychosocial risk factors for dementia: a case-control study in Europe. *International Journal of Geriatric Psychiatry*, 35 (9): 1051–1059. DOI: [10.1002/gps.5328](https://doi.org/10.1002/gps.5328)
- Copeland J. R., Beekman A. T., Dewey M. E., Hooijer C., Jordan A., Lawlor B. A., Wilson K. C. M. 1999. Depression in Europe: geographical distribution among older people. *The British Journal of Psychiatry*, 174(4): 312–321. DOI: [10.1192/bjp.174.4.312](https://doi.org/10.1192/bjp.174.4.312)
- Domènech-Abella J., Mundó J., Haro J. M., Rubio-Valera M. 2019. Anxiety, depression, loneliness and social network in the elderly: longitudinal associations from The Irish Longitudinal Study on Ageing [TILDA]. *Journal of Affective Disorders*, 246: 82–88. DOI: [10.1016/j.jad.2018.12.043](https://doi.org/10.1016/j.jad.2018.12.043)
- Ellina P., Middleton N., Lambrinou E., Kouta C. 2019. Investigation of socioeconomic inequalities in health-related quality of life across Europe: a systematic review. *Diversity & Equality in Health and Care*, 16(4): 0-0.

- Gallistl V., Rohner R., Seifert A., Wanka A. 2020. Configuring the older non-user: between research, policy and practice of digital exclusion. *Social Inclusion*, 8 (2): 233–243. DOI: [10.17645/si.v8i2.2607](https://doi.org/10.17645/si.v8i2.2607)
- Gomes M., Figueiredo D., Teixeira L., Poveda V., Santos-Silva A., Paúl C., [Costa E.](#) 2017. Physical inactivity among older adults across Europe based on the SHARE database. *Age and Ageing*, 46 (1): 71–77. DOI: [10.1093/ageing/afw165](https://doi.org/10.1093/ageing/afw165)
- Gratton L., Scott A.J. 2016. *The 100-year life: living and working in an age of longevity*. London, Bloomsbury Publishing, 256 p.
- Guarnizo-Herreño C.C., Watt R.G., Pikhart H., Sheiham A., Tsakos G. 2013. Socioeconomic inequalities in oral health in different European welfare state regimes. *Journal of Epidemiology and Community Health*, 67 (9): 728–735. DOI: [10.1136/jech-2013-202714](https://doi.org/10.1136/jech-2013-202714)
- Höglberg B., Strandh M., Baranowska-Rataj A., Ingemar Johansson Sevä I.J. 2018. Ageing, health inequalities and the welfare state: a multilevel analysis. *Journal of European Social Policy*, 28 (4): 311–325. DOI: [10.1177/0958928717739234](https://doi.org/10.1177/0958928717739234)
- Hvalič-Touzery S., Skela-Savič B., Macrae R., Jack-Waugh A., Tolson D., Hellström A., Pesjak K. 2018. The provision of accredited higher education on dementia in six European countries: an exploratory study. *Nurse Education Today*, 60: 161–169. DOI: [10.1016/j.nedt.2017.10.010](https://doi.org/10.1016/j.nedt.2017.10.010)
- Iammarino S., Rodríguez-Pose A., Storper M. 2019. Regional inequality in Europe: evidence, theory and policy implications. *Journal of Economic Geography*, 19 (2): 273–298. DOI: [10.1017/S0144686X19000175](https://doi.org/10.1017/S0144686X19000175)
- Kim A.C.H., Park S.H., Kim S., Fontes-Comber A. 2020. Psychological and social outcomes of sport participation for older adults: a systematic review. *Ageing & Society*, 40 (7): 1529–1549. DOI: [10.1017/S0144686X19000175](https://doi.org/10.1017/S0144686X19000175)
- Kim J.I., Kim G. 2017. Socio-ecological perspective of older age life expectancy: income, gender inequality, and financial crisis in Europe. *Globalization and Health*, 13 (1): 58.
- Klugar M., Čáp J., Klugarová J., Marečková J., Робертсон Д.Н., Kelnarová Z. 2016. The personal active aging strategies of older adults in Europe: a systematic review of qualitative evidence. *JBISIRIR-2016-002393*. DOI: [10.11124/JBISIRIR-2016-002393](https://doi.org/10.11124/JBISIRIR-2016-002393)
- Leone T., Hessel P. 2016. The effect of social participation on the subjective and objective health status of the over-fifties: evidence from SHARE. *Ageing & Society*, 36(5): 968–987. DOI: [10.1017/S0144686X15000148](https://doi.org/10.1017/S0144686X15000148)
- López-López R., Sánchez M. 2019. The institutional active aging paradigm in Europe. *Gerontologist*, 60(3): 406–415. DOI: [10.1093/geront/gnz094](https://doi.org/10.1093/geront/gnz094)
- Mackenbach J.P., Valverde J. R., Артник Б., Ворп М., Brønnum-Hansen H., Дебозер П., Kalediene R., Kovács K., Leinsalu M., Martikainen P., Enrique R., Rychtaříková J., Rodríguez-Sanz M., Vineis P., Уайт К., Wojtyniak B., Ху Я., Вильма Дж. 2018. Trends in health inequalities in 27 European countries. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 115 (25): 6440–6445. DOI: [10.1073/pnas.1800028115](https://doi.org/10.1073/pnas.1800028115)
- Majer I.M., Nusselder W.J., Mackenbach J.P., Kunst A.E. 2011. Socioeconomic inequalities in life and health expectancies around official retirement age in 10 Western-European countries. *Journal of Epidemiology and Community Health*, 65 (11): 972–979.
- Maynou L., Saez M., Bacaria J., Lopez-Casasnovas G. 2015. Health inequalities in the European Union: an empirical analysis of the dynamics of regional differences. *The European Journal of Health Economics*, 16 (5): 543–559.
- Niedzwiedz C. L., Richardson E. A., Tunstall H., Shortt N. K., Mitchell R. J., Pearce J. R. 2016. The relationship between wealth and loneliness among older people across Europe: Is social participation protective? *Preventive medicine*, 91: 24–31. DOI: [10.1016/j.ypmed.2016.07.016](https://doi.org/10.1016/j.ypmed.2016.07.016)
- Nummela O. 2015. Social capital and self-rated health among ageing people in urban and rural locations in Finland and in Europe. *Social Capital as a Health Resource in Later Life: the Relevance of Context*. Dordrecht, Springer: 191–205.
- Park S., Lee H. J., Jeon B. J., Yoo E. Y., Kim J. B., Park J. H. 2021. Effects of occupational balance on subjective health, quality of life, and health-related variables in community-dwelling older adults: A structural equation modeling approach. *Plos one*, 16(2): e0246887. DOI: [10.1371/journal.pone.0246887](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0246887)

- Read S., Grundy E., Foverskov E. 2016. Socio-economic position and subjective health and well-being among older people in Europe: a systematic narrative review. *Aging & mental health*, 5: 529–542. DOI: [10.1080/13607863.2015.1023766](https://doi.org/10.1080/13607863.2015.1023766)
- Remón Á.L.C., Lescaille N. L., Carnet E., Freijo J. C., Alberich R. S., Maceira O. G., del Carmen Quiñones M. 2020. Levels of physical activity among older adults in the European Union. *Journal of Aging and Physical Activity*, 1: 1–8 (in France).
- Sanchez S., Batti A. S., Armaingaud D., Denormandie P., Dramé M., Hugon S. 2018. Aging in Europe: a cluster analysis of the elderly in 4 European countries according to their views on successful aging. *Healthy Aging Research*, 7 (2): e19.
- Santini S., Piccinini F., Gagliardi C. 2020. Can a green care informal learning program foster active aging in older adults? Results from a qualitative pilot study in central Italy. *Journal of Applied Gerontology*, 39 (11): 1240–1249. DOI: [10.1177/0733464819883769](https://doi.org/10.1177/0733464819883769)
- Schmitz A., Brandt M. 2019. Gendered patterns of depression and its determinants in older Europeans. *Archives of Gerontology and Geriatrics*, 82: 207–216. DOI: [10.1016/j.archger.2019.02.015](https://doi.org/10.1016/j.archger.2019.02.015)
- Schorr A.V., Khalaila R. 2018. Aging in place and quality of life among the elderly in Europe: a moderated mediation model. *Archives of Gerontology and Geriatrics*, 77: 196–204. DOI: [10.1016/j.archger.2018.04.009](https://doi.org/10.1016/j.archger.2018.04.009)
- Uccheddu D., Gauthier A. H., Steverink N., Emery T. 2019. Gender and socioeconomic inequalities in health at older ages across different European welfare clusters: evidence from SHARE data, 2004–2015. *European Sociological Review*, 35 (3): 346–362.
- Vardoulakis S. et al. 2016. Developing environmental public health indicators for European metropolitan areas. Proceedings of the International Conference on Urban Risks. *Lisbon*, 30: 1241–1246.
- Vozikaki M., Papadaki A., Linardakis M., Philalithis A. 2018. Loneliness among older European adults: results from the survey of health, aging and retirement in Europe. *Journal of Public Health*, 26 (6): 613–624. DOI: [10.1007/s10389-018-0916-6](https://doi.org/10.1007/s10389-018-0916-6)
- Ward S.J., King L.A. 2019. Exploring the place of financial status in the good life: income and meaning in life. *The Journal of Positive Psychology*, 14 (3): 312–323. DOI: [10.1080/17439760.2017.1402075](https://doi.org/10.1080/17439760.2017.1402075)
- Weiss D., Rydland H.T., Øversveen E., Jensen M., Solhaug S., Krokstad S. 2018. Innovative technologies and social inequalities in health: a scoping review of the literature. *PLOS ONE*, 13 (4): e0195447. DOI: [10.1371/journal.pone.0195447](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0195447)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Галкин Константин Александрович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН Санкт-Петербург, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin A. Galkin, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia.

УДК 316.346/.482/.614

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-1-23-33

О конкуренции семьи и массмедиа в воспитании молодёжи

Лебедева Л.Г.

Самарский государственный экономический университет,
Россия, 443090, г. Самара, ул. Советской Армии, 141, оф. 412
E-mail: ludleb@mail.ru

Аннотация. В условиях возросшей и противоречивой роли разнообразных массмедиа остаются недостаточно исследованными многие конкретные аспекты воспитания молодёжи. Актуальным является исследование конкуренции между социальными институтами в лице семьи и учреждений образования и современными массмедиа в вопросах социализации личности, воспитания подрастающего поколения и тенденции в этой конкуренции, что и является целью данного исследования. При этом особое внимание уделяется вопросу о том, каким именно качествам молодого поколения, способствуют, с одной стороны, семья и образование, а, с другой стороны, массмедиа, и какие в связи с этим существуют социально значимые проблемы. Социологические данные свидетельствуют о тенденции к ослаблению роли семьи и образования и к усилению роли средств массовой информации в воспитании детей, подростков и молодежи по мере их взросления. При этом Результаты исследования показали, что массмедиа способствуют в значительной мере не только «позитивной социализации» (формированию у индивидов и групп ряда более или менее положительных качеств), но и «негативной социализации» (формированию у индивидов и групп ряда более или менее отрицательных качеств). И это создаёт определённые риски и угрозы для межпоколенческих и внутривнутрипоколенческих отношений и преемственной связи поколений. Полученные результаты призваны помочь совершенствованию деятельности государственных и общественных организаций, их управленческих структур по поддержке семьи и учреждений образования и по совершенствованию правовых основ деятельности массмедиа.

Ключевые слова: поколения, молодёжь, факторы социализации, социализирующее влияние, массмедиа, семья, образование, позитивная социализация, негативная социализация

Для цитирования: Лебедева Л.Г. 2022. О конкуренции семьи и массмедиа в воспитании молодёжи. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 47(1): 23–33. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-23-33

About the Competition of Family and Mass Media in the Upbringing of Young People

Lyudmila G. Lebedeva

Samara State University of Economics,
141 Sovetskoi Armii St, Samara 443090, Russian Federation
E-mail: ludleb@mail.ru

Abstract. In the context of the increased and contradictory role of various mass media, many specific aspects of youth education remain insufficiently investigated. It is relevant to study the competition between social institutions represented by the family and educational institutions and modern mass media in the issues of socialization of the individual, education of the younger generation and trends in this competition, which is the purpose of this study. At the same time, special attention is paid to the question of which qualities of the younger generation, voluntarily or involuntarily, are promoted, on the one hand, by family and education, and, on the other hand, by the mass media, and what socially significant problems exist in this regard. Sociological data indicate a tendency to weaken the role of family and education and to strengthen the role of the media in the upbringing of children, adolescents and young

people as they grow up. At the same time, mass media contribute significantly not only to "positive socialization" (the formation of a number of more or less positive qualities in individuals and groups), but also to "negative socialization" (the formation of a number of more or less negative qualities in individuals and groups). And this creates certain risks and threats to intergenerational and intra-generational relations and the continuity of generations. The results of scientific research are designed to help improve the activities of state and public organizations, their management structures to support families and educational institutions and to improve the legal foundations of the mass media.

Key words: generations, youth, factors of socialization, socializing influence, mass media, family, education, positive socialization, negative socialization

For citation: Lebedeva L.G. 2022. About the Competition of Family and Mass Media in the Upbringing of Young People. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(1): 23–33 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-23-33

Введение

В последние десятилетия совпали и во многом переплелись, стали влиять друг на друга мировые процессы глобализации, модернизации и цифровизации. По оценке Э. Гидденса [2004], например, на глобализацию больше всего повлияло развитие систем коммуникаций – компьютеризация и интернетизация. В этом же ряду – массмедиа (СМИ – средства массовой информации; СМК – средства массовой коммуникации), в том числе телевидение и интернет (включая блогосферу и социальные сети). Одним из свидетельств огромного влияния СМИ на сознание и поведение людей являются так называемые телевизионные революции, произошедшие в ряде стран в 1989 г. [Гидденс 2004] и так называемые «цветные революции» в последние десятилетия. В связи с этим можно говорить о своеобразном «переформатировании» сознания больших масс людей, и не только молодёжи, с использованием возможностей массмедиа теми или иными государственными, партийными, общественными центрами и группами влияния.

Массмедиа охватывают своим влиянием не только мезо- и макросреду, но также и микросреду социума, в том числе семью, сферу семейных отношений, сферу социализации личности (включая киберсоциализацию) [Дулина, Ануфриева 2016; Леонтьева 2018]. Младшие поколения объективно связаны со старшими поколениями процессами социализации. Первоначальная социализация индивидов происходит в семье, на уровне непосредственных взаимоотношений, на микроуровне. Но при этом каждый индивид и каждое поколение оказываются своеобразными. Они приобретают и проявляют свои черты, индивидуальность не только благодаря специфике воспитательных воздействий внутри каждой семьи, но и благодаря многим другим социализирующим факторам вне семьи (на мезоуровне и макроуровне), в частности благодаря образованию (как социальному институту с системой учреждений, организаций и управления) и благодаря конкретным людям в коллективах образовательных учреждений, в дружеских компаниях и трудовых коллективах, а в современных условиях всё в большей мере также и благодаря массмедиа.

На любом уровне (микро-, мезо-, макро-) для индивидов, особенно в младшем возрасте, существуют лидеры (те, кому доверяют, за кем готовы идти), оказывающие важное влияние на сознание и поведение индивидов и групп. В семье естественными лидерами обычно являются старшие по возрасту, прежде всего, родители. В окружающей семью социальной среде появляются «лидеры общественного мнения», «лидеры поколенческой общности» – обычно выдающиеся, выделяющиеся в том или ином отношении общественные деятели, в том числе представители массмедиа.

Компьютерные (цифровые) технологии и связанные с ними интернет-технологии и массмедиа оказывают всё более существенное влияние на всю социальную жизнь и взаимоотношения людей. На основе этого влияния появляется много нового в социальной

структуре и социальной мобильности населения. В том числе благодаря массмедиа расширяются возможности виртуальной территориальной мобильности – возможности познакомиться с самыми разными местами и жизнью людей в любых частях света [Ходыкин 2020], что также имеет социализирующее влияние.

Социологи обратили внимание на то, что «институт СМИ расширяет своё функционирование в реальном и виртуальном пространстве, смыкается с неофициальными каналами массовых коммуникаций (блогерство, социальные сети, приложения)» [Шиняева 2021, с. 72]. Поэтому не случайно, что активно исследуются и обсуждаются различные аспекты и вопросы цифровизации общества и киберсоциализации, например, в публикациях О.В. Волченко [2016], А.М. Дружинина [2017], Н.В. Дулиной [Дулина, Ануфриева 2016], С.А. Кравченко [Кравченко, 2019; Kravchenko, 2019], В.З. Шурбе [2013] и других.

Особое внимание стало уделяться влиянию массмедиа на детей и молодёжь, рискованным факторам социализации детей и молодёжи в социальных интернет-сетях, что отражено в работах Р.В. Голубина [Голубин и др., 2021], З.А. Жапуева [Жапуев, Чебунина, 2018], Т.В. Леонтьевой [2018], О.В. Шиняевой [Шиняева, Каманина, 2021], А.Л. Янак [2021] и других. Ставятся вопросы не только о тех или иных негативных социальных последствиях влияния «виртуализации» на современное общество [Luginina 2021], но и о необходимости защиты информационных прав, например, несовершеннолетних в цифровом обществе [Ostroushko et al., 2021].

Вместе с тем остаются недостаточно исследованными, в особенности с помощью социологических средств, многие конкретные аспекты воспитания молодёжи в условиях возросшей и противоречивой роли разнообразных массмедиа. В частности, актуальным является исследование современной социальной ситуации своеобразной конкуренции между социальными институтами в лице семьи и образования с одной стороны и современными массмедиа с другой в вопросах социализации личности, воспитания подрастающего поколения и тенденции в этой конкуренции, что и является целью данного исследования.

Объекты и методы исследования

В качестве эмпирической основы исследования использованы материалы социологического исследования по теме: «Отцы и дети: конфликт и сотрудничество, преемственность поколений», осуществлённого под руководством автора. В рамках данного исследования был проведён в Самарской области в январе 2020 г. анкетный опрос, которым было охвачено 620 респондентов в возрасте 16–69 лет по репрезентативной выборке; ошибка выборки находится в пределах 5 %.

Выборочная совокупность респондентов была определена с учётом пола и территориально-поселенческой структуры населения: мужчины составили 45,2 %, женщины – 54,8 %, жители городов Самарской области – 75,6 %, жители сёл и посёлков – 24,4 %.

Для социологического анализа были выделены три целевые группы респондентов, которые были сформированы с учётом социальных особенностей возрастнopoколенческих групп: 16 лет – 24 года (младшая группа, n = 202) – в этом возрасте молодые люди преимущественно связаны с родительской семьёй и всё ещё принимают родительскую заботу, это период получения профессионального образования и начала трудовой жизни, для части молодёжи это также период начала семейной жизни; 25 лет – 44 года (средняя группа, n = 205) – в данный период люди, как правило, связаны не только с родительской семьёй, но и со своей собственной, это период наиболее интенсивной трудовой деятельности и заботы как о детях, так и о родителях; 45–69 лет (старшая группа, n = 213) – люди среднего и пожилого (предпенсионного и пенсионного) возраста всё менее активно участвуют в трудовой деятельности, а центр внимания и заботы внутри семьи переносят с детей на внуков.

Результаты исследования

В ходе исследования особое внимание уделено вопросу о том, каким именно качествам молодого поколения в интересах общества и личности способствуют с одной стороны, семья и образование, с другой— массмедиа. В связи с этим выяснялся и более общий вопрос – насколько велика, по мнению респондентов, роль СМИ и роль семьи и образования в сравнении этих факторов (рис. 1).

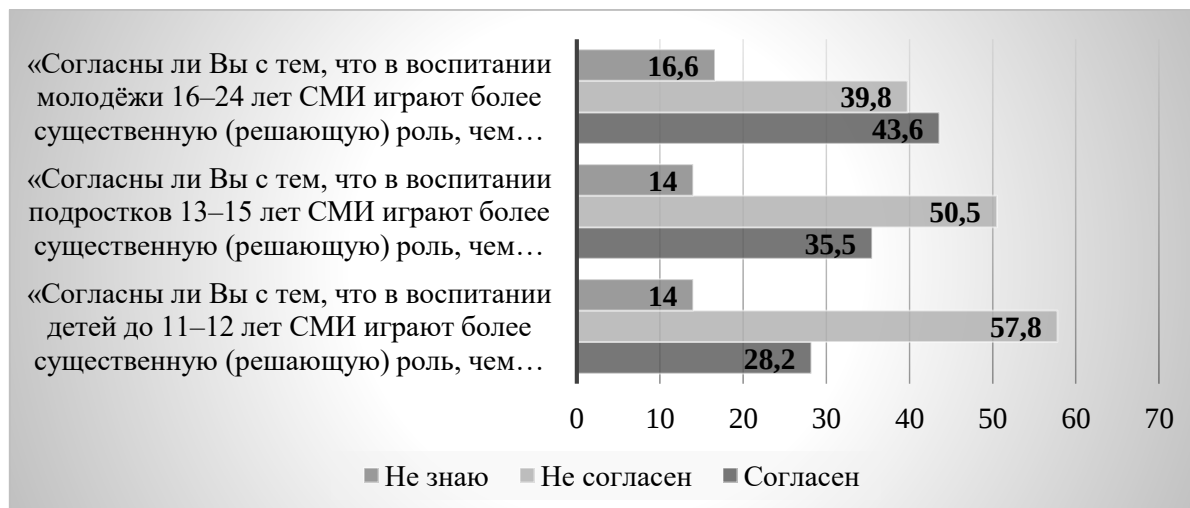

Рис. 1. Распределение ответов на вопросы о сравнении роли СМИ и роли семьи и образования в воспитании детей, подростков и молодёжи, % от числа респондентов (N = 620)

Fig. 1. Distribution of answers to questions about the comparison of the role of the media and the role of family and education in the upbringing of children, adolescents and youth, % of respondents (N = 620)

Более половины респондентов (по всей выборке) отрицают, что СМИ в воспитании подрастающего поколения играют более существенную (решающую) роль по сравнению с семьёй и образованием (57,8 % ответов о воспитании детей и 50,5 % ответов о воспитании подростков). Но в отношении молодёжи 16–24 лет ситуация меняется: доля респондентов, согласных с тем, что СМИ играют более существенную (решающую) роль по сравнению с семьёй и образованием, превосходит долю респондентов, не согласных с таким утверждением (43,6 % против 39,8 %).

Насколько единодушны респонденты разных возрастных групп во мнении о важности роли СМИ и роли семьи и образования в воспитании подрастающих поколений (рис. 2, 3, 4)? Более половины респондентов во всех возрастных группах не согласны с предложенным утверждением (см. рис. 2). Но чем старше респонденты, тем более склонны признавать приоритет СМИ в воспитании детей 11–12 лет (20,3 % в младшей группе, 27,3 % в средней группе и 36,6 % в старшей группе).

В воспитании подростков 13–15 лет ещё большая доля респондентов во всех возрастных группах (чем в воспитании детей до 11–12 лет) видят более существенную (решающую) роль СМИ (см. рис. 3). Видимо, старшие поколения в значительной мере уменьшили, а СМИ, наоборот, увеличили своё влияние на подростков. При этом доля респондентов, несогласных с предложенным утверждением о воспитании подростков 13–15 лет, в средней и старшей возрастных группах превышает половину (55,6 и 52,1 % соответственно), а в младшей группе таких менее половины (43,6 %).

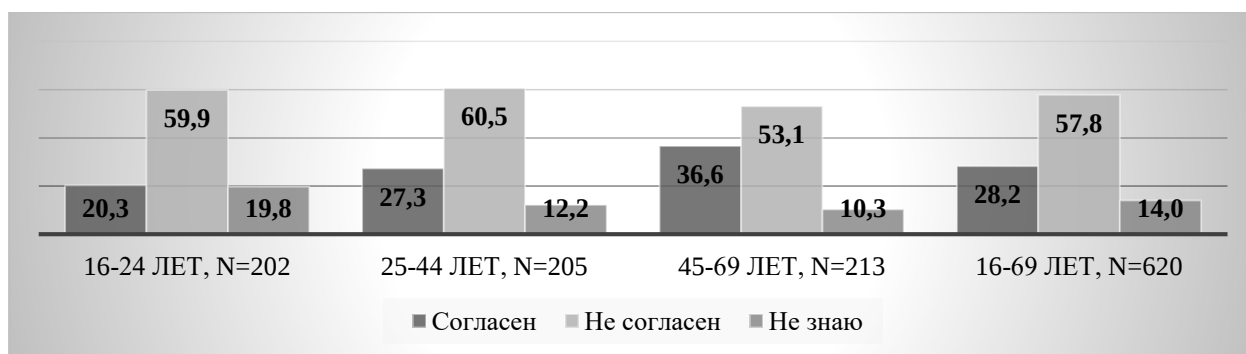

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что в воспитании детей до 11–12 лет СМИ играют более существенную (решающую) роль, чем семья и образование?» – % от числа респондентов (N)

Fig. 2. Distribution of answers to the question: "Do you agree that the media play a more significant (decisive) role in the upbringing of children up to 11–12 years old than family and education?" – % of respondents (N)

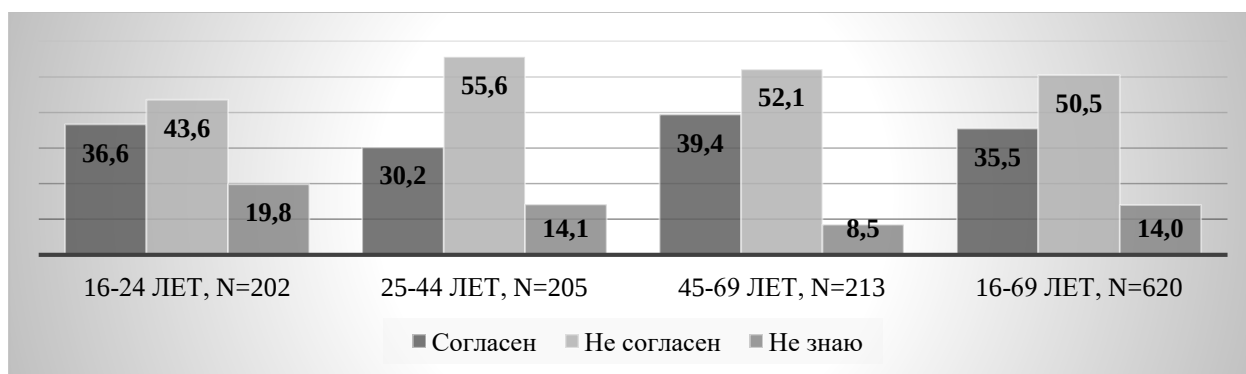

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что в воспитании подростков 13–15 лет СМИ играют более существенную (решающую) роль, чем семья и образование?» – % от числа респондентов (N)

Fig. 3. Distribution of answers to the question: "Do you agree that the media play a more significant (decisive) role in the upbringing of adolescents aged 13–15 than family and education?" – % of respondents (N)

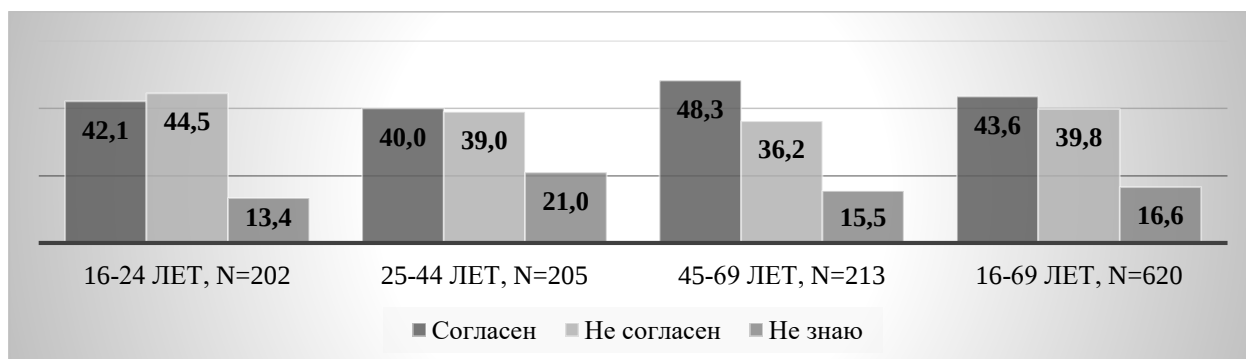

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что в воспитании молодёжи 16–24 лет СМИ играют более существенную (решающую) роль, чем семья и образование?» – % от числа респондентов (N)

Fig. 4. Distribution of answers to the question: "Do you agree that the media play a more significant (decisive) role in the education of young people aged 16–24 than family and education?" – % of respondents (N)

Если у старшей возрастной группы перевес голосов в пользу ответа «Согласен» по сравнению с ответом «Не согласен» весьма велик (48,3 % против 36,2 %), то у средней группы перевес совсем небольшой (40,0 % против 39,0 %), при этом у средней группы очень велика доля затруднившихся с ответом (21,0 %) (см. рис. 4). А у младшей группы даже, наоборот, небольшой перевес в пользу ответа «Не согласен» (44,5 % против 42,1 %).

В общем же наблюдается тенденция, с одной стороны, ослабления роли семьи и образования и, с другой стороны, усиления роли СМИ в воспитании детей, подростков и молодёжи по мере их взросления. Подтверждается также вывод о существенном влиянии на индивидов образов поведения и стереотипов «семейной жизни, которые популяризируют СМИ» [Леонтьева 2018].

А какое влияние на молодое поколение, по мнению респондентов, в современных условиях оказывают семья и образование в сопоставлении со СМИ? Сначала обратимся к вопросу о том, каким положительным качеством молодого поколения, вольно или невольно, способствуют семья и образование (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Распределение ответов на вопрос: «Каким из следующих более или менее положительных качеств молодого поколения, на Ваш взгляд, в решающей мере способствуют именно семья и образование, а не СМИ? (Несколько вариантов)», проценты от числа респондентов (N, n) и места (ранги)

Distribution of answers to the question: "Which of the following more or less positive qualities of the younger generation, in your opinion, is the family and education that contribute to a decisive extent, and not the media? (Several options)", percentages of the number of respondents (N, n) and places (ranks)

Варианты ответов	Группы по возрасту (полных лет)							
	16–69, N = 620		16–24, n = 202		25–44, n = 205		45–69, n = 213	
	%	ранги	%	ранги	%	ранги	%	ранги
Серьёзное отношение к семье	50,6	1	58,9	1	46,8	1	46,5	1
Стремление получать образование	42,1	2	53,0	2	39,0	2	34,7	3
Ориентация на здоровый образ жизни	39,4	3	39,1	3-4	34,6	3	44,1	2
Желание помогать нуждающимся людям	32,1	4	39,1	3-4	29,8	4	27,7	4
Стремление быть разносторонне развитым	29,4	5	32,2	5	28,8	5	27,2	5
Стремление честно зарабатывать деньги	24,8	6	29,7	6	22,0	7	23,0	7
Большой круг общения	23,2	7	23,8	9	21,0	8	24,9	6
Нацеленность на карьерный рост	22,7	8	25,2	7	23,4	6	19,7	8-9
Ответственность перед обществом	20,0	9	24,3	8	19,0	9	16,9	11
Патриотизм	17,9	10	16,3	10	17,6	11	19,7	8-9
Желание участвовать в жизни страны, приносить пользу Родине	16,1	11	13,4	11	16,6	10	18,3	10
Никаким из перечисленных	6,1	12	2,5	12	9,3	12	6,6	12

На вопрос: «Каким из следующих более или менее положительных качеств молодого поколения, на Ваш взгляд, в решающей мере способствуют именно семья и образование, а не СМИ? (несколько вариантов)» респонденты всех групп выбрали одинаковые варианты ответов, занявшие места с первого по четвёртое (но с некоторыми перестановками по ме-

стам у разных групп). По всей выборке места распределились так: 1-е место – «серьёзное отношение к семье» (50,6 %); 2-е место – «стремление получать образование» (42,1 %); 3-е место – «ориентация на здоровый образ жизни» (39,4%); 4-е место – «желание помогать нуждающимся людям» (32,1 %). Симптоматично, что у всех групп респондентов на первое место вышел ответ: «серьёзное отношение к семье».

Вместе с этим, видимо, тоже симптоматично, что на последних местах (с девятого по одиннадцатое по всей выборке) оказались следующие качества: 9-е место – «ответственность перед обществом»; 10-е место – «патриотизм»; 11-е место – «желание участвовать в жизни страны, приносить пользу родине».

Благодаря активности респондентов всех возрастных групп многие пункты получили весьма большой процент голосов в пользу решающей роли семьи и учреждений образования в формировании положительных качеств молодого поколения. Данные обстоятельства позволяют питать определённый оптимизм в отношении выполнения семьёй и учреждениями образования своих обязанностей по воспитанию молодого поколения.

Теперь обратимся к вопросу о том, каким отрицательным качествам молодого поколения, вольно или невольно, способствуют семья и образование (табл. 3).

Таблица 3

Table 3

Распределение ответов на вопрос: «Каким из следующих более или менее отрицательных качеств молодого поколения, на Ваш взгляд, в решающей мере способствуют именно семья и образование, а не СМИ? (несколько вариантов)», проценты от числа респондентов (N, n) и места (ранги)

Distribution of answers to the question: "Which of the following more or less negative qualities of the younger generation, in your opinion, is the family and education that contribute to a decisive extent, and not the media? (Several options)", percentages of the number of respondents (N, n) and places (ranks)

Варианты ответов	Группы по возрасту (полных лет)							
	16–69, N = 620		16–24, n = 202		25–44, n = 205		45–69, n = 213	
	%	ранги	%	ранги	%	ранги	%	ранги
Никаким из перечисленных	46,1	1	42,1	1	49,3	1	46,9	1
Легкомысленность, беспечное отношение к жизни	19,5	2	21,3	2	17,1	3	20,2	2
Равнодушие к окружающим	17,3	3	15,8	4	18,5	2	17,4	4
Отсутствие интереса к событиям, происходящим в стране, мире	15,2	4	17,8	3	10,7	7	16,9	5
Нежелание работать	14,2	5	11,9	6	12,7	5	17,8	3
Увлечение спиртными напитками	11,6	6	10,9	7	13,2	4	10,8	6
Стремление зарабатывать много денег любой ценой	9,8	7-8	9,9	8	11,2	6	8,5	8
Карьеризм	9,8	7-8	13,4	5	9,3	8	7,0	9
Использование нечестных методов при достижении целей	7,1	9	9,4	9	5,9	10	6,1	10
Легкомысленное отношение к семье	6,8	10	5,0	10	6,3	9	8,9	7
Большое количество сексуальных связей	3,2	11-12	4,0	11	3,9	11	1,9	12
Увлечение наркотиками	3,2	11-12	3,5	12	3,4	12	2,8	11

В ответах на вопрос: «Каким из следующих более или менее отрицательных качеств молодого поколения, на Ваш взгляд, в решающей мере способствуют именно семья и образование, а не СМИ? (несколько вариантов)» – по всей выборке места распределились следующим образом: 1-е место – «никаким из перечисленных» (46,1 %); 2-е место – «легкомысленность, беспечное отношение к жизни» (19,5 %); 3-е место – «равнодушие к окружающим людям» (17,3 %); 4-е место – «отсутствие интереса к событиям, происходящим в стране, мире» (15,2 %).

При этом у старшей группы на третье место вышел другой вариант ответа: «нежелание работать», а у средней группы вариант ответа «отсутствие интереса к событиям, происходящим в стране, мире» оказался на седьмом месте. Более или менее отрицательные качества молодого поколения, которым, по мнению респондентов, в решающей мере способствуют не СМИ, а семья и образование, однако, получили не так уж много голосов. Это вызывает определённый оптимизм, тем более, что на первом месте – пункт «никаким из перечисленных».

Иначе говоря, подавляющее большинство респондентов выступают против того, чтобы «взвалить» на семью и учреждения образования полную ответственность за случаи «плохого воспитания» молодёжи. Однако, с другой стороны, социологическим фактом является то, что семья и учреждения образования во многом уступают своё «законное» место средствам массовой информации – и далеко не всегда на пользу подрастающих поколений. И это создаёт определённые риски и угрозы для межпоколенческих и внутрипоколенческих отношений и преемственной связи поколений.

Обсуждение результатов

Социологические исследования показывают весьма противоречивую картину социализирующего влияния, с одной стороны, семьи (а также учреждений образования), с другой стороны, современных массмедиа. Фактически имеет место своеобразная конкуренция между этими социальными институтами в социализирующих воздействиях на детей, подростков, молодёжь. Взаимодействие поколений на уровне индивидов и локальных групп осуществляется в повседневной жизнедеятельности на микроуровне (семья и соседи, учебные и трудовые коллективы, дружеские группы и компании). В то же время «взаимодействие поколенческих общностей осуществляется преимущественно на мезоуровне и макроуровне» [Лебедева, 2018, с. 118].

По мере взросления детей, подростков, молодёжи и всё более активного включения их во «взрослую» жизнь, усиливается социализирующее влияние социальной среды вне семьи. При этом вместе с изменениями общества и внутри общества происходят также определённые изменения семьи, её функций, что является предметом активного обсуждения [Дмитрийчук, 2018; Лебедева, 2019; Янак, 2021]. Появляются и новые особенности в социализирующей роли семьи в воспитании подрастающего поколения. Происходят изменения и в других социализирующих факторах под воздействием изменяющегося общества, в том числе, изменения в сфере массмедиа (телевидение и интернет, включая блогосферу и социальные сети).

В любом случае социализация личности, социализация новых поколений необходима обществу как «позитивная социализация» («положительная социализация»), связанная с просоциальными настроениями и поведением, с удовлетворённостью жизнью, хотя имеет место и «негативная социализация» («отрицательная социализация»), связанная с асоциальными настроениями и поведением, с неудовлетворённостью жизнью [Волкова и др., 2016, с. 6]. Возможны и такие тяжёлые последствия, связанные с социализацией в киберпространстве, социальных сетях, как социальный аутизм (утрата способностей к коммуникации в реальном мире) и «киберрадикация» (зависимость от социальных сетей, желание проводить своё время только в этой среде, а не в реальном мире) [Жапуев, Чебунина, 2018, с. 114].

Социальные сети помогают в решении многих социальных и экономических вопросов, но оказывают и негативное влияние на сознание современного человека, поэтому только работа над интеллектуальным совершенствованием личности способна разрешить эту дилемму [Luginina, 2021, p. 1000]. Обоснованно ставится вопрос о формировании у людей, прежде всего, у молодёжи, «медиакомпетентности» [Kiuru et al., 2021, p. 818] и «информационального капитала» [Штратникова, 2020].

Таким образом, становятся актуальными и требуют глубокого исследования многие конкретные аспекты содержания и механизмов влияния на социализацию личности, воспитание подрастающего поколения различных факторов, в частности, – семьи, учреждений образования и массмедиа.

Заключение

По оценкам респондентов, массмедиа способствуют в значительной мере не только позитивной социализации (формированию у индивидов и групп более или менее положительных качеств), но и негативной социализации (формированию у индивидов и групп более или менее отрицательных качеств). И вряд ли можно решить все проблемы только путём отсеечения и пресечения факторов негативной социализации массмедиа, в социальных сетях и их регулирования. Важно, в частности, чтобы массмедиа в максимальной мере проявляли себя в качестве факторов «позитивной социализации» и использовали бы контент, способствующий просоциальным настроениям и поведению людей. Решение таких проблем зависит не столько от государственных чиновников, сколько от граждански активных и социально ответственных лидеров и деятелей массмедиа, учёных и специалистов в различных областях, общественных деятелей – лидеров общественного мнения.

Более глубокое научное понимание содержания и механизмов влияния на социализацию личности, воспитание подрастающего поколения различных факторов, в особенности семьи, учреждений образования, массмедиа, призвано помочь совершенствованию практики государственных и общественных организаций, деятельности их управленческих структур по поддержке позитивной социализации и профилактике негативной социализации подростков и молодёжи как со стороны массмедиа, так и со стороны семьи и учреждений образования.

Список литературы

- Волкова Е.Н., Вереитинова Т.В., Волкова И.В., Михалюк О.С. 2016. К определению понятия позитивной социализации молодежи. *Вестник Мининского университета*, 2(15): 25 (1–9).
- Волченко О.В. 2016. Динамика цифрового неравенства в России. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 5: 163–182. DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.10
- Гидденс Э. 2004. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. Москва, Весь Мир, 120 с.
- Голубин Р.В., Исакова И.А., Коротышев А.П., Рыхтик П.П. 2021. Интернет-технологии воздействия на социально-политическую активность молодежи: социологический анализ. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*, 21 (2): 131–137. DOI: 10.18500/1818-9601-2021-21-2-131-137
- Дружинин А.М. 2017. Интернет-коммуникации в гражданском обществе: методологический анализ. *Информационное общество*, 3: 24–29.
- Дмитрийчук А.Ю. 2018. К вопросу о трансформации семьи в современном российском обществе. *НОМОТНЕТІКА: Серия Философия. Социология. Право*, 43 (2): 332–339. DOI: [10.18413/2075-4566-2018-43-2-332-339](https://doi.org/10.18413/2075-4566-2018-43-2-332-339)
- Дулина Н.В., Ануфриева Е.В. 2016. Киберсоциализация молодежи: настоящее и будущее. *Социально-гуманитарный вестник Прикаспия*, 1: 96–98.
- Жапуев З.А., Чебунина О.А. 2018. Рискогенные факторы социализации молодежи в социальных интернет-сетях. *ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура*, 6: 110–121.

- Кравченко С.А. 2019. Цифровые риски, метаморфозы и центробежные тенденции в молодежной среде. *Социологические исследования*, 10: 48–57. DOI: [10.31857/S013216250006186-7](https://doi.org/10.31857/S013216250006186-7)
- Лебедева Л.Г. 2018. Социализация личности в дискурсе преемственности поколений. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, 4 (52): 116–125.
- Лебедева Л.Г. 2019. Трансформация семьи и преемственность поколений. *Социодинамика*, 9: 1–8. DOI: [10.25136/2409-7144.2019.9.29437](https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.9.29437)
- Леонтьева Т.В. 2018. Визуальный образ социально-экономического положения семьи на телевидении. *Социальная политика и социология*, 17(4): 102–109. DOI: [10.17922/2071-3665-2018-17-4-102-109](https://doi.org/10.17922/2071-3665-2018-17-4-102-109)
- Ходыкин А.В. 2020. Социологический анализ распространения виртуальных мобильностей как формы виртуализации пространственных перемещений (на основании социологии мобильностей Джона Урри). *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 45(3): 579–588. DOI: [10.18413/2712-746X-2020-44-3-579-588](https://doi.org/10.18413/2712-746X-2020-44-3-579-588)
- Шиняева О.В., Каманина В.Е. 2021. Реализация функций средств массовой информации в условиях глобальных и национальных вызовов: оценки населения и журналистов. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*, 1: 70–85. DOI: [10.21685/2072-3016-2021-1-7](https://doi.org/10.21685/2072-3016-2021-1-7)
- Штратникова А.В. 2020. Информация и информациональное общество: к вопросу о формировании информационного капитала, *Культурная жизнь Юга России*, 3 (78): 111–118. DOI: [10.24412/2070-075X-2020-10014](https://doi.org/10.24412/2070-075X-2020-10014)
- Шурбе В.З. 2013. Поколение хай-тек и «новый конфликт» поколений? *Социологические исследования*, 4: 100–106.
- Янак А.Л. 2021. Дети и родители в информационном пространстве: взаимодействие, риски и стратегии обеспечения безопасности. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*, 21(1): 64–71. DOI: [10.18500/1818-9601-2021-21-1-64-71](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-64-71)
- Kiuru K.V., Popova E.E., Morozova A.A., Agapov A.I. 2021. Media Competence of Youth with Reference to Paradigm of Participation Culture. In: EpSBS – Volume 107 – ISCKMC 2020 International Scientific Congress “Knowledge, Man and Civilization”, Published by European Publisher, pp. 812–818.
- Kravchenko S.A. 2019. Sociology on the move: The demand for the humanistic digital turn. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 19(3): 397–405.
- Luginina A.G. 2021. Negative Social Consequences of the Virtualization of Modern Society. In: EpSBS – Volume 107 – ISCKMC 2020 International Scientific Congress “Knowledge, Man and Civilization”, Published by European Publisher, pp. 997–1001.
- Ostroushko A.V., Bukalerova L.A., Kutuev A.R. 2021. Protection of the Information Rights of Minors in the Digital Society. In: EpSBS – Volume 107 – ISCKMC 2020 International Scientific Congress “Knowledge, Man and Civilization”, Published by European Publisher, pp. 1217–1230.

References

- Volkova E.N., Vereitinova T.V., Volkova I.V., Mikhajluk O.S. 2016. On definition of youth positive socialization. *Vestnik Mininskogo universiteta*, 2(15): 25(1-9) (in Russian).
- Volchenko O.V. 2016. Dynamics of digital inequality in Russia. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 5: 163–182 (in Russian) DOI: [10.14515/monitoring.2016.5.10](https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.5.10)
- Giddens A. 2004. Uskol'zajushhij mir: kak globalizacija menjaet nashu zhizn'. [The Elusive world: how globalization is changing our lives]. M., Publ. Ves' Mir, 120 p.
- Golubin R.V., Isakova I.A., Korotyshev A.P., Rykhtik P.P. 2021. Internet technologies influence on sociopolitical activity of youth: sociological analysis. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Sociologija. Politologija*, 21(2): 131–137 (in Russian). DOI: [10.18500/1818-9601-2021-21-2-131-137](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-131-137)
- Druzhinin A.M. 2017. Internet-kommunikacii v grazhdanskom obshhestve: metodologicheskij analiz [The Internet communications in civil society: methodological analysis]. *Informacionnoe obshhestvo*, 3: 24–29.
- Dmitrijchuk A.Ju. 2018. To the question of transformation of family in modern russian society. *Belgorod State University Scientific bulletin. Philosophy. Sociology. Law*, 43(2): 332–339 (in Russian).
- Dulina N.V., Anufrieva E.V. 2016. Kibersocializacija molodezhi: nastojashhee i budushhee

- [Cybersocialization of youth: present and future]. *Social'no-gumanitarnyj vestnik Priaspaja*, 1: 96–98.
- Zhapuev Z.A., Chebunina O.A. 2018. Riskogennye faktory socializacii molodezhi v social'nyh internet-setjah [Risk factors of youth socialization in social Internet networks]. *POISK: Politika. Obshhestvovedenie. Iskusstvo. Sociologija. Kul'tura*, 6: 110–121.
- Kravchenko S.A. 2019. Digital risks, metamorphoses and centrifugal trends among the young people. *Sociologicheskie issledovanija*, 10: 48–57. (In Russian.) DOI: [10.31857/S013216250006186-7](https://doi.org/10.31857/S013216250006186-7)
- Lebedeva L.G. 2018. Socialization of personality in the discourse of the continuity of generations. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, 4(52): 116–125. (In Russian.)
- Lebedeva L.G. 2019. Transformacija sem'i i preemstvennost' pokolenij [Transformation of the family and the succession of generations]. *Sociodinamika*, 9: 1–8. DOI: [10.25136/2409-7144.2019.9.29437](https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.9.29437)
- Leontyeva T.V. 2018. The Visual Image of the Socio-Economic Status of the Family on Television. *Social'naja politika i sociologija*, 17: 4(129): 102–109 (in Russian). DOI: [10.17922/2071-3665-2018-17-4-102-109](https://doi.org/10.17922/2071-3665-2018-17-4-102-109)
- Khodykin A.V. 2020. Sociological analysis of the spread of virtual mobility as a form of spatial movement virtualization (based on John Urry's sociology of mobility). *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 45 (3): 579–588 (in Russian). DOI: [10.18413/2712-746X-2020-44-3-579-588](https://doi.org/10.18413/2712-746X-2020-44-3-579-588)
- Shinjaeva O.V., Kamanina V.E. 2021. The implementation of the mass media functions in the context of global and national challenges: assessments of public and journalists. *University proceedings. Volga region. Social sciences*, 1: 70–85 (in Russian). DOI: [10.21685/2072-3016-2021-1-7](https://doi.org/10.21685/2072-3016-2021-1-7)
- Shtratnikova A.V. 2020. Information and Informational Society: On the Formation of Informational Capital. *Cultural studies of russian south*, 3 (78): 111–118 (in Russian). DOI: [10.24412/2070-075X-2020-10014](https://doi.org/10.24412/2070-075X-2020-10014)
- Shurbe V.Z. 2013. Pokolenie haj-tek i «novyj konflikt» pokolenij? [The high-tech generation and the "new conflict" of generations?]. *Sociologicheskie issledovanija*, 4: 100–106 (in Russian).
- Janak A.L. 2021. Children and parents in the information space: interaction, risks and safety strategies. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 21 (1): 64–71 (in Russian). DOI: [10.18500/1818-9601-2021-21-1-64-71](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-64-71)
- Kiuru K.V., Popova E.E., Morozova A.A., Agapov A.I. 2021. Media Competence of Youth with Reference to Paradigm of Participation Culture. In: EpSBS – Volume 107 – ISCKMC 2020 International Scientific Congress “Knowledge, Man and Civilization”, Published by European Publisher, pp. 812–818.
- Kravchenko S.A. 2019. Sociology on the move: The demand for the humanistic digital turn. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*, 19: 3: 397–405.
- Luginina A.G. 2021. Negative Social Consequences of the Virtualization of Modern Society. In: EpSBS – Volume 107 – ISCKMC 2020 International Scientific Congress “Knowledge, Man and Civilization”, Published by European Publisher, pp. 997–1001.
- Ostroushko A.V., Bukalero L.A., Kutuev A.R. 2021. Protection of the Information Rights of Minors in the Digital Society. In: EpSBS – Volume 107 – ISCKMC 2020 International Scientific Congress “Knowledge, Man and Civilization”, Published by European Publisher, pp. 1217–1230.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лебедева Людмила Геннадьевна, магистр педагогических наук, старший преподаватель кафедры социологии и психологии, Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyudmila G. Lebedeva, master of pedagogical sciences, senior lecturer at the department of sociology and psychology, Samara State University of Economics, Samara, Russia.

УДК 331.1, 316.3, 316.4

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-1-34-41

Разработка системы показателей управления проектной командной работой как социальным макротехно пакетом: результаты практических исследований

Полушин П.В.

Академия Государственной противопожарной службы МЧС России
Россия, г. Москва, 129366, ул. Бориса Галушкина, 4
E-mail: petr-poluchin@rambler.ru

Аннотация. Рассмотрены вопросы, связанные с разработкой системы показателей управления проектной командной работой как социальным макротехно пакетом (СМПТ) при анализе и ликвидации чрезвычайных ситуаций (ЧС) различных типов. Приводятся принципы разработки эффективной системы ключевых показателей (КПИ). Рассматривается алгоритм разработки системы КПИ управления проектной командной работой как СМПТ при анализе ликвидации ЧС, дается краткое описание отдельных блоков алгоритма. Анализируется система (фрейм-пакет решений) КПИ, включающая в себя показатели, связанные с технологией управления ликвидацией ЧС как проектом, управлением конкретным этапом такого проекта, параметрами управления командой (форма и формат организации работы), а также решениями, связанными со структурой управляющей процессом МАИ-иерархии (формулировка и количество уровней и вершин) в иерархии. Приводятся оценка согласованности экспертов по разработанной системе КПИ и социально-профессиональный профиль экспертов.

Ключевые слова: система ключевых показателей (КПИ), алгоритм разработки КПИ, оценка согласованности экспертов, социально-профессиональный профиль экспертов

Для цитирования: Полушин П.В. 2022. Разработка системы показателей управления проектной командной работой как социальным макротехно пакетом: результаты практических исследований. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 47(1): 34–41. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-34-41

Development of a System of Project Teamwork Management Indicators As a Social Macro Techno Package: Results of Practical Research

Peter V. Polushin

Academy of The state fire service of the EMERCOM of Russia
4 Boris Galushkin St, Moscow 129366, Russian Federation
E-mail: petr-poluchin@rambler.ru

Abstract. The article deals with the issues related to the development of a system of indicators for managing project teamwork as a social macro-technology package (SMPT) in the analysis and liquidation of emergency situations (emergencies) of various types. The principles of developing an effective system of key indicators (KPI) are given. The algorithm for developing a KPI system for managing project teamwork as a SMP in the analysis of emergency response is considered, a brief description of individual blocks of the algorithm is given. The KPI system (frame-package of solutions) is analyzed, which includes indicators related to the technology of emergency response management as a project, management of a specific stage of such a project, team management parameters (form and format of work organization), as well as solutions related to the structure of the MAI-hierarchy controlling the process (formulation and number of levels and

vertices) in the hierarchy. The assessment of the experts' consistency according to the developed KPI system is given, the socio-professional profile of the experts is given.

Keywords: the system of key indicators (KPI), the algorithm for developing KPI, the assessment of the consistency of experts, the socio-professional profile of experts

For citation: Peter V. Polushin. 2022. Development of a System of Project Teamwork Management Indicators As a Social Macro Techno Package: Results of Practical Research. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(1): 34–41 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-34-41

Введение (Introduction)

Технология социального макротехнопаketирования, разработанная российскими учеными (В.П. Бабинцев, Н.С. Данакин, М.А. Федотова) [Полушин, Федотова, Хромова, 2019; Бабинцев, Федотова, Полушин, 2020; Федотова, Полушин, 2020], позволяет перейти от техно-коммуникативной модели социального управления к коммуникативно-технологической (рис. 1 и 2).

Рис. 1. Техно-коммуникативная модель

Fig. 1. Techno-communicative model

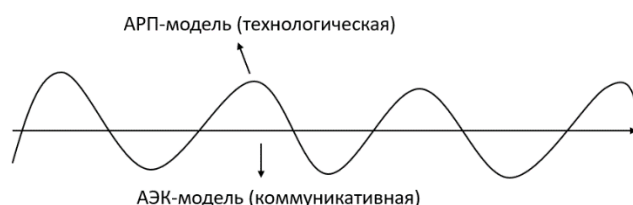

Рис. 2. Коммуникативно-технологическая модель

Fig. 2. Communicative and technological model

В первой модели [Переслегин, 2009; Переслегин, Переслегина, 2015] социальность обеспечивает («обслуживает») технологичность, что является характерной чертой техногенной цивилизации, во второй, основанной на принципах социогуманитарной цивилизации, наоборот, в соответствии с «алгоритмом решения проблем» (техно-коммуникативная АРП-модель) и «алгоритмом эффективных коммуникаций» (коммуникативно-технологическая АЭК-модель) – модели креативного менеджмента [Шевырёв, 2007, с. 126]. В креативном менеджменте эти модели взаимодополняемы и взаимозаменяемы, решение может быть разработано в рамках любой из них, а «пакетное» решение всегда включает как АРП, так и АЭК-решения. Технопакет является генетически и функционально связанной совокупностью технологий (системой технологий), это технологический организм, а социальный макротехнопакет (СМТП) является социальным организмом, обеспечивающим свое функционирование системой социальных технологий, которые задают его развитие. Классический технопакет всегда имеет инфраструктурную/транспортную/коммуникационную составляющие, которые носят обеспечивающий характер, в СМТП ключевой, ведущей является коммуникативная составляющая. В усло-

виях цифровизации, позволяющей эффективно анализировать и управлять ликвидацией реальной чрезвычайной ситуации (ЧС) путем виртуального моделирования ее этапов, возникает ключевой вопрос: какая информационная модель (система данных) содержит наиболее ценную информацию, определяющую эффективность управления ЧС. Подобная система данных должна обеспечивать эффективный процесс управления проектной командной работой при анализе и ликвидации ЧС различных типов (техногенных, социальных и т.д.). Принципиальное отличие ключевых показателей эффективности (КПИ) от обычных показателей заключается в том, что КПИ отражают стратегию управления, тогда как обычные показатели, прежде всего статистические, могут измерять локальные и тактические аспекты деятельности команды или организации [Попов, 2003; Zhou Ning et al., 2011; Hany Abd Elshakour M. Ali et al., 2013; Mohamed Khalifa, Parwaiz Khalid, 2015]. КПИ представляют с собой метрики (численные показатели эффективности процессов), на основании которых штаб по ликвидации ЧС разрабатывает и реализует всю систему действий. В случае выбора некорректных метрик, система управления получит искаженную информацию о состоянии и развитии ЧС. Ключевая цель использования системы КПИ для управления проектной командной работой как социальным макротехно пакетом заключается в создании синергетического эффекта от действий участников ликвидации ЧС (дежурные смены центра управления кризисными ситуациями (ЦУКС), сотрудники оперативного штаба, эксперты и др.).

Методология и методы (Methodology and methods)

Для разработки эффективной системы показателей анализа и ликвидации ЧС следует придерживаться определенных принципов [Попов, 2003; Хромова, Федотова, 2018]:

1. Система показателей должна характеризовать стратегию управления ликвидацией ЧС в целом (по всем этапам).
2. Система показателей должна основываться на внутреннем и внешнем контекстах работы команды менеджмента проекта (КМП) – сотрудников оперативного штаба и руководителя дежурной смены ЦУКС.
3. Система показателей разрабатывается КМП, базируясь на стандартах измерений и интегрированных данных всех подразделений, участвующих в анализе и ликвидации ЧС (сотрудники дежурной смены ЦУКС, оперативного штаба, экспертов, привлеченных к разработке мер по ликвидации ЧС).
4. Система показателей должна быть легко измерима и прозрачна для содержательной интерпретации участниками анализа и ликвидации ЧС.
5. Внедрение системы показателей должно начинаться на этапе её разработки в виде прототипа, поддерживая заинтересованность сотрудников в её использовании, необходимости регулярного измерения и контроля значений показателей, а также распределения прав и ответственности между ними.

Для создания эффективной системы КПИ необходимо придерживается алгоритма, представленного на рис. 3.

Блок 1: Описание (преимущественно текстовое и образное) текущей/проблемной ситуации (ЧС): выделение элементов ТС/ПС, связей между ними (прямые – обратные, положительные – отрицательные), определение структуры, источников, причин, эффектов (положительных, отрицательных), следствий (позитивных, негативных), формирование карты ПС (ПС-карты) [Райков, 2009; Шевырев, Михеев, Шаламова, Федотова, 2016].

Блок 2: Разработка концепции системы КПИ (структура фрейма КПИ, тип используемых показателей, определение порога эффективности, организация обеспечения (фиксации и т.д.), формирование процедур коррекции и т.д.) Определение объекта/объектов и параметров управления: определение стадий жизненного цикла ЧС. Организационное обеспечение (фиксация периодичности, алгоритма/метрики расчета, создание отчетности параметров).

Рис. 3. Алгоритм разработки системы КРІ управления проектной командной работой как СМТП при анализе и ликвидации ЧС

Fig. 3. Algorithm for the development of a KPI system for managing project teamwork as a SMTP in the analysis and elimination of emergencies

Фиксация периодичности и алгоритмов расчета каждого из показателей должны быть однозначно определены (разрабатывается специальная информационная карточка КРІ-показателя). Внедрение процедур учета и контроля выполнения управленческих решений: проблемы, возникающие при внедрении системы КРІ достаточно полно описаны в литературе, например, [Комтех-Системы для бизнеса, 2010; Набоков, 2015; Shana, Venkatachalam, 2011; Bojan Tomić, Tanja Milić, 2013; Shen Yin et al., 2014].

Блок 3: Формирование состава экспертной группы (социально-профессиональный профиль и т.д.)

Блок 4: Выбор модели (метрики) оценки, оценка предлагаемой системы КРІ (определение коэффициента конкордации, МАИ-оценка и т.д.). В зарубежной и российской практике используются различные модели (метрики) управления эффективностью командной работой – классический подход (финансовые показатели – EVA, ROE, ROCE и WACC и др.), сбалансированная система показателей (BSC), модель Европейского фонда управление качеством (EFQM), призма эффективности (Performance Prism), панель управления (Tableau de Bord), комплексный анализ данных (Data Envelopment Analysis), измерение эффективности предприятия (Performance Measurement in Service Business), система улучшения и измерения производительности (Productivity Measurement and

Enhancement System (ProMES)), модель измерения достижений (Performance Measurement Model), пирамида достижений (Performance Pyramid), квантовое измерение достижений (Quantum Performance Measurement), измерение достижений компании «Эрнст & Янг», деловое окно управления (Business Management Window), «ДжАйКейс» (J.I. Case), «Катерпиллар», концепция внутреннего рынка «Хьюлетт-Паккард» и др. Мультиэкспертная оценка предлагаемой системы КРІ (структура МАИ-иерархии, технология проектного управления, конкретные решения, связанные с управлением этапом ликвидации ЧС, параметры управления командой на данном этапе ликвидации ЧС – форма и формат организации работы).

Блок 5: Оценка эффективности предложенной системы (фрейма) КРІ (анализ коэффициента конкордации и/или «обобщенного сценария» МАИ-иерархии). В случае положительной оценки – переход к блоку 6, в случае отрицательной оценки – к блокам 1, 2, 3. Показатели, получившие наибольшие значения экспертов при допустимом индексе согласованности ($ИС \leq 0,1$), включаются в систему КРІ.

Блок 6: Внедрение и использование системы КРІ в процессе анализа и ликвидации ЧС. Оценка конвергентности проблемно-целевой области (ПЦО) ТС/ПС акторов/стейкхолдеров и допустимого рассогласования целей акторов/стейкхолдеров: формируются проблемно-целевая область (ПЦО) и экспертно (МАИ/МАС-технологии, лепестковые диаграммы с наполнением) оценивается её конвергентность (согласованность целей и проблемного поля акторов/стейкхолдеров в виде статистической оценки коэффициента конкордации). Фиксируется (экспертным путем) допустимое рассогласование целей и проблемного поля акторов/стейкхолдеров. При допустимых значениях происходит переход к блоку 7, иначе – ПЦО согласовывается в допустимых значениях. Согласование проводится с использованием специальных фасилитационных технологий («б шляп» Э. де Боно, «Синектика» У. Гордон и др.). При невозможности согласования оценок процесс прекращается.

Блок 7: Оценка фактической эффективности работы команды по анализу и ликвидации ЧС (отношение потерь к затратам). Формализация процедуры оценки проводится с помощью экспертных технологий МАИ/МАС Т. Саати [Синюк, Шевырев, 2003].

Блок 8: Оценка фактической эффективности работы команды. В случае положительной оценки – переход к блоку 9, в случае отрицательной оценки – к блокам 1, 2, 3. Определение порога эффективности выбранных в блоке 7 параметров КРІ: в классическом варианте индикативная оценка по отдельным показателям осуществляется с помощью экспертно-аналитических процедур (МАИ/МАС и др.).

Использование разработанной системы КРІ в следующем проекте/ЧС – переход к блоку 1.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion)

В проведенном исследовании анализировалась с учетом результатов [Полушин, 2021] проектная работа команды по анализу и ликвидации ЧС. Параметры управления проектом/ликвидацией ЧС, входящие в систему (фрейм) КРІ, должны включать в себя показатели, связанные со следующими решениями:

- 1) об управлении проектом по ликвидации ЧС (выбор технологии управленческого проектирования на этапе);
- 2) связанными с управлением конкретным этапом проекта «экстренные меры по защите населения и объектов» при ликвидации ЧС.
- 3) связанными с выбором параметров управления командой;

4) о выборе параметров управления по методу анализа иерархий Т. Саати (МАИ-иерархий – количество и формулировка уровней и вершин и т.д.).

В дальнейшем все полученные решения объединялись в один пакет.

В систему КРІ были включены показатели:

1) стоимостные – оценка ущерба от пожаров и затрат на его ликвидацию и других действий-меры по защите населения, аварийно-спасательные/восстановительные работы и т.д.;

2) командные – компетентность, ролевая, целевая и проблемная конкордация команды при анализе/прогнозе, планировании и реализации работ этапа ликвидации ЧС и т.д.;

3) организационно-управленческие/процессные – качество и сроки выполненных работ и т.д.

4) маркетинговые-HR-бренд команды, позитивная узнаваемость, индивидуальность команды.

Далее осуществляется экспертная оценка полученной системы КРІ с помощью коэффициента конкордации K_k (М. Кендэл, Б. Смит) [Ромашкина, Татарова, 2005]. Существование K_k оценивается критерием χ^2 (число степеней свободы равно числу факторных признаков за вычетом 1), χ^2 фактический (25,36) > χ^2 табличный (23,68) при $\alpha = 0,05$ (доверительной вероятности). В нашем случае коэффициент конкордации значим, следовательно, согласованность экспертных оценок высокая. Дополнительно оценка согласованности экспертов проводилась по МАИ-технологии [Полушин, 2021]. В процессе исследований определялся социально-профессиональный профиль экспертов: все эксперты являлись мужчинами в возрасте от 35 до 57 лет, имеющими высшее специальное образование, одна треть из них имеют ученые степени кандидата наук, все эксперты находятся в кадровом резерве МЧС России, три четверти экспертов имеют государственные награды, все эксперты участвовали в гуманитарных и спасательных операциях.

Заключение (Conclusion)

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что использование технологий социального моделирования в виде социальных макротехнопакетов (СМТП) позволяет повысить уровень развития команд в процессе учебной имитации по ликвидации чрезвычайных ситуаций различных типов. Постепенно повышая уровень сложности анализируемых чрезвычайных ситуаций, можно значительно повысить эффективность работы команд.

Список литературы

- Бабинцев В.П., Федотова М.А., Полушин П.В. 2020. Системное управление командной работой на основе гуманитарного развития концепции социального технопаketирования. *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки*, 13(6): 28–38.
- Набоков А. 2015. Как повысить эффективность персонала с помощью системы КРІ. Управление персоналом, 4. URL: <https://www.top-personal.ru/issue.html?3836> (дата доступа: 23.10.2021).
- Переслегин С.Б. 2009. Новые карты будущего, или анти-рэнд. М., АСТ, СПб., Terra Fantastica, 701 с.
- Переслегин С.Б. 2015. Дикie карты будущего, форс мажор для человечества. Москва, Алгоритм, 447 с.
- Полушин П.А., Федотова М.А., Хромова С.А. 2019. Эволюция представлений о технологиях управления командной работой с точки зрения законов развития биотехносоциальных систем. *Московский экономический журнал*, 12: 70–74.
- Полушин П.В. 2021. Управление проектной командной работой как социальным макротехнопаketом в цифровом пространстве организации: результаты практических исследований. *Общество: социология, психология, педагогика*, 8: 85–91.

- Попов Д. 2003. Эволюция показателей стратегии развития предприятия. Управление компанией, 2. URL: <https://www.management.com.ua/strategy/str070.html> (дата доступа: 23.10.2021)
- Разработка системы ключевых показателей (KPI) для производственного предприятия. 2010. М., ООО «Комтех-Системы для бизнеса», 132 с.
- Ромашкина Г.Ф., Татарова Г.Г. 2005. Коэффициент конкордации в анализе социологических данных. *Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М)*, 20: 131–158.
- Синюк В.Г., Шевырев А.В. 2003. Использование информационно-аналитических технологий при принятии управленческих решений. М., Экзамен, 157 с.
- Федотова М.А., Полушин П.В. Управление проектной командной работой как социальным техноpaketом. *Nomothetika: Философия. Социология. Право*, 45(2): 271–280.
- Шевырёв А. 2007. Креативный менеджмент: синергетический подход. Белгород. ЛитКараВан, 272 с.
- Bojan Tomić, Tanja Milić. 2013. Automated interpretation of key performance indicator values and its application in education. *Knowl-Based Syst*, 37(2013): 250–260.
- Hany Abd Elshakour M. Ali, Ibrahim A. Al-Sulaihi, Khalid S. Al-Gahtani. 2013. Indicators for measuring performance of building construction companies in Kingdom of Saudi Arabia. *J King Saud Univ-Eng Sci*, 25(2): 125–134.
- Mohamed Khalifa, Parwaiz Khalid. 2015. Developing strategic health care key performance indicators: a case study on a tertiary care hospital. *Procedia Comput Sci*, 63: 459–466.
- Shana J., Venkatachalam T. 2011. Identifying key performance indicators and predicting the result from student data. *Int J Comput Appl*, 25(9): 45–48.
- Shen Yin, Guang Wang, Xu Yang. 2014. Robust PLS approach for KPI-related prediction and diagnosis against outliers and missing data. *Int J Syst Sci*, 45(7): 1375–1382.
- Zhou Ning, Wang Jian-hai, Wu Jia-xin. 2011. Design study on human-computer interface in Kpi-system of enterprises. *Applied Informatics and Communication Springer Berlin Heidelberg*: 189–195.

References

- Babincev V.P., Fedotova M.A., Polushin P.V. 2020. Sistemnoe upravlenie komandnoj rabotoj na osnove gumanitarnogo razvitija koncepcii social'nogo tehnopaketirovanija [Systematic management of teamwork based on the humanitarian development of the concept of social technopackaging]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (NPI). Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki*, 13(6): 28–38.
- Nabokov A. 2015. Kak povysit' jeffektivnost' personala s pomoshh'ju sistemy KPI [How to increase staff efficiency using the KPI system]. *Upravlenie personalom*, 4. URL: <https://www.top-personal.ru/issue.html?3836> (access: 23.10.2021).
- Pereslegin S.B. 2009. Novye karty budushhego, ili anti-rjend [New maps of the future, or anti-Rand]. Moscow, Publ. AST, Saint-Petersburg, Terra Fantastica, 701 p.
- Pereslegin S.B. 2015. Dikie karty budushhego, fors mazhor dlja chelovechestva [Wild cards of the future, force majeure for humanity]. Moscow, Publ. Algoritm, 447 p.
- Polushin P.A., Fedotova M.A., Hromova S.A. 2019. Jevoljucija predstavlenij o tehnologijah upravlenija komandnoj rabotoj s točki zrenija zakonov razvitija biotehnosocial'nyh system [Evolution of ideas about teamwork management technologies from the point of view of the laws of development of biotechnosocial systems]. *Moskovskij jekonomicheskij zhurnal*, 12: 70.
- Polushin P.V. 2021. Upravlenie proektnoj komandnoj rabotoj kak social'nym makrotehnopaketom v cifrovom prostranstve organizacii: rezul'taty praktičeskix issledovanij [Project teamwork management as a social macro-techno package in the digital space of the organization: results of practical research]. *Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika*, 8: 85–91.
- Popov D. 2003. Jevoljucija pokazatelej strategii razvitija predprijatija [Evolution of enterprise development strategy indicators]. *Upravlenie kompaniej*, 2. URL: <https://www.management.com.ua/strategy/str070.html> (access: 23.10.2021).
- Razrabotka sistemy ključevyx pokazatelej (KPI) dlja proizvodstvennogo predprijatija [Development of a system of key indicators (KPIs) for a manufacturing enterprise]. 2010. Moscow, Publ. ООО «Комтех-Системы для бизнеса».
- Romashkina G.F., Tatarova G.G. 2005. The coefficient of concordance in the analysis of sociological data. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology:4M)*, 20: 131–158.

- Sinjuk V.G., Shevyrev A.V. 2003. Ispol'zovanie informacionno-analiticheskikh tehnologij pri prinjatii upravlencheskih reshenij. Uchebnoe posobie [The use of information and analytical technologies in making management decisions. Study guide.]. Moscow, Publ. Jekzamen, 157 p.
- Fedotova M.A., Polushin P.V. Upravlenie proektnoj komandnoj rabotoj kak social'nym tehnopaketom [Project teamwork management as a social technology package]. *Nomothetika: Filosofija. Sociologija. Pravo*, 45(2): 271–280.
- Shevyryjov A. 2007. Kreativnyj menedzhment: sinergeticheskij podhod [Creative management: a synergetic approach]. Belgorod, Publ. LitKaraVan, 272 p.
- Bojan Tomić, Tanja Milić. 2013. Automated interpretation of key performance indicator values and its application in education. *Knowl-Based Syst*, 37 (2013): 250–260.
- 1Hany Abd Elshakour M. Ali, Ibrahim A. Al-Sulaihi, Khalid S. Al-Gahtani. 2013. Indicators for measuring performance of building construction companies in Kingdom of Saudi Arabia. *J King Saud Univ-Eng Sci*, 25(2): 125–134.
- Mohamed Khalifa, Parwaiz Khalid. 2015. Developing strategic health care key performance indicators: a case study on a tertiary care hospital. *Procedia Comput Sci*, 63: 459–466.
- Shana J., Venkatachalam T. 2011. Identifying key performance indicators and predicting the result from student data. *Int J Comput Appl*, 25(9): 45–48.
- Shen Yin, Guang Wang, Xu Yang. 2014. Robust PLS approach for KPI-related prediction and diagnosis against outliers and missing data. *Int J Syst Sci*, 45 (7): 1375–1382.
- Zhou Ning, Wang Jian-hai, Wu Jia-xin. 2011. Design study on human-computer interface in Kpi-system of enterprises. *Applied Informatics and Communication Springer Berlin Heidelberg*: 189–195.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Полушин Петр Владимирович, заместитель начальника учебного отдела учебно-методического центра, Академия Государственной противопожарной службы МЧС России, Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pyotr V. Polushin, Deputy Head of the Training Department of the Training and Methodological Centre of the Academy, State Fire Service of the Russian Ministry of Emergency Situations, Moscow, Russia

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

УДК 128

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-1-42-46

Жизнь человека: минимум – биография, максимум – житие

Лосев А.В.

независимый исследователь,

г. Москва, Россия

E-mail: lavpsi@mail.ru

Аннотация. Биография и житие рассматриваются в статье как способы существования человека и описания человеческой жизни. Биография и житие как существование всегда имеют личный характер бытия и несут на себе энергию сущего субъекта имярек. Биография и житие как описание предполагают смысловое схватывание жизни как целого, обозримости жизни, исходя из настоящего момента. Биография – это минимум событийности. Чтобы биография состоялась, достаточно родиться и умереть. Биография происходит с человеком в силу необходимости и представляет объективированный план существования, отрезок жизни на плоскости земли. Житие – это максимум присутствия человека в своей жизни и соотнесенность себя с запредельным, которое активно проявляет себя очевидным образом в опыте и сознании. Житие выражается в служении, как полноте реализации призвания. Житие начинается с зачатия и не заканчивается смертью. Самый переход из небытия в бытие есть событие жития. Человек еще не появился на свет, а его история уже началась. Взгляд жития простирается за пределы земной жизни на плоскости. Драма жизни человека определяется личной историей, которая складывается в судьбу. Биография и житие задают размах судьбы от минимума человеческого до максимума богочеловеческого.

Ключевые слова: биография, житие, судьба, драма жизни, сущий субъект

Для цитирования: Лосев А.В. 2022. Жизнь человека: минимум – биография, максимум – житие. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 47(1): 42–46. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-42-46

Human Living: The Biography – As a Minimum, As a Maximum – a Holy Life

Aleksandr V. Losev

Independent researcher,

Moscow, Russian Federation

E-mail: lavpsi@mail.ru

Abstract: The article considers the biography and a holy life as ways of human existence and means to describe human life. In terms of existence the biography and a holy life always have a personal character of being and bear the energy of the person. In terms of description the biography and a holy life assume a semantic grasp of life as a whole, a visibility of the life based on the present moment. The biography is characterised by a minimal eventfulness. For a biography to take place, it is enough to be born and die.

The biography happens to a person by necessity, and represents an objectified plan of existence, a segment of life on the earth surface. A holy life is a maximal person's presence in their life and their self's relation to the transcendent, which clearly and actively manifests itself in experience and consciousness. A holy life is dedicated to service, as a complete fulfilment of one's vocation. A holy life begins with conception and does not end with death. The very transition from non-existence to being is an event of life. Man has not yet been born, and his story has already begun. The view of a holy life extends beyond the limits of the earthly life on the surface. Hermeneutical interpretations of biography define self-realization as a dominant motive. A specific person with their life history is subjected to unification and is considered as a form which is aimed at implementing their principles and values. Psychoanalytic interpretations represent the pathography of an individual, not the history of life, excluding the historical and social context from the description. The drama of a person's life is determined by a personal story that develops into a destiny. The biography and a holy life set the scale of fate starting with the minimum of the human and ending with the maximum of the divine human.

Keywords: biography, a holy life, fate of life, drama of life, real subject

For citation: Losev A.V. 2022. Human Living: The Biography – As a Minimum, As a Maximum – a Holy Life. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(1): 42–46 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-42-46

Биографическая проблематика занимает одно из центральных мест в исследовательском поле современного гуманитарного знания. «С 1970–1980-х гг. наблюдается своеобразный ренессанс в области биографических исследований, сопровождавшийся сменой концептуальных оснований, переориентацией на интерпритативные стратегии, концентрацией внимания на уровне субъективно-личностных значений и смыслов, которые организуют биографические практики» [Голубович, 2012]. Житие, как явление жизни и литературный жанр, располагается на периферии исследовательских интересов в силу узкоконфессионального, преимущественно христианского содержания, в то время как сами «жития святых составляют едва ли не самый обширный отдел христианской литературы» [Барсов, 1894]. Житие и биография воспринимаются как обособленные явления жизни и области исследования. Предлагается рассматривать их в единстве, которое основывается на существовании конкретного человека в истории и выражается в повествовании как личной истории.

Сходство биографии и жития заключается в том, что они есть характеристика существования конкретного человека в определенных исторических условиях. Повествовательное сходство заключается в том, что биографию и житие пишут другие люди. Различие биографии и жития на уровне существования заключается в охвате: житие начинается с зачатия и не заканчивается смертью, а биография начинается с рождения и заканчивается смертью. Повествовательное различие состоит в невозможности автожития, тогда как биография предполагает автобиографию.

Биография как характеристика существования заключается в пределах жизненного пути на плоскости земли. «Понятие жизненного пути связывают с понятием истории жизни или биографии: "история жизни" подразумевает жизненный путь, получивший форму истории, то есть реконструированной последовательности значимых событий и рассказанной в качестве таковой» [Мещеркина, 2002]. «Творческая биография» вроде бы должна улавливать суть жизненного пути, но она касается продуктов и результатов творчества, а не самого творческого процесса, и уж тем более не раскрывает тайну творящей души.

Биография как повествование может браться в любом своем моменте, безотносительно к началу и концу. «Первоначальное представление о биографии как о некотором

замысле, осмысленном конструировании себя в глазах другого, а значит жанровости, художественности изложения, сменилось пониманием многообразных форм биографического дискурса. Биографические, личностные истории настолько укоренены в жизни человека, что редуцировать их до некоторого рассказа, имеющего своих героев, злодеев, помощников и т.д. – это искусственное сужение жизни до литературного объекта, замысел которого непреложно приписывается рассказчику. Не только соперничество между документальным и художественным может создавать биографическое напряжение, но и поиск своего места в коммуникации, придание смысла прошедшему, обретение идентичности, терапия утрат и потерь и т.д.» [Рогозин, 2015]. Личная история гораздо шире и глубже литературных сюжетов и включает в себя не только видимую сторону жизни, но и немислимое, доступное осознанию и недоступное пониманию.

Житие как характеристика существования – это не мой взгляд на свою жизнь. Я не могу сказать, что у меня житие, не из скромности, а потому что я не знаю и не вижу свою жизнь исходя из завершенности целого, не вижу свою жизнь исходя из ее конца, не могу изнутри самой жизни обозреть жизнь целиком. Более того, я и в конце не могу знать, а может и не узнаю никогда, что значила моя жизнь, прижизненно оценить свою жизнь с точки зрения мирового целого.

Житие как повествование не предполагает автожития. Житие пишут другие люди о человеке, а не он сам о себе. Но другие люди не могут знать, является ли моя жизнь житием или нет. Есть критерии жития в разных культурах и религиях, они социальны и условны. Что верно в одном случае, не подходит в другом. Житие схватывает жизнь от начала до конца, и конец жизни важнее начала в плане оценки жизни как жития. Можно сказать, что житие определяется смертью. Житие, взятое в любом своем моменте, еще не житие, если не было посмертного прославления и удостоверения святости другими людьми.

Житие начинается с зачатия, а биография с рождения. Зачатие предшествует рождению и есть момент вечности. Рождение – это рождение уже существующего. А зачатие – это переход от небытия к бытию. Пространственно зачатие происходит в определенном месте, утробе, но самый момент зачатия как переход из небытия в бытие вне этого места и времени. А рождение – это перемещение в пространстве из одного места в другое. Биография всегда привязана к датам. Житие игнорирует время события, описывая его относительно вечности, с которой соотносится жизнь человека. «Житие как жанр христианской письменности обладает ярко выраженной спецификой: цель агиографа не воссоздание исторически достоверной биографии, а выявление сути и вневременного содержания подвига святого, земная жизнь которого была путем к Богу» [Руди, 2008]. Смерть как окончание земной жизни, с точки зрения биографии, принадлежит времени. Здесь открывается простор для мифов о посмертном существовании, поскольку смерть еще дышит жизнью. Смерть с точки зрения жития, смерть как таковая, есть момент вечности. Смерть, понимаемая как переход, исход, который уже не привязан к земной жизни, не принадлежит ей и не познается в сопоставлении с ней, а сам по себе. Так понимаемая смерть не есть конец жизни, а продолжение существования, или начало новой, неведомой жизни.

Биография есть у всех, а житие – нет. Житие ассоциируется со святой жизнью, святостью. Под святостью мы понимаем не только исключительные проявления, известные в житиях святых различных конфессий. Во-первых, святость предполагает признание от других людей. Сам святой не считает и не признает себя святым. В этом смысле святость социальна. Во-вторых, святость – это не свойство человека, а некий дар, привходящее извне моего естества свойство, которое прикладывается ко мне, но может быть изъято. Обусловленность может быть социальной и божественной. Социальная обусловленность связана с требованиями, которые человек предъявляет к себе и которые к нему предъявляет общество в конкретной исторической ситуации. Божественная обусловленность есть неизменные заповеди, предписания, которые предъявляет Бог. Причем следует уточнить, что зафиксированные заповеди, то, что принято анализировать и относить к проявлениям

сверхъестественного, относятся как раз к социальному измерению, объективации, творимой самим человеком. К сверхъестественному относится движение божественной энергии в душе, разуме, теле человека в реальный момент времени земной жизни, то, что не доходит чаще всего до выражения и остается сокровенным свидетельством в опыте и памяти человека. Это непосредственное соприкосновение и есть собственно сверхъестественная обусловленность, исходящая от Бога, которая отличается уникальностью приложения требований к конкретному человеку в конкретных исторических обстоятельствах его жизни. Бог действует не в механической картине мира и не в органической, если под органическим понимать живую телесность, и даже не в умном плане только. Бог действует в духе и Духом.

Жизнь в Духе есть не цель, а результат. Заповедь не может меня принудить выполнить ее. Внешнее выполнение заповедей не приводит к спасению, если не будет уже свершившегося Царства Божия, действующего во мне Духа. Дух действует во мне, и потому я совершаю заповедь, а не так, что я совершил заповедь и Дух снизошел на меня. Я творю уже Духом и вне Духа не могу творить заповеди. От человека только желание, усилие, напряжение воли. Вневременное проникновение Духа в меня по моему внутреннему движению к Богу образует результат святости, из которого становится возможным творить Божии повеления. Иными словами, святится освященный, спасается спасенный, совершает совершенный. «Царствие Божие внутри вас есть», уже есть, а не так, что мир расколот на субъект и объект, дух и плоть. Мир расколот не в сознании моем, а в мышлении, потому что в моем сознании все непосредственно дано и слитно.

Жизнь человека это всегда есть жизнь конкретного человека имярек. Попытки обезличивания представляют человека как пустой сосуд, который наполняют каким-либо содержанием. Субъект теряется, растворяется. Это касается, например, психоаналитических и герменевтических тарктовок биографии. «Психоанализ, как и герменевтика, стремится изъять исследуемую личность из актуальной (социально и исторически оцениваемой) ситуации и привлечь внимание к конфликтам, раскрывающимся благодаря самоистолкованию. Как и герменевтика, он тяготеет к автобиографизму. Дальше, однако, начинаются примечательные различия. Если в герменевтике отношение к чужому самоистолкованию определяется презумпцией благоговения, то в психоанализе – презумпцией подозрительности. В искренних исповедях он видит не истину, исключаящую всякую критику, а как раз высшую форму самообмана, такую степень развития «иллюзий на свой собственный счет», когда пациент уже не может выпутаться из них, но именно поэтому позволяет врачу распознать вытесненные психические энергии силы, комплексы, травмы. Типы и виды чужеродных психических сил психоаналитик всегда уже знает заранее. Проводимая им расшифровка исповедального материала носит поэтому характер сведения индивидуального к общераспространенному, странного – к известному, уникального – к типовому» [Соловьев, 1981]. Житие – это как раз и есть восприятие жизни и сама жизнь не с механической, материальной или интеллектуальной стороны, а жизнь с людьми в мире, где все пронизано человечностью и во всем видится человеческое. Но человеческое не рассеченное на части, не отсеченное от самого же себя целого, не замкнутое на себя, потому что как минимум есть не только я, а есть еще, или уже, и другие. А если есть другие, то есть и Другой.

Заключение

Биография и житие как существование всегда имеют личный характер бывания, и несут на себе энергию сущего субъекта имярек. Биография и житие как описание предполагают смысловое схватывание жизни как целого, обозримости жизни, исходя из настоящего момента. Биография начинается с рождения и заканчивается смертью. Биография – это минимум событийности. Чтобы биография состоялась, достаточно родиться и умереть. Биография происходит с человеком в силу необходимости и представляет объекти-

винованный план существования, отрезок жизни на плоскости земли. Житие начинается с зачатия и не заканчивается смертью. Житие – это максимум присутствия человека в своей жизни и соотнесенность себя с запредельным, которое активно проявляет себя очевидным образом в опыте и сознании. Самый переход из небытия в бытие есть событие жития. Человек еще не появился на свет, а его история уже началась. Взгляд жития простирается за пределы земной жизни на плоскости. Житие выражается в служении как полноте реализации призвания. Биография и житие задают размах судьбы от минимума человеческого до максимума богочеловеческого.

Список литературы

- Барсов Н.И. 1894. Жития святых. В кн.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. XII: 20–23.
- Голубович И.В. 2012. Биография: методология анализа в гуманитарном знании. *Эпистемология и философия науки*, 23(3): 84–114.
- Мещеркина Е.Ю. 2002. Жизненный путь и биография: преемственность социологических категорий (анализ зарубежных концепций). *Социологические исследования*, 7: 61–67.
- Рогозин Д.М. 2015. Биографический метод: обзор литературы. *Социологические исследования*, 10: 120–129.
- Руди Т.Р. 2008. Жития святых. *Православная энциклопедия*, 19: 283–345.
- Соловьев Э.Ю. 1981. Биографический анализ как вид историко-философского исследования. *Вопросы философии*, 7: 115–126; 9: 132–143.

References

- Barsov N.I. 1894. Zhitiya svyatykh [Lives of the Saints]. In: Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona – Brockhaus and Efron's Encyclopedic Dictionary. XII: 20–23.
- Golubovich I.V. 2012. Biografiya: metodologiya analiza v gumanitarnom znanii [The Biography: Methodology of Analysis in Humanities]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*, (23)3: 84–114.
- Meshcherkina E.Yu. 2002. Zhiznennyy put' i biografiya: preemstvennost' sotsiologicheskikh kategoriy (analiz zarubezhnykh kontseptsii) [Life path and biography: continuity of sociological categories (analysis of concepts introduced in other countries)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 7: 61–67.
- Rogozin D.M. 2015. Biograficheskiy metod: obzor literatury [The Biographical Method: A Literature Review]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 10: 120–129.
- Rudi T.R. 2008. Zhitiya svyatykh [The Lives of Saints]. *Pravoslavnaya entsiklopediya*, 19: 283–345.
- Solov'ev E.Yu. 1981. Biograficheskiy analiz kak vid istoriko-filosofskogo issledovaniya [Biography analysis in the framework of historical and philosophical research]. *Voprosy filosofii*, 7: 115–126. 9: 132–143.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лосев Александр Владимирович, кандидат философских наук, независимый исследователь, Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Losev, PhD, independent researcher, Moscow, Russia

УДК 1(091)

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-1-47-52

Проблема новаторского традиционализма философии славянофилов

Лопин Р.А., Почепцов С.С.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: lopin@bsu.edu.ru; pocheptsov@bsu.edu.ru

Аннотация: Статья посвящена теме развития в российской философской мысли самобытного направления философствования, опирающегося на духовно-культурный традиционализм. Он стал отправной точкой сознания славянофилов, его глубинной основой. Феномен славянофильства как начало философского обоснования собственного для России самосознания в век экспансии чужеродных по своему происхождению идей российского политического, социального, культурного и др. развития имеет важное место в понимании формирования русской философии последних столетий. Темы, поднятые славянофилами, актуальны и обсуждаемы в современности. Они во многом определяют консервативно-патриотический вектор в философии современной России, что в свою очередь ориентирует на изучение проблемы славянофильства как одного из центральных направлений в русской философской мысли, раскрывающих тему новаторского или созидательного традиционализма в философии славянофилов и их последователей и его конфликт с либерализацией русского сознания.

Ключевые слова: Философия, русская философская мысль, история, культура, самосознание, религия, славянофильство, традиционализм, патриотизм, либерализм

Для цитирования: Лопин Р.А., Почепцов С.С. 2022. Проблема новаторского традиционализма философии славянофилов. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 47(1): 47–52. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-47-52

The Problem of Innovative Traditionalism in Slavophile Philosophy

Roman A. Lopin, Sergey S. Pocheptsov

Belgorod National Research University
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation
E-mail: lopin@bsu.edu.ru; pocheptsov@bsu.edu.ru

Abstract: The article is devoted to the topic of development in Russian philosophical thought of an original direction of philosophical thought based on spiritual and cultural traditionalism. It became the starting point of Slavophile consciousness, its deep basis. The phenomenon of Slavophilism as the beginning of philosophical grounding of Russia's own self-consciousness in the age of expansion of alien in its origin ideas of Russian political, social, cultural etc. development has an important place in understanding of formation of Russian philosophy of the last centuries. The themes raised by the Slavophiles are relevant and debatable in modern times. These topics determine the conservative-patriotic vector in modern Russian philosophy, which in its turn leads to the study of Slavophilism as one of the central tendencies in Russian philosophical thought, revealing the topic of innovative or creative traditionalism in the philosophy of Slavophiles and their followers, and its conflict with liberalization of Russian consciousness.

Keywords: Philosophy, Russian Philosophical Thought, History, Culture, Self-consciousness, Religion, Slavophilism, Traditionalism, Patriotism, Liberalism

For citation: Lopin R.A., Pocheptsov S.S. 2022. The Problem of Innovative Traditionalism in Slavophile Philosophy. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(1): 47–52 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-47-52

Введение

В выборе философского обоснования развития общества в современной России очевидно важным является ориентир на традиционно сложившееся понимание национальной консолидации в российской мысли, представленной не одним поколением русских философов, отстаивающих национальную идею целостности и ментального единства народа России, раскрывших в своих трудах своеобразность и созидательность его культуры как идеала в жизнестроительстве, относящихся с любовью и уважением к духовной аксиологии своих соотечественников, считавших Россию своим отечеством. Пожалуй, самой яркой эпохой в становлении такой мировоззренческой позиции в отечественной мысли можно назвать период творческой деятельности ранних славянофилов, развивших основные векторы осмысления собственной идентичности и ментальных особенностей для человека русской культуры.

Последние десятилетия возросший интерес к философскому наследию продиктован во многом тем, что ему предшествовал период забвения, дискредитации отечественной философской школы. Анализ доли славянофильского наследия в подобном процессе показывает, что славянофильские идеи занимают важное место [Славянофильство, 2009], став предметом изучения, критики или наследия в современном развитии философской, исторической, культурологической, политологической мысли России. Вместе с тем нужно отметить, что в большей степени славянофильство, как у их последователей [Осипов, 2008], так и у их оппонентов, инертно воспринимается [Дудзинская, 1983] как явление социополитического характера вне акцента на социокультурный его феномен, в котором раскрывается культурно-историческая преемственность славянофилами основ духовно-ментального естества человека в восточно-христианской, русской традиции.

Стремление политизировать феномен славянофильства сегодня вне историко-культурной преемственности, в неразрывной динамике существования Российского государства [Песков, 2007] как локальной цивилизации, цивилизации, играющей и сегодня важную роль в истории в глобальном пространстве, создает проблему дестабилизации российского общества на современном этапе. В подобной оторванности в современной России периодически появляются фундаментальные политические проекты («Русская доктрина» [Русская доктрина, 2007], «Проект Россия» [Шалыганов, 2013] и др.), по сути не способные преодолеть более чем вековую разобщенность, порожденную трансформацией жизни российского общества.

В данном контексте главной задачей является решение проблемы соотношения современного философского обоснования развития российского общества с идеями, изложенными славянофилами в концепте новаторского традиционализма.

Консервативно-патриотический вектор в славянофильстве

Пробуждение русского самосознания в первой половине XIX века и пути его становления неразрывно связаны с развернувшейся полемикой между западниками и славянофилами, отражавшей проблему разделения общества, полярности подходов в понимании будущего России, ее развития политического, социального, культурного, экономического. Общественная мысль этого времени, во многом увлеченная идеями либерализма [Ливицкий, 2012], которые затрагивали, изменяли все важные сферы жизни человека, ориентируясь на евроцентризм, в значительной степени дистанцировалась, порою окончательно отрываясь от исторически присущего, сформированного веками самосознания.

В подобной ситуации в среде русской мыслящей элиты естественным образом возникают два направления, лагеря или просто два полярных убеждения в будущем развития России, «западников» и «славянофилов». И «западники», и «славянофилы» оставили неизгладимый след не только в культуре XIX столетия, но и в целом в отечественной истории и культуре, предопределив ее дальнейшее развитие, в том числе и развитие философской мысли в России, формирование в ней «русской идеи». Ее сторонники, славянофилы, опираясь на культурно-историческую традицию, выражали реакцию на предлагаемую мировоззренческую нестабильность, подрыв национального сознания, спокойствия в жизни общества «под безусловным авторитетом Западной Европы» [Аксаков, 1992, с. 9]. Напротив, их оппоненты, западники, приняв за основу своих убеждений данный «авторитет», искали «новый путь» России, отвергая ее самобытность, исторически сложившуюся духовно-культурную традицию, особый тип русского самосознания, приобретали в своей позиции сильную политическую окраску.

В отличие от западников, славянофилы опирались на сложившийся веками фундамент традиционного мировосприятия русского народа, духовную основу в его жизни, пытались показать, что русский мир самодостаточный и не нуждается в коренных изменениях. Они отстаивали традиционное самобытное существование России, ставили перед собой задачу «переломить пренебрежительное отношение к русской культуре как “примитивным проявлениям неразвитого духа” и показать ее неповторимое своеобразие и мировую значимость» [Шапошников, 2005, с. 5].

В сложившейся ситуации в опоре на традицию собственного народа, отечественную культуру творчество славянофилов становится созидательно-плодотворным. Их философия – отражение самостоятельного воззрения, общности с историческим наследием. Славянофилы этим подчеркивают свой консерватизм, в то же время их новаторство проявляется в обновленном традиционализме. Новаторский традиционализм в философии славянофилов – движение вперед на основе традиционализма, способ сохранения собственного мировоззрения, собственного самосознания в реалиях того времени. В отечественной культуре начала XIX века такой новаторский традиционализм стал отправной точкой в развитии отечественной философской мысли, по своей природе религиозной. В религиозном и национальном аспектах наибольшим образом понимается феномен славянофильства [Бердяев, 2005].

Мировоззренческая полярность в русском обществе имела и внутрифилософскую проблему «преодоления Канта и Гегеля» [Бердяев, 2005, с. 121]. Здесь не идет речь о прямом отрицании славянофилами классиков европейской философии. Скорее, можно говорить об отсутствии прямой приемлемости их философствования русским сознанием, присущим славянофилам, имеющим другие мировоззренческие принципы, восходящие к собственной духовной традиции. В преодолении «германской» философии как «отвлеченной философской гордыни» [Бердяев, 2005, с. 106], по мнению славянофилов, русская мысль могла опираться только на традиционное для нее наследие. Причина такого отрицания западной философии славянофилами заключалась в критическом анализе духовных жизненных начал европейской истории и культуры, в неприятии их лживости как антитезы излагаемой христианством истины [Флоровский, 1998, с. 39].

В наличии апостасийности в западной философии заключается видение славянофилами ее несостоятельности как философии истинной. С точки зрения А.С. Хомякова, лидера и вдохновителя славянофильства, с позиции философии «целостного духа, в котором воля и разум не рассечены» [Бердяев, 2005, с. 113], только через соборное единение в духовной свободе возможно познание истины.

Такая философия формируется благодаря религиозному мировоззрению, церковному образу жизни, где «вера – жизнь и истина в одно и то же время...» [Хомяков, 1995, с. 133], как у самого А.С. Хомякова, так и у других славянофилов. В философии самого А.С. Хомякова гносеология «не разделяет субъект и объект и не рассекает дух» [Бердяев,

2005, с. 110]. В ней впервые в русской философской мысли со всей отчетливостью поставлена проблема соборной природы человека. В своей полемике с западом А.С. Хомяков следует апологетической традиции православного богословия, выводит его на совершенно новый уровень, повлиявший на развитие отечественной идеалистической философской мысли, оказав влияние прямо или косвенно на последующих ее представителей.

Славянофилы не были крайне политизированы, как это было у западников, сказать точнее, их «кружок» вообще не носил политической окраски. Об этом говорит его состав, скорее его можно назвать собранием единомышленников, в век развития идей социокультурного нигилизма переживающих за судьбу своего народа, своей Родины – России. Его можно отнести к «салонной культуре» того времени, в нем собравшиеся «беседовали главным образом о философии и вере...», «много говорили о быте русского народа, о его воззрениях (религиозных и общественных)» [Аронсон, Рейсер, 2000, с. 35].

Славянофильство было культурным явлением, где философия и теология присутствовали как способ изъяснения в общении образованного человека того времени. Нужно отметить и тот факт, что славянофильский «кружок» имел колоссальное значение в общественной жизни. Его влияние, издательская деятельность создавали атмосферу патриотического духовного подъема в социальной среде, хотя сами славянофилы этого в полной мере не ощущали и неоднократно говорили о том, что их идеи мало востребованы их современниками.

Известная классификация членов славянофильского «кружка» по их специализации: А.С. Хомяков как богослов, полемист; И.В. Киреевский как занимающийся проблемами философии; П.В. Киреевский как собиратель фольклора; К.С. Аксаков как литератор и историк; Ю.Ф. Самарин как экономист; А.И. Кошелев тоже экономист и т.д., – носит отвлеченный, поверхностный характер. Несмотря на интеллектуальную величину каждого из славянофилов, их разносторонность в интересах, все они имели идейную общность в основном, центральном для каждого из них вопросе отстаивания собственной культурно-мировоззренческой традиции.

Славянофильство, просуществовав четверть века в истории русской мысли, приняв «поиски “новых начал философии”, основ целостного познания Бытия и цельной картины мира» [Огородников, 2001, с. 20], вошло в нее как направление, способное противостоять «чужеродной» экспансии. Показало возможность существования основанной на собственной ментальности отечественной философии, выявив «односторонность рационализма философии европейской (что сама западная философия обнаружит намного позднее), определенный схематизм [упрощенность] в созданной ею картине мира» [Огородников, 2001, с. 20].

Вопросы, поставленные славянофилами, и сегодня вызывают повышенный интерес у исследователей их философского наследия, ориентированного на осмысление и защиту исторически накопленного опыта предшествующих поколений в жизнестроительстве, определяющего и по сегодняшний день жизнь Русского мира, России как отдельной самобытной цивилизации, занимающей важную роль в истории человечества.

Заключение

Современные глобальные процессы, нашедшие отражение в социокультурной среде российского общества, в первую очередь в своей идеологии направлены на упразднение национального суверенитета, обороноспособности и культурной идентичности России как локальной цивилизации, что очередной раз в истории русского общества включает в себя изменение, трансформацию, примитивизацию возрождающихся традиционной системы ценностей, национальной культуры, традиционно-религиозной морали и нравственности, народного мышления.

Исторический опыт показывает, что любые идеи и действия, направленные на разобщенность национального единства, приводят к негативным последствиям. Русская философская мысль в своей истории, в контексте истории культуры в целом раскрывает тот факт, что выбор вектора в философском обосновании социокультурного развития в конечном итоге регламентирует процессы в культурной и общественной жизни. Философия выдвигаемого концепта раскрывает сущность той идеи, которая в ней представлена, от выбора которой зависит объективность представления общества о самом себе, созидательность или деструктивность его устройства. От выбранной философии общественным сознанием в конечном итоге зависит его дальнейшее социокультурное развитие.

XIX столетие стало для России золотым веком русской культуры, веком идеи формирования социальной общности как национального самосознания. Также это столетие можно охарактеризовать и как один из периодов массовой трансляции теорий социальной деkonsolidации в российское общество. Полемика в русской философии между либеральным и консервативным направлениями, а первоначально между западниками и славянофилами, тому яркий пример.

Опираясь на исторический опыт, потенциал русской философской мысли, можно предположить, что возвращение к исторически сложившимся народным корням, на примере славянофилов и их последователей, как к своей культуре, дает возможность понять желание остановить процесс саморазрушения, деградацию естества и сознания русского общества в современный период. В этом смысле славянофильские идеи, как символ истинного патриотизма, могут выглядеть позитивными, как современный концепт социальной консолидации в российском обществе на данном этапе его исторической динамики, что в свою очередь требует изучения феномена раннего славянофильства. Это дает возможность понять, что оно из себя представляет, понять историческое обоснование современного патриотизма в России.

Список литературы

- Аксаков К.С. 1992. О русском воззрении. В кн.: Россия древняя и вечная. Сборник. Иркутск, Восточно-сибирское книжное издательство, 9–19.
- Аронсон М., Рейсер. С. 2000. Литературные кружки и салоны. СПб., Аграф, 400 с.
- Бердяев Н.А. 2005. Алексей Степанович Хомяков. М., Высшая школа, 239 с.
- Дудзинская Е.А. 1983. Славянофилы в общественной борьбе. М., Мысль, 271 с.
- Ливицкий П.В. 2012. Славянофильство и либерализм (западничество), опыт систематического обозрения. М., Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 264 с.
- Огородников Ю.А. 2001. Судьба наследия русской философской мысли на рубеже XXI века. В кн.: Философия целостного понимания мира и человека. М., МПГУ, 20–27.
- Осипов В.Н. 2008. Корень нации. Записки русофила. М., Алгоритм, 624 с.
- Песков Л.М. 2007. «Русская идея» и «русская душа»: Очерки русской историософии. М., ОГИ, 104 с.
- Русская доктрина (Сергиевский проект). 2007. М., Изд. Яуза-пресс, 865 с.
- Славянофильство, pro et contra. 2009. СПб., Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1056 с.
- Флоровский Г.В. 1998. Вечное и преходящее в учении русских славянофилов. В кн.: Из прошлого русской мысли. М., Аграф, 31–51.
- Хомяков А.С. 1995. Сочинения богословские. СПб., Наука, 480 с.
- Шалыганов Ю.В. 2013. Проект Россия. М., Эксмо, 944 с.
- Шапошников Л.Е. 2005. Глашатай новаторского традиционализма. В кн., Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков. М., Высшая школа, 5–32.

References

- Aksakov K.S. 1992. O russkom vozzrenii [About the Russian view]. In: Rossiya drevnyaya i vechnyaya. Sbornik [Russia Ancient and Eternal. Collection]. Irkutsk, Publ. Vostochno-sibirskoye knizhnoye izdatel'stvo: 9–19.

- Aronson M., Reyser. S. 2000. Literaturnyye kruzhki i salony [Literary circles and salons]. SPb., Publ. Agraf, 400 p.
- Berdyayev N.A. 2005. Aleksey Stepanovich Khomyakov [Alexey Stepanovich Khomyakov]. Moscow, Publ. Vysshaya shkola, 239 p.
- Dudzinskaya Ye.A. 1983. Slavyanofily v obshchestvennoy bor'be [Slavophiles in the public struggle]. Moscow, Publ. Mysl', 271 p.
- Livitskiy P.V. 2012. Slavyanofil'stvo i liberalizm (zapadnichestvo): opyt sistematicheskogo obozreniya [Slavophilism and liberalism (Westernism): the experience of a systematic review]. Moscow, Publ. Knizhnyy dom «LIBROKOM», 264 p.
- Ogorodnikov Yu.A. 2001. Sud'ba naslediya russkoy filosofskoy mysli na rubezhe XXI veka [The fate of the heritage of Russian philosophical thought at the turn of the XXI century]. In: Filosofiya tselostnogo ponimaniya mira i cheloveka [Philosophy of a holistic understanding of the world and man]. Moscow, Publ. MPGY: 20–27.
- Osipov V.N. 2008. Koren' natsii. Zapiski rusofila [The root of the nation. Notes of a Russophile]. Moscow, Publ. Algoritm, 624 p.
- Peskov L.M. 2007. «Russkaya ideya» i «russkaya dusha»: Ocherki russkoy istoriosofii ["Russian idea" and "Russian soul": Essays on Russian historiosophy]. Moscow, Publ. OGI, 104 p.
- Russkaya doktrina (Sergiyevskiy proyekt) [Russian doctrine (Sergius project)]. 2007. Moscow, Publ. Yauza-press, 865 p.
- Slavyanofil'stvo: pro et contra [Slavophilism: pro et contra]. 2009. SPb.: Publ. S.-Peterb. un-ta, 1056 p.
- Florovskiy G.V. 1998. Vechnoye i prekhodyashcheye v uchenii russkikh slavyanofilov [Eternal and transient in the teaching of Russian Slavophiles]. In: Iz proshlogo russkoy mysli [From the Past of Russian Thought]. Moscow, Publ. Agraf: 31–51.
- Khomyakov A.S. 1995. Sochineniya bogoslovskkiye [Theological writings]. SPb., Publ. Nauka, 480 p.
- Shalyganov Yu.V. 2013. Proyekt Rossiya [Project Russia]. Moscow, Publ. Eksmo, 944 p.
- Shaposhnikov L.Ye. 2005. Glashatay novatorskogo traditsionalizma [Herald of innovative traditionalism]. In: Berdyayev N.A. Aleksey Stepanovich Khomyakov [Berdyayev N.A. Alexei Stepanovich Khomyakov]. Moscow, Publ. Vysshaya shkola: 5–32.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лопин Роман Анатольевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Почепцов Сергей Сергеевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Roman A. Lopin, PhD. in Philosophy, docent, Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

Sergey S. Pocheptsov, PhD. in Philosophy, docent, Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 316.75: 140.8

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-1-53-60

Стратегии присвоения социального времени в классических идеологиях модерна

¹Олещенко Е.О., ²Трунов А.А.

¹ Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина
308024 Россия, Белгород, ул. Горького, 71.

E-mail: eoveto@mail.ru

² Белгородский университет кооперации, экономики и права
Россия, 308023, г. Белгород, ул. Садовая, д. 116а

E-mail: trunovv2013@yandex.ru

Аннотация. Представлен аналитический обзор концепций идеологии в трудах А.-Л.-К. Дестют де Траси, К. Маркса и Ф. Энгельса, М. Вебера, К. Манхейма, Д. Лукача, А. Грамши, К. Шмитта, Х. Арендт и М. Манна. Выявлена связь между содержанием классических идеологий и темпоральностью модерна. Доказано, что консерватизм, либерализм и марксизм представляют собой конкурирующие версии присвоения социального времени модерна. В консерватизме объектом присвоения выступает идеологизированное прошлое, в либерализме – интенсивное настоящее, в марксизме – светлое будущее. Конкуренция и конвергенция базовых ценностей и смыслов, а также конфликт социальных интересов коллективных субъектов исторической динамики инициирует различные траектории развития, которые реализуются в рамках общего культурно-цивилизационного проекта.

Ключевые слова: идеология, социальное время, модерн, консерватизм, либерализм, марксизм

Для цитирования: Олещенко Е.О., Трунов А.А. 2022. Стратегии присвоения социального времени в классических идеологиях модерна. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 47(1): 53–60. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-53-60

Strategies for Assigning Social Time in the Classical Ideologies of Modernity

¹Ekaterina O. Oleshchenko, ²Anatoly A. Trunov

¹ I. D. Putilin Belgorod Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
71 Gorky St, Belgorod 308024, Russian Federation

E-mail: eoveto@mail.ru

²Belgorod University of Cooperation, Economics and Law
116a Sadovaya St, Belgorod 308024, Russian Federation

E-mail: trunovv2013@yandex.ru

Abstract. The article provides an analytical review of the concepts of ideology presented in the works of A.-L.-K. Destut de Tracy, K. Marx and F. Engels, M. Weber, K. Mannheim, D. Lukacs, A. Gramsci, K. Schmitt, H. Arendt and M. Mann. The connection between the content of classical ideologies and the temporality of modernity is revealed. It is proved that Conservatism, Liberalism and Marxism are competing versions of the appropriation of modern social time. In Conservatism, the object of appropriation is an ideologized past, in Liberalism – an intense present, in Marxism – a bright future. Competition and convergence of basic values and meanings, as well as the conflict of social interests of collective subjects of historical dynamics initiates various development trajectories that are implemented within the framework of a common cultural and civilizational project.

Keywords: ideology, social time, Modernity, Conservatism, Liberalism, Marxism

For citation: Oleshchenko E.O., Trunov A.A. 2022. Strategies for Assigning Social Time in the Classical Ideologies of Modernity. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(1): 53–60 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-53-60

Введение

Актуальность заявленной темы обусловлена необходимостью глубокого и всестороннего изучения проектно-конструкторской специфики идеологии и культуры модерна. В философской и научной литературе модерн рассматривается как наиболее значительный культурно-цивилизационный проект нескольких последних столетий [Хабермас, 2008; Eisenstadt, 2000]. По существу, этот проект носит незавершённый характер. Чтобы понять его истоки, направленность и базовые смыслы, необходимо обратиться к изучению классических идеологий (консерватизма, либерализма и марксизма), которые представляют собой три конкурирующих варианта присвоения социального времени модерна с позиций коллективных субъектов исторической динамики.

Цели данной статьи заключаются в том, чтобы: 1) осуществить аналитический обзор основных концепций идеологии, которые представлены в современном философском и научном дискурсе; 2) на примере реконструкции смыслового ядра классических идеологий (консерватизма, либерализма и марксизма) выявить три базовых стратегии присвоения социального времени модерна. Для этого мы намерены использовать методы компаративного и морфологического анализа, а также методы конструктивизма и герменевтики. Полагаем, что подобный подход позволит более адекватно понять не только проектно-конструкторскую идеологию и культуру модерна, но и осмыслить различные варианты присвоения социального времени в контексте концепции множественных модерностей, которая становится всё более популярной среди сторонников культурно-цивилизационного подхода [Eisenstadt, 2000; Арнасон, 2021].

Феномен идеологии в научном и философском дискурсе

Обратимся к реализации первой из заявленных целей.

Как известно, термин «идеология» появился в конце XVIII в. Впервые его использовал А.-Л.-К. Дестют де Траси в значении универсальной науки об идеях. Речь шла о разработке сенсуалистской теории познания, которая могла бы стать заменой традиционной философии [Дестют де Траси, 2013]. Эпистемологический проект Дестюта де Траси не принёс значительных прорывов в сфере когнитивных наук, однако положил начало критике идеологии как феномена ложного сознания. Впрочем, эта заложенная Наполеоном традиция вовсе не закрыла тему идеологии. Напротив, концепт идеологии стал всё чаще использоваться различными мыслителями, которые разделяли оптимистические установки эпохи Просвещения и продолжали верить в то, что «идеи правят миром».

К. Маркс и Ф. Энгельс осуществили радикальную ревизию данного тезиса, доказав, что идеологию следует рассматривать не столько как ложную онтологию феномена политического, сколько как систему господствующих мыслей господствующего класса¹. Глубокий и тонкий анализ различных форм идеологии, репрезентировавших интересы различных коллективных субъектов, осуществлявших активную политическую деятельность в ходе революции во Франции в середине XIX в., был предпринят К. Марксом в его знаменитой полемической работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»². К сожалению, в дальнейшем К. Маркса заинтересовали другие научные и философские про-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. 1955. Соч. 2-е изд. М., Госполитиздат. Т. 3: XIV, 616 с.

² Маркс К., Энгельс Ф. 1957. Соч. 2-е изд. М., Политиздат. Т. 8: XIV, 689 с.

блемы, поэтому его концепция идеологии носит фрагментарный характер и нуждается в дальнейшей разработке.

М. Вебера можно рассматривать как одного из главных идейных оппонентов К. Маркса. М. Вебер уделял большое внимание теме социального господства и его исторически сложившихся идейно-символических проекций [Вебер, 2019]. При этом М. Вебер сместил исследовательский акцент с экономического базиса на властно-политическую надстройку и уделил основное внимание не только процессу общественной рационализации, но и ценностно-смысловой сфере, определявшей поступки людей в различные эпохи (например, исследовал роль протестантизма в становлении буржуазного общества). Огромная эрудиция, применение философского, социологического и исторического подходов делают работы М. Вебера весьма востребованными и в наши дни. При этом следует иметь в виду, что концепт идеологии в работах М. Вебера специально не рассматривался.

Под очевидным влиянием К. Маркса и М. Вебера находился и К. Манхейм. Его главная работа является одной из наиболее глубоких и содержательных книг, посвящённых изучению идеологии и утопии как двух конкурирующих стратегий присвоения времени [Манхейм, 1994, с. 7-276]. Идеологию К. Манхейм определяет примерно так же, как и К. Маркс. Это ценностно-смысловой дискурс господства правящего класса, навязанный обществу в качестве нормативного объяснения действительности. Утопия – это ценностно-смысловой дискурс депривированных классов, которые осуществляют разработку концепций более гармоничного и справедливого общества. Идеологии и утопии конкурируют друг с другом, разделяя общество на перманентно конфликтующие сегменты. Помимо констатации столь очевидного факта К. Манхейм предпринял попытку создания социологии знания как науки принципиально нового типа, избавленной от любых примесей идеологии или утопии. По его замыслу, эта новая наука должна была также стать полноценной политической социологией, позволяющей осуществлять управление обществом на основе социальных технологий в направлении поиска общественного консенсуса и более эффективного решения социальных проблем.

Д. Лукач и А. Грамши были поклонниками идей К. Маркса и В.И. Ленина, поэтому рассматривали идеологию в контексте изучения классового сознания и культурной гегемонии. Согласно Д. Лукачу, незамутнённое пропагандой классовое сознание позволяет коллективному субъекту политической деятельности оказаться на правильной стороне истории и бороться за более привлекательный образ желаемого общества [Лукач, 2017]. С точки зрения А. Грамши, помимо государства как машины легитимного насилия существует ещё и гражданское общество, связанное сетями зависимостей и представляющее собой весьма надёжную цитадель капитализма [Грамши, 1991]. А. Грамши анализирует опыт мировой революционной волны 1917–1923 гг. и приходит к выводу о том, что именно гражданское общество играет ключевую роль в сохранении буржуазного строя. Там, где гражданского общества фактически не существовало, власть была взята довольно легко. Там же, где гражданское общество сильно укоренилось в структурах и практиках повседневности, антибуржуазные революции потерпели сокрушительное поражение. По мнению А. Грамши, культурная гегемония – это весьма эффективная стратегия господства, в основе которой лежит доминирование правящего класса в идейно-символической (идеологической) сфере.

Немарксистский взгляд представлен онтологией политического, разработанной К. Шмиттом и Х. Арендт. По мнению К. Шмитта, в основу политического положено фундаментальное различие друга и врага как коллективных субъектов, которые ведут непримиримую борьбу в публичном пространстве [Шмитт, 2016, с. 301]. Это же различие может быть основой идеологического противостояния, поскольку идеологии не могут игнорировать базовые противоречия своей эпохи. В свою очередь Х. Арендт исходит из того, что в основе политического лежат свободные слова и поступки свободных людей, осуществляемых в публичном пространстве, «ибо люди лишь потому политические суще-

ства, что наделены способностью речи» [Арендт, 2017, с. 12]. Представляется, что К. Шмитт через различение друга и врага вполне адекватно выразил сущность идеологической борьбы, а концепция Х. Арендт позволяет рассматривать идеологию как феномен публичного политического дискурса.

Заметным явлением интеллектуальной жизни последнего времени стала многотомная работа об источниках социальной власти, выполненная М. Манном, который выделяет экономическую, политическую, военную и идеологическую власть в контексте предпринятого им сравнительного анализа различных типов культурно-цивилизационных систем [Манн, 2018 а, б, в]. По его мнению, эти базовые типы социальной власти характерны как для домодерных, так и для современных обществ. Обращаясь к феномену идеологий, М. Манн игнорирует их исторический генезис. При этом он облегчает работу исследователей, выделяя трансцендентные и имманентные идеологии. Первые связаны с сакрализацией власти и её базовых институтов. Такие идеологии присущи многим домодерным обществам. Они мало чем отличаются от рассмотренных Э. Джентиле политических религий, поскольку также апеллируют к вере [Джентиле, 2021]. Идеологии второго типа связаны с процессами десакрализации и секуляризации. Они характерны для обществ переходного и современного типов. Эти идеологии не только в спекулятивных целях впитывают в себя основные научные и философские достижения, но и апеллируют к знанию, которое используется для легитимации политической деятельности.

Подводя итог нашего аналитического обзора, необходимо отметить, что большинство существующих публикаций, посвящённых идеологии, в сущности, до сих пор представляют собой своеобразный «спор о терминах». Отсюда – множество противоречащих друг другу определений. Если обобщить существующие подходы и точки зрения, то идеологию можно рассматривать как «систему регулятивных или проектных идей об устройстве должной модели общества» [Трунов, с. 98]. Достаточно хорошо изучены сущностные особенности и морфологическое строение разнообразных идеологий [Freedden, 1996]. Гораздо хуже выявлена связь между классическими идеологиями и социальным временем модерна. Мы попытаемся восполнить этот пробел, обратившись к продуктивным идеям К. Гирца, И. Валлерстайна, А.И. Фурсова и Ф. Фюре [Гирц, 2004; Валлерстайн, 2016; Фурсов, 2017; Фюре, 1998].

Классические идеологии и темпоральность модерна

При реализации второй цели данной статьи мы исходим из того, что крупнейшим историческим событием, которое вызвало к жизни появление классических идеологий модерна, стала Великая французская революция 1789-1799 гг. Если следовать Ф. Фюре, то именно она стала учреждающим событием эпохи модерна, на что также обращают внимание И. Валлерстайн и А.И. Фурсов [Фюре, 1998; Валлерстайн, 2016; Фурсов, 2017].

Непосредственной причиной возникновения идеологий стал крах идейно-символических конструкций Старого Порядка, который возник как следствие полной десакрализации правящей династии и кризиса легитимности. Попытки масонов и новой буржуазной элиты заменить вакантный трон Бурбонов тронем очень сомнительной династии Бонапартов принесли лишь временный успех, поскольку не могли разрешить противоречия между сакрализацией институтов и персонификаторов власти и стремительной секуляризацией и десакрализацией практически всех сфер общественной жизни. Безусловно, эти процессы затрагивали далеко не всё и не всех. Опыт восставшей Вандеи, когда наиболее фанатичными и преданными защитниками Старого Порядка стали наиболее угнетённые слои французского общества, наглядно демонстрирует не только разную скорость протекания социальных процессов, но и не совпадающие друг с другом представления о времени, которые существовали в одной и той же стране. И если буржуазия и приклучившее к ней столичное дворянство уже фактически жили в эпохе модерна, то крестья-

янство, провинциальное дворянство и духовенство продолжали жить примерно так же, как жили их предки в эпоху Средневековья.

Тем не менее, проблема времени никуда не исчезла. Сама история на рубеже XVIII–XIX вв. приобрела проектно-конструкторский характер. Особенно актуальными стали философско-политические рефлексии о роли перемен как фактора массовой социальной динамики. Перед интеллектуалами из различных идейно-политических сообществ и лагерей встал ряд вопросов, например: как следует относиться к переменам? Что выступает ресурсом присвоения? Кто является социальным гегемоном? Какие ценности необходимо предъявить обществу, чтобы удержать или завоевать социальное господство? Эти вопросы не были сформированы в каком-то отдельном труде. Однако их использование в контексте нашего исследования позволяет понять логику возникновения классических идеологий (консерватизма, либерализма и марксизма) как трёх базовых стратегий присвоения социального времени модерна. Мы попытаемся осуществить реконструкцию идеальных типов идеологии, абстрагируясь от содержания конкретных философских и политических текстов, но сосредоточив основное внимание на выявлении смыслового ядра консерватизма, либерализма и марксизма в контексте поиска ответов на поставленные вопросы.

Консерватизм был первой идеологической стратегией присвоения социального времени модерна. На вопрос о переменных консерватизм давал отрицательный ответ. Основным объектом присвоения выступало идеализированное прошлое, по отношению к которому настоящее рассматривалось как неправильное или «вывихнутое время». Такой подход полностью соответствовал интересам выжившей старой и сформировавшейся новой аристократии, которая рассматривала себя в качестве социального гегемона. Базовыми ценностями консерваторов были Порядок и Свобода.

Либерализм совершенно справедливо называют главной или центристской идеологией модерна. На вопрос о переменных либерализм давал положительный ответ. Основным объектом присвоения здесь выступало интенсивное настоящее, которое рассматривалось как сфера приложения основных жизненных сил свободного индивида. Политический дискурс либерализма предполагал негативное и позитивное понимание свободы. Первое предполагало свободу индивидов от деспотизма и тирании («свобода от»). Второе было связано с совершением активных рациональных действий, направленных на расширение реальных возможностей индивидов («свобода для»). Социальным гегемоном у либералов являлась торговая и промышленная буржуазия, представители которой занимались не только личным обогащением, но и производством материальных и духовных общественных благ. При этом теоретики либерализма исходили из того, что освобождение общества от деспотизма и тирании должно быть постепенным, что не исключало право народа на восстание. Основными ценностями либералов были Свобода и Прогресс.

Марксизм был третьей классической идеологией модерна. На вопрос о переменных сторонники марксизма, как и либералы, давали положительный ответ. Однако с их точки зрения эти перемены необходимо ускорить, опираясь на передовые достижения науки и познав законы истории. Марксизм можно назвать универсалистской стратегией присвоения будущего. В качестве возможного социального гегемона сторонники марксизма первоначально рассматривали пролетариат, видя в нём единственный класс, интересы которого теоретически совпадают с интересами человечества как такового. Однако практика показала, что пролетариат не способен самостоятельно выработать классового сознания или разработать альтернативный проект желаемого общества. Для этого нужна пролетарская или, как минимум, антибуржуазная интеллигенция. Основными ценностями марксизма были Справедливость и Свобода.

В целом же между классическими идеологиями модерна складывались весьма неоднозначные отношения. Сначала основная линия концептуального разлома проходила между консерватизмом и либерализмом, позднее – между либерализмом и марксизмом. При этом целый ряд моментов способствовал сближению консерватизма и либерализма

(например, совместная борьба против «опасных классов», которая заметно активизировалась в ходе революций 1848–1849 гг. в Европе), а также консерватизма и марксизма (например, приоритет интересов общества над интересами индивида). Да и марксизм, в сущности, очень многое заимствовал именно у либерализма (например, идею революции как реализации права народа на восстание против деспотизма и тирании). Сложное переплетение разнообразных идей и дискурсивных практик со временем приводило к тому, что модерн как культурно-цивилизационный проект приобретал всё более сложный характер. Поэтому с полным основанием можно говорить о концепции множественных модерностей, обусловленной различными стратегиями присвоения социального времени.

Заключение

1. С момента своего появления феномен идеологии стал привлекать внимание многих исследователей, которые разработали концептуальные рамки его научного и философского осмысления.

2. В контексте поставленных исследовательских задач достаточно полно были изучены сущностные особенности и морфологическое строение разнообразных идеологий. Гораздо меньшее внимание было уделено выявлению связи между классическими идеологиями и социальным временем модерна.

3. Классические идеологии как ценностно-смысловые комплексы и дискурсивные практики представляют собой три базовых стратегии присвоения социального времени модерна. Основным объектом присвоения в консерватизме выступало прошлое. Либерализм делал акцент на присвоении интенсивного настоящего. Марксизм делал ставку на присвоение будущего.

4. В целом же наличие тримодальной идеологии (консерватизм, либерализм, марксизм) создавало предпосылки множественных модерностей, реализуемых в рамках общего культурно-цивилизационного проекта.

Список литературы

- Арендт Х. 2017. *Vita Activa, или О деятельной жизни*. Пер. с нем. и англ. 2-е изд. СПб., Ад Маргинем Пресс, 416 с.
- Арнасон Й. 2021. *Цивилизационные паттерны и исторические процессы*. Пер. с англ. М., Новое литературное обозрение, 304 с.
- Валлерстайн И. 2016. *Мир-система Модерна*. Т. IV. Триумф центристского либерализма, 1798–1914. Пер. с англ. М., Русский фонд содействия образованию и науке, 496 с.
- Вебер М. 2019. *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии*: В 4-х т. Пер. с нем. М., Изд. дом Высшей школы экономики. Т. IV. Господство, 542 с.
- Гирц К. 2004. *Интерпретация культур*. Пер. с англ. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 560 с.
- Грамши А. 1991. *Тюремные тетради*. В 3-х ч. Пер. с ит. М., Политиздат. Ч. 1, 560 с.
- Дестют де Траси А.-Л.-К. 2013. *Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова*. Пер. с фр. М., Академический Проект, 334 с.
- Джентиле Э. 2021. *Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом*. Пер. с ит. СПб., Владимир Даль, 400 с.
- Лукач Д. 2017. *История и классовое сознание. Хвостизм и диалектика. Тезисы Блюма (фрагменты)*. Пер. с нем. М., Русский фонд содействия образованию и науке, 608 с.
- Манн М. 2018 а. *Источники социальной власти: в 4 т. Пер. с англ. М., Изд. дом «Дело» РАНХиГС. Т. 1: История власти от истоков до 1760 г. н.э., 760 с.*
- Манн М. 2018 б. *Источники социальной власти: в 4 т. Пер. с англ. М., Изд. дом «Дело» РАНХиГС. Т. 2: Становление классов и наций-государств, 1761-1914 (книга первая), 512 с.*

- Манн М. 2018 в. Источники социальной власти: в 4 т. Пер. с англ. М., Изд. дом «Дело» РАНХиГС. Т. 3: Становление классов и наций-государств, 1761–1914 (книга вторая), 520 с.
- Манхейм К. 1994. Диагноз нашего времени. Пер. с нем. и англ. М., Юрист, 700 с.
- Трунов А.А. 2019. Конструируя смыслы: Идеология в обществах модерна и постмодерна. Белгород, Издательство БУКЭП, 320 с.
- Фурсов А.И. 2017. Борьба вопросов. Идеология и психоистория: русское и мировое измерение. М., Книжный мир, 768 с.
- Фюре Ф. 1998. Постижение Французской Революции. Пер. с фр. СПб., ИНАПРЕСС, 224 с.
- Хабермас Ю. 2008. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. Пер. с нем. 2-е изд., испр. М., Весь Мир, 416 с.
- Шмитт К. 2016. Понятие политического. Пер. с нем. СПб., Наука, 568 с.
- Eisenstadt S.N. 2000. Multiple Modernities. *Daedalus*, 129(1): 1–29.
- Freeden M. 1996. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford: Clarendon Press, 603 p.

References

- Arendt H. 2017. Vita Activa, or About active life. Trans. from the German and English. 2nd ed. St. Petersburg, Ad Marginem Press, 416 p. (in Russian)
- Arnason J. 2021. Civilization patterns and historical processes. Trans. from the English. Moscow, Publ. New Literary Review, 304 p. (in Russian)
- Wallerstein I. 2016. Modern world-system. T. IV. The Triumph of Centrist Liberalism, 1798–1914. Trans. from the English. Moscow, Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 496 p. (in Russian)
- Weber M. 2019. Economy and society: essays on understanding sociology: In 4 vols. Trans. from the German. Moscow, Publ. Higher School of Economics. T. IV. Domination, 542 p. (in Russian)
- Girtz K. 2004. Interpretation of cultures. Trans. from the English. Moscow, Publ. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 560 p. (in Russian)
- Gramsci A. 1991. Prison notebooks. At 3 o'clock. Trans. from the It. Moscow, Publ. Politizdat. Part 1, 560 p. (in Russian)
- Destut de Tracy A.-L.-K. 2013. Fundamentals of ideology. Ideology in the proper sense of the word. Translated from the Frenc. Moscow, Publ. Academic Project, 334 p. (in Russian)
- Gentile E. 2021. Political Religions. Between democracy and totalitarianism. Translated from the It. St. Petersburg, Vladimir Dal, 400 p. (in Russian)
- Lukacs D. 2017. History and class consciousness. Tailism and dialectics. Blum's theses (fragments). Trans. from the German. Moscow, Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 608 p. (in Russian)
- Mann M. 2018 a. Sources of social power: in 4 volumes. Trans. from the English. Moscow, Publ. "Delo" RANEPА. Vol. 1: The history of power from its origins to 1760 AD, 760 p. (in Russian)
- Mann M. 2018 b. Sources of social power: in 4 volumes. Trans. from the English. Moscow, Publ. "Delo" RANEPА. Vol. 2: The Formation of Classes and Nation-States, 1761–1914 (book one), 512 p. (in Russian)
- Mann M. 2018 c. Sources of social power: in 4 volumes. Trans. from the English. Moscow, Publ. "Delo" RANEPА. Vol. 3: The Formation of Classes and Nation-States, 1761–1914 (Book Two), 520 p. (in Russian)
- Manheim K. 1994. Diagnosis of our time. Trans. from the German and English. Moscow, Publ. Lawyer: 700 p. (in Russian)
- Trunov A.A. 2019. Constructing Meanings: Ideology in Modern and Postmodern Societies. Belgorod, BUKEP Publishing House, 320 p. (in Russian)
- Fursov A.I. 2017. Fighting questions. Ideology and psychohistory: Russian and world dimension. Moscow, Publ. Knizhny Mir, 768 p. (in Russian)
- Furet F. 1998. Comprehension of the French Revolution. Translated from the Frenc. St. Petersburg, INAPRESS, 224 p. (in Russian)

- Habermas J. 2008. Philosophical discourse on modernity. twelve lectures. Trans. from the German. 2nd ed., rev. Moscow, Publ. Ves Mir, 416 p. (in Russian)
- Schmitt K. 2016. The concept of the political. Trans. from the German. St. Petersburg, Nauka, 568 p. (in Russian)
- Eisenstadt S.N. 2000. Multiple Modernities. *Daedalus*, 129(1): 1–29.
- Freeden M. 1996. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford: Clarendon Press, 603 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Олещенко Екатерина Олеговна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Белгородский юридического института МВД РФ имени И.Д. Путилина, Белгород, Россия

Ekaterina O. Oleshchenko, PhD in Philosophy, Senior Lecturer of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, I.D. Putilin Belgorod Institute of Law of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Belgorod, Russia

Трунов Анатолий Анатольевич, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Белгородский университет кооперации, экономики и права, Белгород, Россия

Anatoly A. Trunov, PhD, Associate Professor, Department of Humanities and Social Disciplines, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Belgorod, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

УДК 340.114.3

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-1-61-72

Право и коррупция в России

Антонченко В.В.

Дальневосточная пожарно-спасательная академия –
филиал Санкт-Петербургского университета
Государственной противопожарной службы МЧС России,
Россия, 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 27
E-mail: antovadim@yandex.ru ORCID: 0000-0002-0319-562X

Аннотация. Поводом для исследования послужил продолжающий оставаться высоким уровень коррупции в России, несоответствующий тем значительным усилиям государства, которые оно направляет на борьбу с этим явлением. Автор рассматривает данную проблему, оценивая состояние законодательства, правоприменительной практики, анализируя результаты современных исследований в области противодействия коррупции. Сделан вывод о том, что антикоррупционная деятельность может быть эффективной лишь в правовом государстве, неукоснительно соблюдающем им же установленные правовые требования. В результате политико-правового анализа феномена коррупции можно заключить, что в современной России сложилось подчиненное положение права по отношению к политике; данный фактор негативно влияет и на правотворчество, и на правоприменение. Научная новизна работы заключается в выделении проблем современного российского общества, отличающегося низким правосознанием и правовой культурой. Слабость институтов гражданского общества также значительно нивелирует эффект от антикоррупционных мер.

Ключевые слова: право, государство, политика, законодательство, государственная власть, правоприменение, правосознание, прагматизм, коррупция, противодействие коррупции, правовая культура

Для цитирования: Антонченко В.В. 2022. Право и коррупция в России. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 47(1): 61–72. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-61-72

Law and Corruption in Russia

Vadim V. Antonchenko

Far Eastern Fire and Rescue Academy –
Branch of the St. Petersburg University of the State Fire Service
of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
27 Ajax village, Russian Island, Vladivostok 690922, Russian Federation
E-mail: antovadim@yandex.ru ORCID: 0000-0002-0319-562X

Abstract. The reason for the study was the continuing high level of corruption in Russia, which is inconsistent with the significant efforts of the state that it directs to combat this phenomenon. The author examines this problem, assessing the state of legislation, law enforcement practice and the results of modern research in the field of anti-corruption, and concludes that anti-corruption activities can be effective only in a state governed by the rule of law, which strictly complies with the established legal requirements. As

a result of the political and legal analysis of the phenomenon of corruption, it can be concluded that in modern Russia there is a subordinate position of law in relation to politics; this factor negatively affects both law-making and law enforcement. The scientific novelty of the work lies in the author's highlighting the problems of modern Russian society, characterized by low legal awareness and legal culture. The weakness of civil society institutions also significantly levels the effect of anti-corruption measures.

Keywords: law, state, politics, legislation, state power, law enforcement, legal awareness, pragmatism, corruption, anti-corruption, legal culture

For citation: Antonchenko V.V. 2022. Law and Corruption in Russia. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(1): 61–72 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-61-72

Введение

Коррупция как социальное явление, заключающееся в разложении власти, несет в себе серьезную угрозу безопасности граждан, стабильности общества и прогрессу государства. Наиболее лаконичное определение коррупции «злоупотребление публичной властью ради частной выгоды» [Wever, 1994] раскрывает ее суть: подрывая авторитет государственных и муниципальных органов, снижая эффективность их деятельности, она посягает на основы государственной власти, разрушает понятия о справедливости, демократические ценности и институты [Бабурин и др., 2004].

В условиях глобализации коррупция приобретает международный характер и межгосударственную форму, превращаясь в транснациональное явление, которое влияет на общества и экономики всех стран. Международное сообщество, осознавая глобальный характер коррупционной угрозы, создало элементы международной системы противодействия этому явлению. В 2003 году была принята Конвенция ООН против коррупции, обязывающая подписавшие его государства объявить уголовным преступлением взятки, хищение бюджетных средств и отмывание коррупционных доходов¹. Россия одной из первых стран подписала данную Конвенцию, однако выборочный, фрагментированный характер имплементированных в национальное законодательство положений Конвенции ослабил их эффективность.

В нашей стране научные работы, посвященные проблеме коррупции и борьбы с ней, появились в конце XIX в. (А. Градовский, В. Ключевский, Б. Чичерин и др.). Существующие сегодня научные изыскания в этой сфере исследуют исторические, правовые, организационные, психологические и иные аспекты данного феномена социальной действительности; наиболее многочисленными из них являются исследования коррупции с экономической точки зрения, обусловленные сложившимися в 90-е годы прошлого века новыми условиями хозяйствования: зависимости уровня коррупции от экономических преобразований в России; отношений чиновников и предпринимателей, теневой экономики и методов борьбы с экономической преступностью [Селезнев, 2010].

Поводом для настоящего исследования стала, таким образом, необходимость актуализации знания о праве, не только воплощающем в себе понятия «порядок», «отношения», «власть», но и реализующем принципы регулирования правоотношений на основе свободы, равенства и справедливости.

Автор ставит перед собой задачу обнаружения разрыва между положением права, минимизирующим коррупционные риски за счет обеспечения гармоничного и устойчивого развития общества, и существующей правовой реальностью. Целью настоящей работы является установление факторов, которые не позволяют государству в должной мере реа-

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г.) / Ратифицирована [Федеральным законом](#) от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ // СЗ РФ. 2006 г. № 26. Ст. 2780.

лизовать свой огромный антикоррупционный потенциал и решить задачу по снижению уровня коррупции, обеспечению прав и законных интересов граждан, их защиты от связанных с нею угроз.

Организационно-правовое обеспечение антикоррупционной деятельности в России

Российское законодательство, ориентируясь на международный опыт, прошло в сфере противодействия коррупции достаточно долгий путь развития. Сегодня массив нормативно-правовых актов в сфере противодействия коррупции в России является весьма внушительным. Законодательство в данной области представлено десятком федеральных законов, множеством указов Президента РФ и других подзаконных актов. Нормативная база в этой сфере создана также во всех субъектах Российской Федерации и в муниципальных образованиях.

Закон о противодействии коррупции обсуждался с 1993 года, однако только в 2008 году был принят¹. В связи с этим активно началось формирование всей законодательной базы, направленной на совершенствование государственного управления в этой сфере. В том же 2008 году Указами Президента России образован Совет при Президенте РФ по противодействию коррупции² и утвержден Национальный план противодействия коррупции, который определил стратегические направления деятельности органов государственной власти в данной сфере³. План утверждался указами Президента РФ впоследствии неоднократно: в 2012, 2014, 2016, 2018 гг.⁴.

Ныне действует Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 годы⁵, содержащий основные направлений антикоррупционной деятельности: совершенствование системы запретов, ограничений и обязанностей, которые установлены в разных сферах деятельности, работу с конфликтами интересов и их предотвращение, подтверждение достоверности сведений о доходах и расходах, правовое регулирование ответственности за несоблюдение антикоррупционных стандартов, применение мер административного и уголовного воздействия, защиту информации ограниченного доступа, которая была получена в ходе борьбы с коррупцией и другие. Анализируя данный план, можно сделать вывод, что в своей существенной части он мало чем отличается от предшествовавших ему подобных документов [Григорьев, 2021].

Противодействие коррупции в государственно-управленческой деятельности в России обеспечено и организационно: специализированные антикоррупционные подразделения имеются и в так называемых силовых органах, и в иных федеральных органах исполнительной власти, в органах государственной власти субъектов РФ, органах местного самоуправления. Кроме штатных департаментов, управлений и отделов, широкое распространение на всех уровнях власти получили разного рода «антикоррупционные комис-

¹ О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6228.

² О мерах по противодействию коррупции: Указ Президента РФ от 19 мая 2008 г. № 815 // СЗ РФ. 2008. № 21. Ст. 2429.

³ Национальный план противодействия коррупции: Указ Президента РФ от 31 июля 2008 г. № Пр-1568 // Российская газета. 5 августа 2008 г. № 164.

⁴ О Национальном плане противодействия коррупции на 2012–2013 годы и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции: Указ Президента РФ от 13 марта 2012 г. № 297 // СЗ РФ. 2012. № 12. Ст. 1391; О Национальном плане противодействия коррупции на 2014 - 2015 годы: Указ Президента РФ от 11 апреля 2014 г. № 226 // СЗ РФ. 2014. № 15. Ст. 1729; О Национальном плане противодействия коррупции на 2016 - 2017 годы: Указ Президента РФ от 1 апреля 2016 г. № 147 // СЗ РФ. 2016. № 14. Ст. 1985; О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы: Указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378 // СЗ РФ. 2018. № 27. Ст. 4038.

⁵ О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы: Указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 // СЗ РФ. 2021. № 34. Ст. 6170.

сии», «комиссии по урегулированию конфликта интересов» и т.п. Более того, в настоящее время на экспертном уровне ведется дискуссия о возможности создания отдельного органа, наделенного исключительной компетенцией по борьбе с коррупцией.

В России имеется достаточное количество научных исследований, посвященных самым разным аспектам противодействия коррупции: криминологическим, уголовно-правовым, организационным, социальным, психологическим и т.д. Коррупция и проблемы борьбы с ней получили всестороннюю проработку на теоретическом и научно-практическом уровне в исследованиях Ю.А. Болдырева, С.В. Бондаренко, О.А. Борисова, Б.В. Волженкина, Ю.В. Голика, А.И. Гурова, П.А. Кабанова, В.И. Карасева, А.И. Кирпичникова, И.М. Клямкина, В.В. Колесникова, К.В. Киселева, В.В. Лунеева, К.Л. Майданика, С.В. Максимова, В.А. Номоконова, Л.М. Тимофеева, Э.Н. Черного и многих других признанных экспертов в данной области: преподавателей и научных сотрудников университетов, представителей международных исследовательских центров [Селезнев, 2010].

В России сформирована антикоррупционная образовательная среда, включающая в себя антикоррупционное образование, антикоррупционное просвещение, антикоррупционную пропаганду и антикоррупционное информирование обучающихся в образовательных организациях [Агишев, Бикмурзина и др., 2020]. Обладающие авторитетом в экспертном сообществе ученые способны добиться эффективных антикоррупционных инициатив, а преподаватели, занимающиеся исследовательской деятельностью, могут транслировать антикоррупционные ценности студентам, будущей интеллектуальной элите страны. Сотни российских учебных заведений реализуют дополнительные образовательные антикоррупционные программы: о формах коррупции, особенностях ее проявления и механизмах противодействия, об ответственности за коррупционные правонарушения. Чиновники и правоохранители самого разного уровня в обязательном порядке изучают антикоррупционное законодательство и практику его применения, формируют (должны формировать) антикоррупционное мышление и антикоррупционное поведение.

Проблематика коррупции получила достаточное освещение и на диссертационном уровне в рамках философии, социологии, политологии, экономики, права и других наук, исследующих самые разные подходы к пониманию сути этого явления: политический, экономический, социологический, психологический, культурологический, междисциплинарный и пр. [Алакшина, 2009; Ахметова, 2006; Дзодзиева, 2006; Суворин, 2008].

Основываясь на базовых теоретических подходах к антикоррупционному планированию, ученые предлагают меры по его совершенствованию [Бикеев, Кабанов, 2021]. Систематически проводятся исследования правового регулирования стимулирования реализации государственной политики противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации [Кабанов, 2021].

Современное состояние коррупции в России

Несмотря на проводимую государством работу по противодействию коррупции, ее эффективность и итоги нельзя назвать удовлетворительными. Международное антикоррупционное движение Transparency International опубликовало исследование «Индекс восприятия коррупции» (Corruption Perceptions Index, CPI) за 2021 год. В этот раз Россия набрала 29 баллов из 100 и заняла 136 место из 180. Столько же набрали Ангола, Либерия и Мали ¹. Индекс восприятия коррупции (ИВК) – составной индекс, измеряющий уровень восприятия коррупции в государственном секторе различных стран. Он выходит ежегодно

¹ Сайт Transparency International. URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korruptcii-2021-29-ballov-i-136-e-mesto> (дата обращения 14.02.2022).

с 1995 года и является самой широко используемой оценкой коррупции в публичном секторе (176 стран и территорий).

Только за 9 месяцев (январь – сентябрь) 2021 г. в России выявлено 29,6 тысячи преступлений коррупционной направленности. Рост по сравнению с аналогичным периодом прошлого года составил 12,7 %. Обвинительные приговоры вынесены по 7 328 уголовным делам данной категории в отношении 8 088 лиц, в том числе 467 должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления (исполнительная власть – 171, исполнительная власть в субъектах – 61, главы муниципалитетов и местных администраций – 130). Кроме того, депутаты субъектов федерации – 7, депутаты органов местного самоуправления – 43, должностные лица правоохранительных органов – 898 (в том числе органов внутренних дел – 672, приставы – 47, таможня – 30, следствие и дознание – 62 (СК – 19, МВД – 38), прокуроров – 16, судей – 9) ¹.

За последние десять лет возросло количество резонансных уголовных дел в отношении действующих глав регионов и руководителей их представительных органов, высокопоставленных федеральных чиновников и депутатов (А. Хорошавин, В. Гайзер, Н. Белых, А. Сердюков, А. Улюкаев и др.) ².

По данным автора ³, обобщившим сведения органов прокуратуры, следственных и судебных органов, а также материалы СМИ, за 20 лет (2001–2020 гг.) к уголовной ответственности привлечено не менее 236 политиков и высокопоставленных чиновников, среди которых: федеральные чиновники уровня руководителей департаментов министерств, глав федеральных служб и агентств, руководители регионов и их заместители, депутаты Госдумы и члены Совета Федерации, руководители территориальных подразделений федеральных органов власти, влиятельные региональные политики: депутаты региональных парламентов, лидеры отделений политических партий, председатели избирательных комиссий, главы крупных муниципалитетов.

Эксперты оценивают коррупцию как самый доходный системный бизнес в стране ⁴. Зарубежные ученые отмечают особую ситуацию в сфере российского бизнеса, традиционно требующую учета коррупционных реалий. Авторы отмечают продолжающуюся стагнацию управленческой культуры в России и стабильный рост коррупционных отношений [Puffer, McCarthy, 2011]. Данная ситуация свидетельствует о том, что существующую систему профилактики коррупции в России, имеющую в своей основе принятие множества правовых актов и создание эшелонированной системы органов и должностных лиц, вряд ли можно назвать эффективной.

Какие факторы не позволяют нашей стране занять достойное место в рейтинге Индекса восприятия коррупции Transparency International? Чем же отличается российская ан-

¹ Интервью Генерального прокурора Российской Федерации И. Краснова РИА «Новости» // Сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=67360817> (дата обращения: 14.02.2022).

² Кабанов К.В. Сайт Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. URL: <http://president-sovet.ru/actuals/zakonotvorchestvo> (дата обращения: 14.02.2022); Сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/korruptsiya-prestuplenie-i-nakazanie> (дата обращения: 10.02.2022).

³ Сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/interviews-and-presentations?item=67384449> (дата обращения: 14.02.2022); Сайт Верховного Суда РФ. URL: https://www.vsr.ru/about/anti_corruption/documents/reviews_judicial_practice (дата обращения: 14.02.2022); Сайт РБК. URL: <https://www.rbc.ru/photoreport/17/05/2021/5afd8e7f9a794772862de199> (дата обращения: 14.02.2022); Сайт РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/20210310/vzvyatchnichestvo-1600618733.html> (дата обращения: 16.02.2022); Сайт ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/6268494> (дата обращения: 14.02.2022).

⁴ Эксперты ВШЭ оценили объем коррупционных выплат при госзакупках в Р6,6 трлн // Сайт РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/20/12/2021/61bc5d059a794770833e7b51> (дата обращения: 12.02.2022); Сайт Transparency International. URL: <https://transparency.org.ru/research/v-rossii/vzglyad-ekspertov-nko-na-problemu-korruptsii> (дата обращения: 14.02.2022).

тикоррупционная деятельность от борьбы с коррупцией в Новой Зеландии, Дании, Финляндии, Швейцарии и Сингапуре, занимающих в данном рейтинге ведущие позиции ¹?

По мнению автора, основанному на опыте многолетней практической работы в сфере противодействия коррупции, в том числе связанной с изучением нормативно-правовых актов в данной области, российское законодательство сегодня обладает достаточным количеством органов и источников правового регулирования для успешной профилактики коррупции и борьбы с этим видом преступности. Более того, есть все основания пролагать, что в данной сфере имеется излишняя нормотворческая активность и необоснованное расширение ее предмета, являющиеся показателем нарушения достаточности правового регулирования [Власенко, 2011]. Например, коррупционным нарушением признается неуказание в Справке о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера ², представляемой в определенных случаях (но не реже одного раза в год) по месту работы (службы) лицами, претендующими на замещение должностей и замещающими должности, осуществление полномочий по которым влечет за собой обязанность представлять сведения о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, сведений об оплате в течение года больничных листов, ошибки в указании средств на банковских счетах, выражающихся в крайне незначительных (несколько рублей) суммах, ошибки в указании площади принадлежащей гражданам недвижимости (менее одного метра) и т.п. Очевидно, что подобные нарушения не имеют к коррупции никакого отношения, однако требуют наличия дополнительных органов, должностных лиц, времени и организационных усилий для проведения по каждому из них разбирательства и принятия соответствующего решения. Подобное излишнее правовое регулирование или создание дополнительных органов для борьбы с коррупцией способно лишь более ее обюрократить, а значит, негативно повлиять на реально необходимые антикоррупционные процессы и усилия.

Факторы, снижающие эффективность антикоррупционной борьбы в России

Истинной причиной неудач в борьбе с коррупцией является то обстоятельство, что современное отечественное право повторяет неудачный опыт советского прошлого, при котором его роль не была главенствующей, а сводилась к обеспечению политических интересов и целей. Порочный круг из коррупциогенных правовых норм и превратной правоприменительной практики очень сильно отягощается правовым нигилизмом, низким уровнем правового сознания и правовой культуры, характерных сегодня как для рядовых граждан, так и для высокопоставленных чиновников. Поскольку эти факторы находятся в своеобразной «диалектической» связи, взаимообусловлены и оказывают друг на друга взаимное влияние, постольку для разрыва этого круга требуются чрезвычайные усилия всех субъектов антикоррупционной борьбы и большая политическая воля.

Иллюстрацией коррупциогенной правовой нормы является, например, п. 13 Правил предоставления единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам, проходящим службу в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, органах принудительного исполнения РФ, федеральной противопожарной службы, Государственной противопожарной службы и таможенных органах РФ, в соответствии с которым по решению руководителя федерального органа исполнительной власти допускается предоставление единовременной социальной выплаты

¹ Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих: Указ Президента РФ от 12 августа 2002 г. № 885 // СЗ РФ. 2002. № 33. Ст. 3196.

² Об утверждении формы справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации: Указ Президента РФ от 23 июня 2014 № 460 (ред. от 10.12.2020 г.) // СЗ РФ. 2014. № 26 (часть II). Ст. 3520.

сотрудникам, замещающим в центральных аппаратах федеральных органов исполнительной власти должности высшего начальствующего состава, без учета условий, указанных в Федеральном законе «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹. В соответствии с указанными правовыми актами субсидия для покупки жилья в г. Москве может быть предоставлена, причем неоднократно, лицу, ранее уже получавшему от государства жилое помещение либо такую субсидию, и не нуждающемуся в жилье. Действующее законодательство содержит множество подобных, явно коррупционных, правовых норм, перед которыми антикоррупционные экспертизы оказались бессильны.

Например, нормативно установленная заработная плата госчиновников определенного уровня, топ-менеджеров госпредприятий и учреждений, по доступным автору данным², в сотни раз превышает зарплаты квалифицированных специалистов в соответствующих отраслях. Так, при среднегодовой заработной плате в банках Российской Федерации, составляющей 450 тыс. рублей, доход члена правления Банка ВТБ (публичное акционерное общество, участие государства – 60,9 %) составлял 223 млн руб. в 2019 г. и 193 млн руб. в 2020 г.; управленцы Сбербанка (публичное акционерное общество, участие государства – 52,32 %) зарабатывали по 630 млн руб. в 2019 г. и 600 млн руб. в 2020 г.³ Участие же богатейших российских госслужащих и депутатов – миллиардеров в списке Forbes уже давно никого не удивляет⁴.

Подобные доходы наемных работников госаппарата (абсолютно законные с точки зрения действующего законодательства) в стране с бедным населением [Соболь, 2020] являются типичным проявлением коррупции, невозможным в странах, занимающих высокие позиции в рейтинге Transparency International.

С позиций правового позитивизма, рассматривающего право как совокупность общеобязательных предписаний, установленных либо санкционированных государственной властью в виде формально-определенного официального документа⁵, существование подобных норм нельзя отнести к коррупции. Социальную вредность такого подхода (как и последствий имущественного неравенства в целом) в современной России трудно переоценить [Лошкарева-Игрунт, 2014]; на практике он, по мнению автора, неизбежно оборачивается изданием аморальных законов и безнравственностью правоприменителей.

Представляется, что правоприменительная (в том числе судебная) практика реагирует политическую конъюнктуру даже более чутко, чем законодательство. Уклонение властей от содержательного освещения антикоррупционной политики (в том числе по поводу уголовного преследования высокопоставленных чиновников), немотивированно мягкие (дело Е. Васильевой, 2014 г.) или, наоборот, избыточно жесткие (дело И. Пушкарева,

¹ О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7608.

² Автор использует данные заслуживающих доверия неофициальных источников (СМИ), поскольку официальные данные отсутствуют, также, как и отсутствует обязанность публиковать сведения о своих доходах у руководства госкомпаний (прим. авт.)

³ Сайт РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/25/11/2019/5ddb87ee9a794799132b5c20> (дата обращения: 10.02.2022); Сайт Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/finansy-i-investicii/402435-dohody-top-menedzherov-goskompaniy> (дата обращения: 12.02.2022); URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10948740> <https://hrmonitor.ru/pro/zarabotok-bankirov.html> (дата обращения: 12.02.2022).

⁴ Сайт Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/rating/409107-100-gossluzhashchih-s-samymi-vysokimi-dohodami-2020-reyting-forbes> (дата обращения: 12.02.2022).

⁵ Чистое учение о праве Ганса Кельзена. 1988: Сборник переводов. Вып. 2. Отв. ред.: Кудрявцев В.Н., Разумович Н.Н.; Пер.: Лезов С.В. М., ИНИОН РАН: 213 с.

2019 г.) приговоры по коррупционным делам¹, изначально рассматриваются обществом как сведение счетов, результат аппаратной и политической игры². «Разделение следствия и судопроизводства на два уровня – "элитное" и "для всего остального народа" – бьет по авторитету судебной-правоохранительной системы и подрывает у граждан страны веру в справедливость», – так досрочное освобождение Е. Васильевой прокомментировал Уполномоченный по правам человека в России Э.А. Памфилова³.

Двойные стандарты в политике и праве снижают вероятность успешного антикоррупционного процесса и объясняют низкий уровень доверия общества, не отрицающего самих фактов коррупции, к обоснованности политически мотивированных преследований высокопоставленных политиков и чиновников [Ахматов, 2008; Марьянов, 2019].

Исследования Transparency International, иные статистические данные, описывающие коррупционную преступность⁴, свидетельствуют о том, что авторитарные государства по своей природе гораздо более коррумпированы, чем демократические. Ярким примером тому служат, например, рейтинги Индекса восприятия коррупции Южной Кореи (33) и Северной Кореи (170)⁵, показывающие, что уровень коррупции сильно коррелирует с тем, насколько демократическая традиция и практика укоренилась в стране [Астанин, 2003; Коновалов, 2014].

К институциональным факторам, способствующим коррупции, в стране с неразвитой демократией нужно отнести, прежде всего, появление олигархата, лоббирующего интересы крупного бизнеса в политике, и соответствующий уровень децильного коэффициента, характеризующего степень социального расслоения. Эти факторы не только формируют расхождение между интересами власти имущих и большинства граждан, но и создают определенную систему ценностей, лежащую в основе принятия коррупции как абсолютно нормального явления, где нет места антикоррупционной культуре. В передовых демократических странах давно существует понимание того, что коррупция является движущей силой демократического упадка [Watt et al., 2000; Uslaner, 2010].

Соответствующий такой ценностной системе психологический феномен, отражающий социальные условия развития российского общества, в совокупности с ограниченным доступом к общественным благам малоимущих граждан, составляющих значительную его долю, неизбежно порождает различные формы низовой коррупции. По мнению Н. Коссова (Niklas Kossov), основанному на данных из стран Восточной Европы и Центральной Азии за 8 лет, где ранее определенные общественные изменения привели к значительному укреплению институтов гражданского общества, там, где власти поддерживали или просто не вмешивались в деятельность общественных организаций, ситуация с коррупцией оказалась значительно лучше⁶.

Автор солидарен с мнением большинства ученых о том, что низкая правовая культура граждан, их пассивность, обусловленная недоверием к государству, нарушающему из соображений политической целесообразности основные права и свободы личности, явля-

¹ Фигурантку дела «Оборонсервиса» освободили по УДО // Сайт РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20160620/1449248613.html> (дата обращения: 10.02.2022); Вынесен приговор бывшему мэру Владивостока Игорю Пушкареву и его соучастникам / Сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1332507/?print=1> (дата обращения: 11.02.2022).

² Сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/aleksej-ulyukaev-bez-viny-vinovatyj> (дата обращения: 11.02.2022). Самый большой срок из подобных дел / Сайт BFM.RU <https://www.bfm.ru/news/411563> (дата обращения: 12.02.2022).

³ Сайт ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/2732425> (дата обращения: 10.02.2022).

⁴ Сайт URL: <https://rusind.ru/statistika-korrupcii-v-mire-i-rossii.html> (дата обращения: 11.02.2022).

⁵ Сайт Transparency International. URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korrupcii> (дата обращения: 12.02.2022); Сайт Русинд Финанс. URL: <https://rusind.ru/statistika-korrupcii-v-mire-i-rossii.html> (дата обращения: 14.02.2022).

⁶ Kossov N. The Role of Civil Society in Anti-Corruption: the Story of Ukraine / Сайт Transparency International. URL: <https://corruptionresearchnetwork.org/> (дата обращения: 14.02.2022).

ется основным препятствием для успешной борьбы с коррупцией. Следует также согласиться и с тем, что добиться существенных успехов в борьбе с коррупционными правонарушениями без участия в этом гражданского общества представляется маловероятным. [Номоконов, 2021].

Антикоррупционная пропаганда, повышение заработной платы госслужащим, введение различных, так популярных сегодня, «кодексов поведения», ужесточение уголовно-правовой репрессии, а также иные подобные меры могут оказать определенное положительное воздействие в сфере профилактики коррупции. Однако в условиях коррупционного разложения властной «вертикали», выраженного в использовании лицами, уполномоченными на выполнение государственных функций, своего положения в личных или групповых корыстных целях (в том числе при формальном отсутствии в их действиях нарушения закона), они не в состоянии быть эффективными.

Без сомнения, коррупция имеет глубокие социальные, исторические и психологические корни, в сознании многих людей она стала обыденным явлением. Вместе с тем «экспертам», считающим, что борьба с данным явлением бесполезна, что коррупция «всегда была и всегда будет», что борьба с коррупцией – лишь орудие борьбы преступных кланов, каждый из которых стремится обвинить в коррупции конкурента, следует ознакомиться с историей Сингапура, превратившегося за несколько десятилетий из коррумпированной страны «третьего мира» в государство с передовой экономикой и очень высоким антикоррупционным рангом. «Мифологизации» проблем в данной области можно противопоставить опыт бывшего премьер-министра этой страны Ли Куан Ю, заявившего, что «честное, эффективное правительство с незапятнанной репутацией было и остается самым ценным достижением правящей партии и главным достоинством Сингапура»¹.

Невозможно не согласиться с оценкой проф. В.В. Лунеева, данной им состоянию борьбы с коррупцией в России еще пятнадцать лет назад: «У нас многое есть для более эффективной борьбы с коррупцией, но у нас нет главного – политической воли. А без нее все наши интеллектуальные потуги бесполезны. Коррупция стала нашей конституцией, а безответственность за нее – повседневной практикой» [Лунеев, 2007]. Сегодня эта точка зрения продолжает сохранять свою актуальность.

Заключение

Проблема борьбы с коррупцией в российских условиях – это проблема роли права в системе общественных отношений, вопрос его связи с государственной политикой. Успех антикоррупционной деятельности государства связан, прежде всего, с предоставлением праву его истинной роли не только как регулятора общественных отношений, но и как важнейшего фактора демократического развития правового государства, в котором система противодействия коррупции является лишь одним из элементов, обеспечивающих права и свободы граждан.

Государство, называющее себя правовым, обязано само ограничивать себя правом, оно должно не только устанавливать правовые требования, соответствующие нормам морали и нравственности, но и гарантировать их верховенство, в том числе (и прежде всего) для государственных органов и должностных лиц. Подчиненность права политической конъюнктуре имеет своим следствием резкую имущественную дифференциацию общества, деградацию общественной жизни и падение нравов, что, в свою очередь, разрушает эффект от проводимых государством мероприятий по противодействию коррупции. Эти последствия нельзя устранить пропагандой, деятельностью правоохранительных органов и ужесточением антикоррупционного законодательства.

¹ Хонг Тат Сун М. Секреты успеха Сингапура: 12 ст. г-на Марка Хонга Тат Сун, Посла Респ. Сингапур в России и на Украине. Т. 1. М.: 2000. 173 с.

Коррупция лишает государственную власть возможности гарантировать права своих граждан. Прежде всего это отражается на обеспечении безопасности и отправлении правосудия. Защищенность гражданских прав в борьбе с коррупцией имеет решающее значение: страны, где права человека реально защищаются, имеют более высокий Индекс восприятия коррупции.

Особую роль в антикоррупционной политике демократических государств играют институты гражданского общества: искоренить коррупцию как негативный элемент системы общественных отношений государство способно только в совместной деятельности с его структурами и институтами. В демократических государствах гражданское общество берет на себя часть государственных функций по упорядочиванию общественных отношений, разрешению противоречивых интересов, поддержанию правопорядка и служит таким образом серьезным государственным ресурсом в антикоррупционной борьбе. Кроме того, обеспечивая демократические свободы, гражданское общество является одновременно и опорой действующей власти, поскольку властные установления, поддерживаемые гражданским обществом, получают в социуме дополнительную легитимацию.

Список литературы

- Алакшина И.С. 2009. Гражданско-правовые аспекты противодействия коррупции. *Безопасность бизнеса*, 2: 31–32.
- Антикоррупционная образовательная среда: теория и практика. Ред. Мартыненко А.В., Потапова Л.А. 2020.
- Астанин В.В. 2003. Борьба с коррупцией в России XVI–XX веков: диалектика системного подхода. М., Российская криминологическая ассоциация, 92 с.
- Ахматов А.В. 2008. К вопросу о двойных стандартах в политике и праве. *Вестник МГУ*, 4: 85–91.
- Ахметова Н.А. 2008. Социальный механизм воспроизводства коррупции в условиях современного российского общества. Волгоград, ВолГУ, 169 с.
- Бабурин С.Н., Голик Ю.В., Карасев В.И. 2004. Коррупция – наиболее опасный вектор деградации общества: материалы к размышлению. М., Изд-во РГТЭУ, 250 с.
- Бикеев И.И., Кабанов П.А. 2021. Антикоррупционное планирование: теоретические основы и правовое регулирование в субъектах Российской Федерации. Казань, Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 328 с.
- Власенко Н.А. 2018. Проблема достаточности и агрессивности правового регулирования. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*, 1(41): 41–47. DOI 10.24411/2078-5356-2018-00005
- Григорьев И.В. 2021. Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 годы: антикоррупционные элементы правового положения (статуса) государственных гражданских служащих. *Право и политика*, 9(205): 166–175. DOI: 10.7256/2454-0706.2021.9.36332
- Дзодзиева З.Б. 2006. Основные теоретические и методологические подходы к изучению коррупции. *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*, S11: 71–76.
- Кабанов П.А. 2021. Стимулирование реализации государственной политики противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации, входящих в Дальневосточный федеральный округ: аналитический доклад. Казань, Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 91 с.
- Коновалов В.А. 2014. Коррупция в российской истории и праве. «Белые пятна» российской и мировой истории, 6: 61–88.
- Лошкарева-Игрунт С.И. 2014. Социальные последствия имущественного неравенства в современной России. *Социально-гуманитарные знания*, 7: 28–34.
- Лунеев В.В. 2007. Настоящей борьбы с коррупцией в России нет. *Уголовное право*, 5: 104–108.
- Мартьянов В.С. 2019. Двойные стандарты в определении коррупции как вызов общественному согласию. Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции. В кн.: Сборник научных

- трудов по итогам Третьей Всероссийской научной конференции с международным участием (26–27 октября 2018 г., Екатеринбург), Екатеринбург: 24–51
- Номоконов В.А. 2021. Противодействие коррупции. Взгляд из России. Наука и жизнь Казахстана, 1: 106–112. <https://doi.org/10.52334/NZhK.2021.29.95.001>
- Предупреждение коррупции в органах государственной власти Российской Федерации. Сборник научных статей. 2020. Ред. Петухов Н.А., Рябцева Е. В. Симферополь, 220 с.
- Селезнев Ю.А. 2010. Проблема коррупции в исследованиях российских ученых. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 4: 186–189.
- Соболь Т.С. 2020. Уровень жизни населения России: современный взгляд на действительность. *Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте, Серия 1: Экономика и управление*, 3(34): 7–12. DOI: 10.21777/2587-554X-2020-3-7-12
- Суворин Э.В. 2008. Коррупция и демократия: парадоксы взаимосвязи. *Социология власти*, 3: 113–121.
- Puffer S., McCarthy D.J. 2011. Two decades of Russian business and management research: An institutional theory perspective. *Academy of Management Perspectives*, 2: 21–36.
- Uslaner E.M. 2020. Corruption, the Inequality Trap and Trust in Government. European Consortium for Political Research: 1–36. https://www.researchgate.net/publication/288265469_Corruption_the_Inequality_Trap_and_Trust_in_Government
- Watt D., Flanary R., Theobald R. 2000. Democratisation or the Democratisation of Corruption? The Case of Uganda. In: *Corruption and Democratisation*: 37–65. <https://www.taylorfrancis.com/chapters/mono/10.4324/9781315039602-6/democratisation-democratisation-corruption-case-uganda-alan-doig-robin-theobald>

References

- Alakshina I.S. 2009. Grazhdansko-pravovye aspekty protivodejstviya korrupcii [Civil and legal aspects of anti-corruption]. *Bezopasnost' biznesa*, 2: 31–32.
- Antikorrupsionnaya obrazovatel'naya sreda: teoriya i praktika [Anti-corruption educational environment: theory and practice] : monografiya. Red. Martynenko A.V., Potapova L.A. 2020.
- Astanin V.V. 2003. Bor'ba s korrupsiey v Rossii XVI–XX vekov: dialektika sistemnogo podkhoda [The fight against corruption in Russia of the XVI–XX centuries: the dialectic of a systematic approach]. М., Rossiiskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya, 92 p.
- Akhmatov A.V. 2008. K voprosu o dvoynnykh standartakh v politike i prave [On the issue of double standards in politics and law]. *Vestnik MGU*, 4: 85–91.
- Akhmetova N.A. 2008. Sotsial'nyy mekhanizm vosпроизводства korrupsii v uslo-viyakh sovremennogo rossiyskogo obshchestva [The social mechanism of corruption reproduction in the conditions of modern Russian society]. Volgograd, VoLGU, 169 p.
- Baburin S.N., Golik Yu.V., Karasev V.I. 2004. Korrupsiya naibolee opasnyy vektor degradatsii obshchestva: Materialy k razmyshleniyu [Corruption is the most dangerous vector of degradation of society: Materials for reflection]. М., Publ. RGTEHU, 250 p.
- Bikeev I.I., Kabanov P.A. 2021. Antikorrupsionnoe planirovanie: teoreti-cheskie osnovy i pravovoe regulirovanie v sub"ektakh Rossiyskoy Federatsii [Anti-corruption planning: Theoretical foundations and legal regulation in the Subjects of the Russian Federation]. Kazan', Publ. "PoznaniE" Kazanskogo innovatsionnogo universiteta, 328 p.
- Vlasenko N.A. 2018. Problems of sufficiency of legal regulation in the modern Russian society. *Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia*, 1(41): 41–47. (In Russian) DOI 10.24411/2078-5356-2018-00005
- Grigorev I.V. 2021. Natsional'nyy plan protivodeystviya korrupsii na 2021–2024 gody: antikorrupsionnye elementy pravovogo polozheniya (statusa) gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh [National Anti-Corruption Plan for 2021–2024: anti-corruption elements of the legal status of State civil servants]. *Pravo i politika*, 9: 166–175. DOI: 10.7256/2454-0706.2021.9.36332
- Dzodzиеva 3.B. 2006. Osnovnye teoreticheskie i metodologicheskie podkhody k izucheniyu korrupsii [Основные теоретические и методологические подходы к изучению коррупции]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki*, S11: 71–76.
- Kabanov P.A. 2021. Stimulirovanie realizatsii gosudarstvennoy politiki protivodeystviya korrupsii v sub"ektakh Rossiyskoy Federatsii, vkhodyashchikh v Dal'nevo-stochnyy federal'nyy okrug

- [Stimulating the implementation of the state anti-corruption policy in the constituent entities of the Russian Federation included in the Far Eastern Federal District]: analiticheskiy doklad. Kazan', Publ. "PoznaniE" Kazanskogo innovatsionnogo universiteta, 91 p.
- Kononov V.A. 2014. Corruption in Russian history and law. *"White Spots" of the Russian and World History*, 6: 61–88. (In Russian)
- Loshkareva-Igrunt S.I. 2014. Sotsial'nye posledstviya imushchestvennogo nera-venstva v sovremennoy Rossii [Social consequences of property inequality in modern Russia]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 7: 28–34.
- Luneev V.V. 2007. Nastoyashchey bor'by s korruptsией v Rossii net [There is no real fight against corruption in Russia]. *Ugolovnoe pravo*, 5: 104–108.
- Mart'yanov V.S. 2019. Current issues of scientific support for the state anti-corruption policy in the Russian Federation. In: Collection of research papers of the 3-rd All-Russian Scientific Conference with international participation (26–27 October 2018, Ekaterinburg). Ekaterinburg: 24–51. (In Russian)
- Nomokonov V.A. 2021. Anti-corruption: A Look from Russia. *Science and Life of Kazakhstan*, 1: 106–112. (In Russian) <https://doi.org/10.52334/NZhK.2021.29.95.001>
- Prevention of corruption in public authorities of the Russian Federation. Collection of scientific articles. 2020. Ed. Petukhov N.A., Ryabtseva E. V. Simferopol', 220 p. (In Russian)
- Seleznev Yu.A. 2010. Problem of corruption in research of Russian scientists. *Tambov Universiti Review. Ser. Humanities*, 4: 186–189. (In Russian)
- Sobol T.S. 2020. In the life of the Russian population: a modern view of reality. *Economics and Management*, 3 (34): 7–12. (In Russian) DOI: 10.21777/2587-554X-2020-3-7-12
- Suvorin E.V. 2008. Korruptsiya i demokratiya: paradoksy vzaimosvyazi [Corruption and democracy: paradoxes of interrelation]. *Sotsiologiya vlasti*, 3: 113–121.
- Puffer S., McCarthy D.J. 2011. Two decades of Russian business and management research: An institutional theory perspective. *Academy of Management Perspectives*, 2: 21–36.
- Uslaner E.M. 2020. Corruption, the Inequality Trap and Trust in Government. European Consortium for Political Research: 1–36. https://www.researchgate.net/publication/288265469_Corruption_the_Inequality_Trap_and_Trust_in_Government
- Watt D., Flanary R., Theobald R. 2000. Democratisation or the Democratisation of Corruption? The Case of Uganda. In: *Corruption and Democratisation*: 37–65. <https://www.taylorfrancis.com/chapters/mono/10.4324/9781315039602-6/democratisation-democratisation-corruption-case-uganda-alan-doig-robin-theobald>

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Антонченко Вадим Викторович, заместитель начальника Дальневосточной пожарно-спасательной академии – филиала Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России по учебно-научной работе, г. Владивосток, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vadim V. Antonchenko, deputy chief of the Far Eastern Fire and Rescue Academy – Branch of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Vladivostok, Russia

УДК 2-1, 2-72

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-1-73-81

Киевская Духовная Академия как образовательный центр развития дисциплины «каноническое право» в Российской Империи в XIX в.

Баган В.В., свящ.

Смоленская Православная Духовная Семинария
Смоленской Епархии Русской Православной Церкви,
Россия, 214000, г. Смоленск, ул. Тимирязева, 5
E-mail: baganvlad@mail.ru

Аннотация. Недооцененность и недостаточная изученность вопроса о генезисе и развитии канонического права Церкви в XVIII – начале XX века в России послужили поводом для настоящего исследования. Автор преследует цель через вскрытие особенностей понимания, толкования и преподавания канонического права в указанный период описать онтологию канонического права. Хотя учебный предмет «каноническое право» является сравнительно молодой дисциплиной, за короткий период XIX столетия он прошел несколько этапов интенсивного развития. Именно усилиями профессорско-преподавательской корпорации Киевской Духовной Академии (протоиерея Иоанна Скворцова, Петра Александровича Лашкарёва) в развитии учебной дисциплины «каноническое право» был совершен качественный прорыв. Стараниями специалистов Киевской Духовной Академии к концу XIX в. появились авторские системы «канонического права», издавались учебные пособия, выходили в свет самобытные монографические исследования по церковноправовым вопросам. К началу XX в. отечественные системы канонического права конкурировали с западноевропейскими исследованиями. Многих профессоров духовных академий приглашали на престижные кафедры в светских учебных заведениях. Сделан вывод о том, что развитие канонического права в Российской Империи – плод энтузиазма отдельных ученых и исследователей, а не планомерная и систематическая работа, несмотря даже на государственные указ и постановления, формально поощряющие это развитие.

Ключевые слова: каноническое право, церковное право, система церковного права, духовное образование, Киевская Духовная Академия, история права

Для цитирования: Баган В.В. 2022. Киевская Духовная Академия как образовательный центр развития дисциплины «каноническое право» в Российской Империи в XIX в. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 47(1): 73–81. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-73-81

Theological Academy as an Educational Center for the Development of the Discipline of "Canon Law" in the Russian Empire in the 19th Century

Vladislav V. Bagan, Priest
Smolensk Theological Seminary,
5 Timiryazev St, Smolensk 214000, Russia
E-mail: baganvlad@mail.ru

Abstract. The underestimation and insufficient study of the question of the genesis and development of the canon law of the Church in the 18th – 19th centuries and the beginning of the 20th century in Russia (both in terms of scientific developments and church acceptance of certain interpretations, and in terms of

the transfer of educational knowledge about canon law to students) served as the reason for this study. The author aims to describe the ontology of canon law by revealing the peculiarities of understanding, interpretation and teaching of canon law in the specified period. Although the academic subject "canon law" is a relatively young discipline, in a short period of the 19th century it passed through several stages of intensive development. It was through the efforts of the teaching corporation of the Kiev Theological Academy (Archpriest John Skvortsov, Peter Alexandrovich Lashkarev) that a qualitative breakthrough was made in the development of the academic discipline "canon law". By the efforts of specialists of the Kiev Theological Academy by the end of the 19th century the author's systems of "canon law" appeared, textbooks were published, original monographic studies on church law issues were published. By the beginning of the 20th century, domestic systems of canon law competed with Western European studies. Many professors of theological academies were invited to prestigious chairs in secular educational institutions. They equally participated in the legislative activity of the Russian Empire. It is concluded that the development of canon law in the Russian Empire is the fruit of the enthusiasm of individual scientists and researchers, and not a systematic and systematic work, even despite the state decree and regulations formally encouraging this development.

Keywords: canon law, church law, the system of church law, spiritual education, Kiev Theological Academy, history of law

For citation: Bagan V.V. 2022. Kiev Theological Academy as an Educational Center for the Development of the Discipline of "Canon Law" in the Russian Empire in the 19th Century. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(1): 73–81. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-73-81

Введение

Тема формирования и последующего развития учебной дисциплины «каноническое право» в образовательном пространстве Русской Православной Церкви интересна прежде всего тем, что за довольно короткий промежуток времени (кон. XVIII – сер. XIX вв.) этот богословский предмет прошел целый ряд фундаментальных изменений. Некоторое время учебная дисциплина «каноническое право» двигалась в фарватере историко-богословских исследований, однако довольно быстро (сер. XIX в.) она обогатилась свежим направлением, обращаясь к сфере правоведения. Это развитие хорошо видно на примере преподавания канонического права в Киевской Духовной Академии. Авторитетный дореволюционный канонист М.А. Остроумов отметил три этапа в развитии канонического права в рамках отечественного образовательного поля, выведя четкую периодизацию: критико-экзегетический (кон. XVIII – 1814 г.), богословский (1814–1869 гг.) и юридический (с 1870 г.) [Остроумов, 1893]. Несомненно, все указанные периоды каноническое право прошло и в стенах Киевской Духовной Академии в XIX в. Более того, научными усилиями киевской профессорско-преподавательской корпорации (Киевская Духовная академия, Императорский университет св. Владимира) каноническое право приобрело статус самостоятельной дисциплины.

Стоит отметить, что в развитии канонического права не последнюю роль сыграли не только институциональный, но и личностный фактор. Поэтому в рамках представленной статьи будет отмечена роль таких специалистов в области канонического права, как протоиерей Иоанн Скворцов и П.А. Лашкарёв, оказавших решающее воздействие на развитие этой учебной дисциплины в Киевских образовательных заведениях. Представленная историко-богословская реконструкция преподавания канонического права в стенах Киевской Духовной Академии в XIX в. будет связана с выполнением двух задач: описанием институциональных изменений высших духовных школ на примере существования дисциплины «каноническое право» и репрезентации церковноправовых систем ведущих специалистов Киевских духовных школ (протоиерей Иоанн Скворцов и П. А. Лашкарёв).

Рассмотрим современные исследования, изучающие феномен преподавания и изучения богословской дисциплины «каноническое право» в Русской Православной Церкви в

период XIX вв. Лишь в постсоветские 90-е годы появились редкие монографические исследования, косвенно затрагивающие состояние науки церковного права XIX в. Среди современных правоведов постсоветского периода проблематикой становления церковного права как научной дисциплины в Российской Империи в XIX столетии занималась А.А. Дорская. Ее диссертационное исследование «Церковное право в системе права Российской Империи конца XVIII – начала XX вв.» [2008] в настоящий момент является наиболее исчерпывающим по данной тематике. Стоит отметить, что большая часть фактического материала данной диссертации основывается на детальной рецепции историко-канонических наработок дореволюционных монографий М.А. Остроумова, П.А. Прокошева, И.С. Бердникова и других. Истории становления «богословских дисциплин» в рамках духовного образования посвящено множество статей Н.Ю. Суховой. Более всего приближается к тематике нашей работы статья «Церковное право в православных духовных академиях России: проблемы и традиции» [Сухова, 2012]. Также стоит выделить диссертационные исследования (кандидатская и докторская) за авторством Н.Ю. Суховой: «Реформы высшего православного духовного образования в России во второй половине XIX века» [2007] и «Подготовка и аттестация научно-педагогических кадров в православных духовных академиях в контексте высшего образования в России: 1808–1918 гг.» [2011]. Эти фундаментальные работы в полной мере отразили институциональные изменения в области духовного образования в целом и сфере преподавания богословской дисциплины «каноническое право» в частности. В трудах Суховой даётся подробный анализ тех изменений духовной школы, инициированных различными редакциями Уставов академий.

Общий обзор генезиса преподавания канонического права

Среди высших учебных заведений духовные академии (Московская, Казанская, Санкт-Петербургская, Киевская) более всего поспособствовали развитию научной дисциплины «каноническое право» в Российской Империи в период XIX – нач. XX вв. Несмотря на сравнительное обилие университетов и иных высших учебных заведений Российской Империи XIX в., в которых преподавалась научная дисциплина «каноническое право», именно высшие духовные школы стали двигателем развития церковноправовой тематики. В данной статье мы обратимся к роли Киевской Духовной Академии как образовательно-му центру развития дисциплины «каноническое право» в Российской Империи в XIX в.

Каноническое право в истории формирования богословских наук Русской Православной Церкви было сравнительно молодой дисциплиной. Первые опыты изучения канонического права восходят к рубежу XVIII в. и относятся ко времени образовательной реформы Петра I, когда повсеместно стали открываться духовные школы в целях удовлетворения нужд в образованных кандидатах на церковные должности [Знаменский, 1881, с. 1]. Известно, что одно из учебных пособий от 1706 г., по которому вели преподавание в Московской славяно-греко-латинской академии, включало в себя разделы, посвященные основам права гражданского и церковного [Смирнов, 1855, с. 140]. Исследовательская работа, посвященная темам канонического права, заключалась в изучении и публикации церковноправовых источников. Например, в 1744 г. ректору Московской славяно-греко-латинской академии архимандриту Порфирию (Крайскому) было поручено сличать с правилами святых отцов издание Номоканона, опубликованного в Киево-Печерской типографии в 1624 г. [Чистович, 1857, с. 422]

Многие книги и переводы канонического содержания, напечатанные в московской типографии в первой половине XVIII в., проходили цензуру в Московской Духовной Академии [Смирнов, 1855, с. 131]. До начала XIX века четкая дифференциация богословских дисциплин не наблюдалась. В системе богословских дисциплин духовных учебных заведений XVIII в. не было четкого «логического разграничения между предметами догмати-

ческими и нравственными» [Смирнов, 1855, с. 140]. Важнейшим фактором стала инициатива митрополита Платона (Левшина), которым было введено каноническое право как самостоятельная дисциплина в Московской Славяно-греко-латинской академии в 1776 г. Само преподавание предмета состояло в экзегезе Кормчей книги, по инструкции за авторством самого митрополита Платона. В том же критико-экзегетическом духе преподавалось церковное право и в Петербургской духовной академии.

В конце XVIII в. важнейшими государственными постановлениями, оказавшими влияние на порядок преподавания богословских дисциплин (к которым относится и каноническое право) в духовных учебных заведениях, стали: Указ Императора Павла I, данный Синоду от 18.12.1797 «Об учреждении Духовных Академий в Санкт-Петербурге и Казани...» [Полное..., 1830, с. 821–823] и Указ Святейшего Правительствующего Синода от 31.10.1798 «О порядке учения в духовных академиях и семинариях» [Полное..., 1830, с. 427]. Императорский Указ, направленный на открытие новых духовных академий был мотивирован «попечением о благоустройстве Церкви и призрением к служащим её, почитая одною из главнейших обязанностей Царствования» [ПСЗРИ, 1830, с. 821]. Синодский Указ «О порядке учения в духовных академиях и семинариях» установил своего рода стандарт содержания образования в духовных академиях и семинариях [Полное..., 1830, с. 427]. В перечень предметов для преподавания богословского учения с этого момента вошли новые науки: «герменевтика, церковная история, пасхалия, пастырское богословие и каноническое право» [Смирнов, 1855, с. 296]. До этого времени, по словам протоиерея С. Смирнова, относительно порядка преподавания руководствовались Указом 1768 г. [Смирнов, 1855], содержавшим подробные предписания касательно порядка преподавания в духовных учебных заведениях.

Таким образом, на начальном этапе своего существования богословская дисциплина «каноническое право» представляла из себя последовательную экзегезу церковных правил из Кормчей. В 1809 г. Комиссией духовных училищ для первого курса Петербургской академии по церковному праву была одобрена следующая программа: «прочитать всю Кормчую... но Кормчую нельзя читать без строгой благоразумной критики» [Остроумов, 1893, с. 89]. Ранее, в 1808 г., Комиссией духовных училищ была поставлена задача систематизации канонического права: признана необходимость в составлении «краткого хронологически-систематического изложения науки» [там же]. В проекте Устава духовных академий 1810 г. говорилось: «Каноническое право нашей Церкви требует особенного внимания профессора, тем более что доселе оно не приведено ещё в надлежащий порядок и должно быть пояснено собственными его (профессора) изысканиями» [Бердников, 1903, с. XV].

В 1814 г. произошло официальное рождение канонического права как богословской дисциплины в России. Именно в этом году Комиссией духовных училищ было издано следующее предписание, согласно которому профессорско-преподавательская корпорация в лице своих специалистов-канонистов обязывалась создать учебное пособие по указанному предмету, представляющее собой систематизированный комментарий канонических правил. Также особое значение приобрело исследование главного церковноправового документа «синодальной эпохи», так называемого Духовного Регламента, регулирующего правовое положение Православной Церкви в Российском государстве («Журнал Комиссии духовных училищ» от 28.04.1814). Делалось пояснение, что, хотя само по себе каноническое право не игнорировалось ранее, и частично изучалось вместе с догматикой, тем не менее «системы права не было составлено» [Чистович, 1857, с. 291]. Учебные реформы духовного образования 1808–1814 гг. в конечном итоге привели не только к новому распределению дисциплин, но и фактически регламентировали учебные программы, методологию преподавания [Титлинов, 1908–1909].

С этого момента и начинается история канонического права как самостоятельной дисциплины в рамках высших духовных учебных заведений. Центрами формирования канонического права можно называть исключительно духовные академии лишь условно по той простой причине, что специалистов по этой дисциплине было немного и они часто

меняли место работы, более того, преподавая одновременно как в духовных, так и светских заведениях.

Хотя зарождение дисциплины канонического права в Российской Империи началось в Санкт-Петербурге и его духовной школе, новаторами в области канонического права стали учебные заведения Киева. Сер. XIX столетия выделяет Киев как центр выработки системы церковного права на основании научной деятельности двух образовательных учреждений. Киевская Духовная академия и Императорский университет св. Владимира стали инициаторами формирования церковного права как самостоятельной дисциплины. В том числе на это развитие повлияли изменения в Уставе университетов от 1815 г., по которым в учебную программу юридического факультета вводился предмет «церковное законоведение» [Смыкалин, 2017, с. 13].

В.И. Аскоченский в монографии «История Киевской духовной академии, по преобразовании ее в 1819 году» [1863] подробнейшим образом описал событие выхода на свет первого учебника по каноническому праву. До середины XIX в. характер преподавания дисциплины «каноническое право» не зависел от утвержденного учебной программой плана. В 1837 г. в Киевском университете была учреждена кафедра церковного права, которую возглавил протоиерей Иоанн Сковрцов. Можно смело утверждать, что зарождение научной дисциплины «каноническое право» связано с личностью протоиерея Иоанна Сковрцова. Кратко обратимся к его биографическим данным и отразим взгляды отца Иоанна на дисциплину канонического права.

Протоиерей Иоанн Сковрцов и «церковное право» в КДА

Особое значение для развития церковного права имели труды протоиерея Ивана Михайловича Сковрцова. Это великого деятеля церковноправовой науки называли «верующим философом и мыслящим богословом». Сковрцов Иван Михайлович – доктор богословия, кафедральный протоиерей, заслуженный ординарный профессор кафедры богословия университета св. Владимира. Родился в 1795 году в семье причетника одной из церквей Арзамаса. С 8 до 18 лет И.М. Сковрцов обучался в нижегородских духовных училищах и семинариях. В 1814 году поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, которую окончил в 1817 году со степенью магистра [Иконников, 1884, с. 601]. В 1817 году И.М. Сковрцов был определен наставником в Киевскую духовную семинарию, где прослужил два года, преподавая физику, философию и математику. В 1819 году занял в Киевской духовной академии в звании бакалавра кафедру философии, а через четыре года, 21 марта 1824 года [Макарий (Булгаков), 1843, с. 210], был возведён в звание ординарного профессора [Иконников, 1884, с. 601].

С 13 ноября 1833 года И.М. Сковрцов – доктор богословия [Макарий (Булгаков), 1843]. И.М. Сковрцову была присвоена степень доктора богословия на основании его работ «Критическое обозрение Кантовой религии в пределах чистого разума» и «Записки на послание ап. Павла к Эфесянам» [Иконников, 1884]. И.М. Сковрцов являлся постоянным членом академической конференции, окружного правления и цензурного комитета Киевской духовной академии, также с 1837 года являлся редактором журнала «Воскресное Чтение» [Иконников, 1884]. Пастырская служба И.М. Сковрцова началась с 1820 года. Он был рукоположен в сан священника Владимирской церкви в Киеве. В 1833 году И.М. Сковрцов был определен членом Киевской духовной консистории [Иконников, 1884]. В 1828 году Сковрцов ревизовал Курскую и Воронежскую семинарии, в 1829 – Подольскую и Волынскую, в 1831 году был командирован для обозрения церквей Подольской губернии [Иконников, 1884, с. 610]. С открытием университета св. Владимира И.М. Сковрцов в 1834 году занял в нем кафедру богословия вместе с должностью настоятеля университетской церкви, не оставляя при этом должности в Киевской духовной академии, в которой продолжал трудиться еще несколько лет после этого [Иконников, 1884, с. 605].

С учреждением при Киевском университете кафедры церковного права и с назначением на нее профессора протоиерея Иоанна Сковрцова представилась возможность открыть этот класс и в том училище, которому он более всех был нужен. В 1837 году Киевская духовная академия предложила ввести в преподавательскую программу науку церковного права, поручив её отцу Иоанну Сковрцову, как уже занимающемуся данным предметом в другом высшем учебном заведении» [Иконников, 1884]. Лишь через десятилетие, в 1848 г., учебник по церковному праву «Записки по церковному законоведению» протоиерея Иоанна Сковрцова был опубликован [Прокошев, 1895]. Как дореволюционные исследователи [ПСЗРИ, 1830, с. 32], так и современные историки церковного права [Цыпин, 2012, с. 390], считают данное пособие первой попыткой систематического изложения церковного права [Красножен, 1900, с. 10], первым русским учебником по каноническому праву. Как отмечал Б.В. Титлинов, «по каноническому праву сначала были записки, а затем распространилось киевское руководство Сковрцова» [Старостин, 2011, с. 87]. При этом И.С. Бердников охарактеризовал «Записки по церковному законоведению» как «краткий учебник, очевидно вызванный потребностями обучающихся» [Бердников, 1903, с. XVII].

Протоиерей Иоанн Сковрцов также осуществлял преподавательскую деятельность в Образцовом женском пансионе (в период с 1837 года по 1861 год) и в Институте благородных девиц (в период с 1839 года по 1855 год) [Иконников, 1884]. В 1845 году протоиерей Иоанн Сковрцов уволился из Киевской академии, в течение четырёх лет после этого продолжая читать в ней по одной лекции в неделю, выбирая предметы по своему усмотрению [Иконников, 1884]. В последние годы жизни отец Иоанн Сковрцов активно занимался и содействовал образованию дочерей городского и сельского духовенства, в частности, внося немалый материальный и финансовый вклад [Иконников, 1884]. Протоиерей Иоанн Сковрцов «почил в Бозе» 5 августа 1863 года [Иконников, 1884].

Протоиерей Иоанн Сковрцов считал, что дисциплина «церковного законоведения» могла развиваться в двух направлениях. Во-первых, он отмечал факт разнообразия и многочисленности церковных правил и законов. Этот канонический свод необходимо было научно систематизировать. Во-вторых, протоиерей Иоанн Сковрцов настаивал на научном подходе в отношении изучения состава и устройства Церкви, выявлении общих принципов и закономерностей в системе канонического права. «Записки по церковному законоведению» состояли из двух равнозначных разделов: состав и благоустройство Церкви; перечень и содержание церковных действий [Прокошев, 1895]. Первый раздел был посвящен свойствам власти и управления в Церкви, церковной иерархии, системе церковных званий и должностей. Второй раздел отражал всю совокупность церковных действий: вероучение, богослужение, дисциплина, взаимодействие с иными конфессиями и вероучениями [Прокошев, 1895]. Протоиерей Иоанн Сковрцов отмечал, что предметом церковного законоведения могут быть как правила церковного происхождения, так и законы «церковно-гражданские» [Прокошев, 1895]. Тем не менее, протоиерей Иоанн, будучи типичным представителем теологического направления развития церковного права, склонялся к обоснованию системы церковных канонов посредством богословских установок [Полное собрание законов Российской Империи, 1830]. Необходимо отметить, что влияние личности и работ протоиерея Иоанна Сковрцова было весьма существенным.

В 1850 году Св. Синод постановил поручить правлению Киевской духовной академии немедленно распорядиться составлением программы для преподавания «церковного законоведения в университетах и других высших учебных заведениях» [Аскоченский, 1863, с. 278]. Параллельно в 1851 году Конференция Санкт-Петербургской духовной академии (по определению Священного Синода) составила программу по церковному законоведению для «учебных заведений Министерства народного просвещения» [Титлинов, 1908–1909, с. 413]. Сотрудничество духовных академий стало своего рода фундаментом для дальнейшего построения научной системы канонического права. Тем не менее еще в 60-е гг. XIX в. многие отмечали, что каноническое право нашей Церкви не приведено ещё

в надлежащий порядок [Аскоченский, 1863]. Таким образом, расцвет учебной литературы по канонической дисциплине богословского направления пришелся на середину XIX в.

Наследие П.А. Лашкарёва

Еще один яркий специалист в области богословской дисциплины «каноническое право» – П.А. Лашкарёв, профессор Киевской Духовной Академии и Императорского Университета св. Владимира. Ученик протоиерея Иоанна Скворцова П.А. Лашкарёв начал заниматься церковным правом в соответствии с Уставом духовных академий от 1814 года, который обязывал преподавателей «пояснять каноническое право собственными изысканиями» в силу недостаточной исследованности канонического церковного права (в соответствии с параграфом 171 данного документа) [Лашкарев, 1889, с. I]. Он являлся заслуженным экстраординарным профессором Киевской духовной академии [Смыкалин, 2015, с. 107]. Высочайшим приказом, отданным по духовному ведомству православного вероисповедания от 1 апреля 1890 года, П.А. Лашкарев, заслуженный экстраординарный профессор Киевской духовной академии, был произведен в действительные статские советники. Помимо научно-исследовательской деятельности в области канонического права П.А. Лашкарев также занимался научной деятельностью в области археологии.

П.А. Лашкарев опубликовал ряд интересных монографий по церковноправовым вопросам: «Об отношении древней христианской Церкви к Римскому государству» (Киев, 1873), «Право церкви православной в ряду других юридических наук» (Киев, 1886), «Право церковное в его основах, видах и источниках» (Киев, 1886). Но более всего стоит выделить специальную работу «Система церковного права» (1886 г.) [Лашкарев, 1889, с. 213]. Этот труд написан под впечатлением от классической концепции «канонического права» епископа Иоанна (Соколова). Работа последнего «Опыт курса церковного законоведения» стала самым распространенным пособием богословской направленности XIX столетия, употреблявшимся в высших духовных учебных заведениях. Однако опыт Лашкарёва был критически воспринят многими специалистами как не внятный [ПСЗРИ, 1830, с. 72]. Лашкарёв считал, что право Православной Церкви – исключительно греко-римское и византийское, поэтому в исследовании церковного права необходимо намеренно дистанцироваться от современных юридических принципов и теорий и возвращаться к критериям античного права [Лашкарев, 1886]. Лашкарёв разъяснял свою позицию обращения к античному юридическому наследию как обогащение современной юриспруденции «воззрениями и принципами мира античного» [Бердников, 1896, с. 37]. Через апелляцию к прошлому, через приобщение к «архаизму мудрости» предоставлялась возможность найти себя каноническому праву в общей системе юридических наук [Бердников, 1896, с. 37].

Профессор И.С. Бердников рассматривал подобный подход как крайне устаревший и обращающий науку церковного права вспять [Бердников, 1887, с. 43]. Все методологические недостатки работы Лашкарёва связаны с концептуальной потребностью оставлять церковное право исключительно в рамках теологии [Полное собрание..., 1830, с. 72]. Опять же это концептуальная особенность возвращает нас к системе Иоанна (Соколова). Характерным отличием методики курса церковного права, используемой архимандритом Иоанном (Соколовым), был так называемый историко-герменевтический подход. Он реализовывался в двухчастной системе: первый раздел рассматривал этапы формирования канонического корпуса Церкви, а второй – растолковывал и анализировал отдельные каноны в их хронологической последовательности [Иоанн (Соколов), 1851].

Результатом теологического подхода стала публикация П.А. Лашкарёвым авторского курса лекций, составленного в 1886–1889 гг. [Лашкарев, 1889]. Дореволюционный исследователь С.Т. Голубев в узкоспециализированном теологическом подходе в церковно-правовой области, которого придерживался Лашкарёв, видел разрыв дисциплины канонического права с юридическим фундаментом и также повреждение естественных связей церковного с гражданским и государственным правом. Тем не менее профессор

П.А. Лашкарёв внес определенный вклад в становление церковного права как самостоятельной дисциплины. Его учебные программы, курсы лекций и монографии по отдельным церковноправовым вопросам оставались популярными не только в академической среде Киева. В частности, его анализ канонического права посредством источников римского права до сих пор сохраняет свое значение.

Заклучение

Каноническое право как научная дисциплина развивалась в крупных городах Российской Империи, учитывая, что именно там существовали высшие учебные заведения как духовной, так и юридической специализации. Так, Киевская Духовная академия и Императорский университет св. Владимира стали инициаторами формирования церковного права как самостоятельной дисциплины. Такие специалисты в области церковного права, как протоиерей Иоанн Скворцов и П.А. Лашкарёв, имели отношение и к тому, и к другому учебному заведению. Это было повсеместной практикой, ведущий специалист в области канонического права преподавал на нескольких кафедрах духовного и светского заведения. В становлении канонического права имел важное значение личностный фактор. Учитывая, что это была деятельность небольшой и сплоченной группы исследователей-энтузиастов, отечественные канонисты были хорошо знакомы с наработками своих коллег; можно говорить об интенсивном взаимообмене идеями и концепциями.

Научные школы церковного права не оформились по географическому принципу по причине крайней ограниченности кафедр. Преемственность научной школы не была реализована. Напротив, существовал феномен научной приверженности отдельным авторским системам «канонического права». Поэтому к началу XX века все же наблюдались отдельные направления и тенденции в области канонического права.

Список источников

- Аскоченский, В. И. 1863. История Киевской духовной академии, по преобразовании ее в 1819 году. СПб.: типография Э. Веймара, 282 с.
- Бердников И.С. 1887. Несколько слов по поводу рецензий на исследование профессора А.С. Павлова о 50-й главе Кормчей книги. Москва; Казань: Типография Императорского Университета, 89 с.
- Бердников И.С. 1896. Архаическое направление в церковном праве: (Критический разбор сочинений проф. Киев. акад. П. Лашкарева: Право церковное в его основах, видах и источниках. Киев, 1886). Казань: типография Императорского Университета, 50 с.
- Бердников И.С. 1903. Краткий курс церковного права православной церкви. Казань: типография Императорского Университета.
- Знаменский П.В. 1881. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань: типография Императорского Университета, 807 с.
- Иконников В.С. 1884. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Университета св. Владимира. (1834–1884). Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 816 с.
- Иоанн (Соколов). 1851. Опыт курса церковного законоведения. Т. 1. СПб.: тип. Фишера, 25 с.
- Красножен М.Е. 1900. Краткий очерк церковного права. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 160 с.
- Лашкарев П.А. 1886. Система церковного права. Житомир, тип. и лит. насл. С. Бродовича, 224 с.
- Лашкарев П.А. 1889. Право церковное в его основах, видах и источниках. Из чтений по церковному праву П. Лашкарева. СПб.; Киев: Оглоблин, 213 с.
- Макарий (Булгаков), митрополит. История Киевской академии. 1843. Санкт-Петербург: тип. К. Жернакова, 226 с.
- Остроумов М.А. Очерк православного церковного права: Ч. 1. Харьков: тип. Губ. правл., 1893. 672 с.
- Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649-1825 гг. 1830 / Под редакцией М.М. Сперанского. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.
- Прокошев П.А. 1895. Канонические труды Иоанна, епископа Смоленского. Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 389 с.

- Скворцов И.М. 1848. Записки по церковному законоведению. К., Университетская типография, 266 с.
- Смирнов С. 1855. История Московской славяно-греко-латинской академии. М., Типография В. Готье, 428 с.
- Смыкалин, А. С. 2017. Каноническое право (на примере Русской православной церкви XI–XXI вв.): учебное пособие. М., Проспект; Екатеринбург, Издательский дом Уральского государственного юридического университета, 400 с.
- Старостин Е.В. 2011. Архивы Русской Православной Церкви: (X–XX вв.): учебное пособие. М., РГГУ, 253 с.
- Титлинов Б.В. 1908–1909. Духовная школа в России в XIX столетии: Вып. 1-2. Вильна: тип. «Рус. почин», 2 т.
- Чистович И.А. 1857. История Санкт-Петербургской духовной академии. Санкт-Петербург: Тип. Я. Третья, 458 с.
- Цыпин В. 2012. Каноническое право. Православная энциклопедия. Т. XXX: Каменец-Подольская и Городокская епархия – Каракал. М., Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 367–392.

Список литературы

- Дорская А.А. 2009. Церковное право Российской империи XIX – начала XX вв. как отрасль права. *История государства и права*, 9: 34–37.
- Дорская А.А. 2008. Церковное право в системе права Российской империи конца XVIII – начала XX вв. Дис.... док. юр. наук. М., 402 с.
- Сухова Н.Ю. 2007. Реформы высшего православного духовного образования в России во второй половине XIX века: дис. ... кандидата исторических наук. М., 421 с.
- Сухова Н.Ю. 2011. Подготовка и аттестация научно-педагогических кадров в православных духовных академиях в контексте высшего образования в России: 1808–1918 гг.: дис.... док. ист. наук. М., 826 с.
- Сухова Н.Ю. 2012. Церковное право в православных духовных академиях России: проблемы и традиции. *Религии мира. История и современность*, 2010: 346–368.

References

- Dorskaya A.A. 2009. Church law of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries. as a branch of law. *Istoriya gosudarstva i prava*, 9: 34–37 (in Russian).
- Dorskaya A.A. 2008. Church law in the legal system of the Russian Empire in the late 18th – early 20th centuries. Dissertation for the degree of Doctor of Law. M., 402 p. (in Russian).
- Sukhova N.Yu. 2007. Reforms of higher Orthodox spiritual education in Russia in the second half of the 19th century: dis. ... candidate of historical sciences. M., 421 p. (in Russian).
- Sukhova N. Yu. 2011. Training and certification of scientific and pedagogical personnel in Orthodox theological academies in the context of higher education in Russia: 1808–1918: abstract of dis. ... Doctor of Historical Sciences. Moscow, 826 p. (in Russian).
- Sukhova N. Yu. 2012. Church law in the Orthodox Theological Academies of Russia: problems and traditions. *Religions of the world. History and Modernity*, 2010: 346–368.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владислав Владимирович Баган, свящ., кандидат богословия, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры богословских и церковно-исторических дисциплин, Смоленская духовная семинария, г. Смоленск, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladislav V. Bagan, Priest, candidate of theology, candidate of legal sciences, lecturer at the department of theological and church-historical disciplines, Smolensk Theological Seminary, Smolensk, Russia.

УДК 342.5; 342.7

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-1-82-89

Интересы социальных субъектов в конституциях американских государств

Белоусов Н.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: 1082388@bsu.edu.ru

Аннотация. Категория «интерес» выступает объектом гуманитарных наук, включая юриспруденцию. Построение современного правового государства, гражданского общества, развитие в них личности зависит от реализации интересов всех указанных субъектов. В юридической науке интерес, как правило, рассматривается с точки зрения теории права. Однако отсутствуют систематизированные конституционной отраслью знания. В этой связи актуально на основе метода сравнительного правоведения выявление зарубежного опыта формализации интересов социальных субъектов в конституциях американских стран. В результате осуществленного сравнительно-правового анализа установлено многообразие интересов их в корреляции с индивидуальными, коллективными и комбинированными социальными субъектами. Наиболее многообразны интересы индивидуальных социальных субъектов.

Ключевые слова: интерес, интерес в праве, социальные субъекты, человек, правовой статус, общественные интересы

Для цитирования: Белоусов Н.В. 2022. Интересы социальных субъектов в конституциях американских государств. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 47(1): 82–89. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-82-89

The Interests of Social Actors in the Constitutions of American States

Nikolay V. Belousov

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: 1082388@bsu.edu.ru

Abstract. The category of "interest" is an object of the humanities, including law. The construction of a modern legal state, civil society, and the development of personality in them depends, among other things, on the realization of the interests of all these subjects. In legal science, interest is usually considered from the point of view of the theory of law. However, there is no knowledge systematized by the constitutional branch. In this regard, it is relevant to identify foreign experience in formalizing the interests of social subjects in the constitutions of American countries on the basis of the method of comparative jurisprudence. As a result of the comparative legal analysis carried out, the diversity of their interests in correlation with individual, collective and combined social subjects has been established. The interests of individual social subjects are the most diverse. The presented species diversity of interests of social subjects of constitutional legal relations contributes to the isolation and meaningful content of the theory of interests in constitutional law.

Keywords: interest, interest in law, social subjects, person, legal status, public interests

For citation: Belousov N.V. 2022. The Interests of Social Actors in the Constitutions of American States. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(1): 82–89 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-82-89

Введение

Интересы являются неотъемлемой частью развития современного правового государства, гражданского общества и личности. В данной связи категория интересов в широком многообразии объективно интегрирована в юридическую науку [Максимов, 2017; Малинова, 2020; Пономаренко, 2017; Титенко, 2019] и практику с учетом современных процессов, вызовов и угроз [Варданян, 2015; Макогон, 2007; Новикова, Анисимов, 2008; Nikonova, Markhgeim, Novikova, Minasyan, Kurova, 2017].

Интерес в праве рассматривается юриспруденцией с различных позиций – в качестве критерия разграничения частного и публичного права; элемента, предпосылки или цели субъективного права; блага, выгоды, пользы (в узко материальном смысле) [Шершень, 2002].

В прикладном аспекте интерес формализован в нормативных правовых актах, начиная от конституционного уровня и завершая муниципальным. К примеру, в Конституции России категория интересов встречается 6 раз.

На наш взгляд, современная специфика категории интересов в праве связана с тем, что она в равной степени присуща различным субъектам конституционных отношений. Даже при широком подходе, согласно которому такими субъектами могут быть все, на кого правовые нормы данной отрасли возлагают определенные обязанности и предоставляют права¹.

Полагаем, «обращение к сравнительно-правовому опыту закрепления интересов в конституциях зарубежных государств способствует раскрытию видового многообразия интересов в конституционном праве и обособления самостоятельной одноименной теории» [Белоусов, 2021, с. 516]. В рамках данной работы исследовательское внимание уделено конституциям американских стран на предмет выявления в них интересов, аффилированных социальными субъектами².

Интересы индивидуальных социальных субъектов

Установлено, что в структурном аспекте категория интересов расположена в различных частях конституций, включая преамбулу (Канада), а также в следующих разделах / главах: «Новые права и гарантии» (Аргентина), «О личных / коллективных правах и обязанностях / гарантиях» (Бразилия, Венесуэла, Доминикана, Коста-Рика, Мексика, Никарагуа), «О социальных / экономических и семейных правах» (Бразилия, Венесуэла, Перу), «Политические права и обязанности» (Перу), «О правах в области образования и культуры» (Венесуэла), «О гражданстве» (Бразилия), «О мексиканцах» (Мексика), «Об индейцах» (Бразилия), «Государство, нация и территория» (Перу), «Экономический режим» (Перу), «Собственность» (Перу), «Международные отношения» (Венесуэла), «О компетенции общенациональной государственной власти» (Венесуэла), «О государственной власти в муниципиях» (Венесуэла), «Полномочия Конгресса» (Аргентина, Доминикана), «Законодательная власть» (Венесуэла, Коста-Рика, Никарагуа, Перу), «О сессиях» (Бразилия), «О законах» (Бразилия), «Полномочия исполнительной власти» (Аргентина, Венесуэла, Доминикана, Никарагуа, Перу), «О судебной власти» (Бразилия, Мексика), «Об областных федеральных трибуналах и федеральных судьях» (Бразилия), «Национальный Совет мировых судей» (Перу), «Государственные служащие» (Никарагуа), «Об ответственности государственных служащих» (Мексика), «О Прокуратуре / Генеральная прокуратура» (Аргентина, Бразилия, Перу), «Защитник народа» (Аргентина), «Гражданская власть» (Венесуэла), «О политико-административной организации» (Бразилия), «О штатах

¹ Конституционное право Российской Федерации. 2007.: учебник / М.Б. Смоленский, М.В. Мархгейм. Ростов-на-Дону: Феникс, 445 с

² Конституции государства (стран) мира. URL: <https://worldconstitutions.ru/> (дата обращения 11.11.2021).

Федерации» (Бразилия), «Органы власти провинций» (Аргентина), «О муниципиях / муниципальном устройстве» (Бразилия, Коста-Рика), «Об общественной безопасности» (Бразилия), «Государственные финансы» (Никарагуа), «О федеральной налоговой системе» (Бразилия), «Валюта и банковская деятельность» (Перу), «Об общих принципах экономической деятельности» (Бразилия), «Социально-экономический режим и деятельность государства в экономической сфере» (Венесуэла), «О сельскохозяйственной и земельной политике и об аграрной реформе» (Бразилия), «О труде и официальном обеспечении» (Мексика), «Об общих конституционных положениях» (Бразилия, Доминикана).

Уточним, что в Конституции США не выявлены интересы социальных или публичных субъектов.

Что касается конституционных интересов индивидуальных социальных субъектов, то естественны интересы каждого в контексте субъективных прав и их отстаивания (защиты/обеспечения). Например, посредством обращения в органы отправления правосудия (ст. 26 Конституции Венесуэлы), доступа к документам любого характера (ст. 28 Конституции Венесуэлы).

Сопряжены с указанной разновидностью интересы осуществления конституционных прав, на защиту которых в Венесуэле имеет право каждый (ст. 27). При этом, такие интересы, будучи присущими человеку, не нашли четкого отражения в Конституции или специальных международных договорах.

Проведенный анализ позволил установить интересы, связанные не только с субъективными правами, но и со специальными статусами социальных субъектов.

Так, непосредственно интересы детей и подростков формализованы в ст. 78 Конституции Венесуэлы. Они поставлены во главу угла при принятии решений и действиях государства, семьи и общества.

Интересы супруга (супруги) и детей формализованы в ст. 72 и 73 Конституции Никарагуа в контексте их соблюдения при конфискации имущества и секвестровании собственности, взятии ее в управление по политическим соображениям или за преступления политического характера у граждан Никарагуа и детей-никарагуанцев.

Применительно к социальным субъектам наиболее часто интересы адресованы трудящимся/работающим.

Так, в ст. 9 Конституции Бразилии отмечается, что трудящимся принадлежит право определять случаи осуществления права на забастовку и интересы, для защиты которых применяется это право.

Интересы работающих / предпринимателей зафиксированы как основание для создания профессиональных союзов (ст. 95 Конституции Венесуэлы, ст. 28, ч. XVI ст. 123 Конституции Мексики). Необходимо отметить, что в этих же целях согласно ст. 97 Конституции Никарагуа государство учреждает Национальный институт социального обеспечения.

В ст. 5 Конституции Мексики и ст. 96 Конституции Никарагуа интересами рабочих ограничены условия трудового договора.

Как разновидность трудящихся можем рассматривать категорию землевладельцев и соответственно их интересы. Согласно ч. XIV ст. 5 Конституции Мексики землевладельцы, интересы которых затрагиваются решениями о предоставлении и возвращении общинных земель или вод, или такими решениями, которые будут приняты в дальнейшем, не могут требовать судебного разбирательства дела и не могут прибегнуть к приказу о защите прав (*amparo*).

С негативной окраской изложены личные интересы, злоупотребление которыми является основанием для привлечения к ответственности членов руководящих профсоюзных органов и других профсоюзных представителей (ст. 95 Конституции Венесуэлы).

Применительно к статусам трудящихся и работодателей выявлены профессиональные интересы в ст. 10 Конституции Бразилии: трудящиеся и работодатели принимают

участие в коллегиальных учреждениях государственных органов, в которых их профессиональные интересы или вопросы, касающиеся социального страхования, являются предметом обсуждения и принятия решений.

Еще одной установленной разновидностью интересов социальных субъектов стали экономические интересы. В Конституции Аргентины они зафиксированы применительно к потребителям товаров и услуг (ст. 42). Судя по тому, что норма расположена в главе, посвященной новым правам и гарантиям, заявленные интересы аффилированы с социальными субъектами – человеком и гражданином. Аналогично содержание ст. 65 Конституции Перу.

В части социальных субъектов любопытна норма п. 2 ст. 21 Конституции Венесуэлы об интересах лиц или групп лиц, которые могут стать жертвами дискриминации, обездоленности или оказаться в уязвимом положении. В их отношении на основе принципа равенства всех людей перед законом, принимаются меры позитивной дискриминации.

Здесь же укажем и на выявленные интересы жертв таких нарушений, как ограничение или угроза праву на свободу и личную неприкосновенность, незаконное ухудшение условий содержания под стражей, насильственное исчезновение людей (ст. 43 Конституции Аргентины).

Законные интересы граждан установлены единожды в группе рассматриваемых конституций – в контексте правозащитных полномочий Защитника Народа (п. 2 ст. 281 Конституции Венесуэлы).

Полагаем, содержательно сопряжены интересы, охраняемые Конституцией и законами. Они легализованы ст. 86 Конституции Аргентины в контексте задачи Защитника народа, заключающейся в защите от решений, действий или бездействия администрации.

В числе интересов социальных субъектов выявлены моральные интересы: лицо, прибегающее к покровительству законов, должно получить удовлетворение за оскорбление или ущерб, который был нанесен ему лично, его собственности или его моральным интересам (ст. 40 Конституции Коста-Рики).

Интересы коллективных социальных субъектов

Среди категорий коллективных социальных субъектов, не умаляя иные разновидности, важны интересы этнических общностей – наций, народа. Такие обнаружены, например, в ст. 130 Конституции Венесуэлы, согласно которой ее граждане обязаны... охранять и защищать ее суверенитет, национальность, территориальную целостность, самоопределение и интересы нации. На основании ст. 152 Конституции Венесуэлы деятельность Республики в сфере международных отношений направлена на защиту ее суверенитета и интересов народа.

Полагаем, обоснованы в конституциях данной группы интересы индейцев, выявленные в нормах учредительных актов Аргентины и Бразилии.

Так, интересы индейцев закреплены как предмет ведения Конгресса Аргентины в аспекте обеспечения участия индейцев в управлении принадлежащими им природными ресурсами и в защите других интересов (п. 17 ст. 75).

Юридическая защита прав и интересов индейского населения отнесена к институциональным функциям прокуратуры (ч. V ст. 129 Конституции Бразилии). В данном же документе интересы индейцев также упоминаются в связи с возможностью их защиты в судах самими индейцами, их сообществами и организациями (ст. 232).

Многочисленна категория общественных интересов в контекстах:

- телеологии правозащитной деятельности прокуратуры (ст. 120 Конституции Аргентины, ч. XV ст. 107 Конституции Мексики);

- их признания государством (ст. 3 Конституции Мексики) в науке, технологии, познании, новшествах и их применении, а также в службе информации (ст. 110 Конституции Венесуэлы);

- основания для ограничения права собственности (ст. 45 Конституции Коста-Рики, ст. 27 Конституции Мексики,);
- действий государства, направленных на то, чтобы помешать любой монополистической практике или тенденции (ст. 46 Конституции Коста-Рики);
- противоправного отказа от законов вообще и особенно от законов, затрагивающих заявленную разновидность интересов (ст. 129 Конституции Коста-Рики);
- договорных обязательств, повлекших за собой сосредоточение у одного лица или одной корпорации земель, вод и естественных богатств Нации (ч. XVIII ст. 27 Конституции Мексики);
- основания приостановления исполнения обжалуемого решения (ч. X ст. 107 Конституции Мексики);
- предмета ведения законодательного органа государственной власти (ст. 97 Конституции Перу) или обязанности исполнительной органа государственной власти (ст. 125 Конституции Перу).

В рамках рассматриваемой разновидности интересов целесообразно указать заявленные в ст. 28 Конституции Мексики интересы общества или какого-либо одного социального класса, которые не могут быть нарушены соглашениями или сделками, направленными к ликвидации конкуренции, и вообще всем тем, что составляет несправедливое и исключительное преимущество.

На конституционном уровне выявлены следующие социальные интересы:

- основание процедуры экспроприации при условии справедливого и предварительного возмещения, уплачиваемого в денежной форме (ч. XXIV ст. 5 Конституции Бразилии);
- цель в случае гарантированных законом авторам изобретений промышленного характера временной привилегии на их использование, а также защиты их произведений промышленного характера, собственности на фабричную марку, на имя предприятия и другие отличительные знаки (ч. XXIX ст. 5 Конституции Бразилии);
- одно из оснований ограничивать законом гласность актов судебной власти только в случаях, когда защищаются личная жизнь или когда того требуют социальные интересы (ч. LX ст. 5 Конституции Бразилии);
- критерий декрета в целях проведения аграрной реформы, разрешающий Союзу начинать процедуру экспроприации (параграф 2 ст. 173);
- основание сокращения продолжительности рабочего дня в таких областях, которые определяют и предполагают совместную деятельность для лучшего использования свободного времени с целью физического, духовного и культурного развития работающего (ст. 90 Конституции Венесуэлы);
- ограничение свободы каждого посвятить себя экономической деятельности по своему усмотрению (ст. 112 Конституции Венесуэлы);
- противоречие режиму латифундизма (ст. 307 Конституции Венесуэлы);
- ориентир соблюдения гармонии при реализации забастовки (ст. 28 Конституции Перу).

В ст. 173 Конституции Бразилии установлена категории коллективных интересов: непосредственное осуществление государством экономической деятельности разрешается только тогда, когда это необходимо для выполнения требований (*imperativos*) таких жизненно необходимых коллективных интересов, которые указаны в законе.

В ч. II ст. 8 Конституции Бразилии экономические интересы связаны с условиями создания профессиональных организаций: запрещается создавать более одной профессиональной организации не важно какого уровня для того, чтобы представлять одни и те же профессиональные категории или экономические интересы в одной и той же территориальной зоне.

Комбинированные интересы

В рамках данной части представим выявленные конституционные интересы применительно к комбинированным категориям субъектов, которые могут равнозначно относиться к публичным и социальным субъектам или же прямо на это указывают.

Считаем к числу таких категорий надлежит отнести общие интересы. Они отражены в ст. 115 Конституции Венесуэлы как цель общественного использования собственности, подлежащей налогообложению.

В схожих обстоятельства ст. 90 Конституции Доминиканы также формализованы общие интересы: частные лица могут на основе разрешенных законом концессий или контрактов, утвержденных Национальным Конгрессом, приобретать на все время, обусловленное концессией или контрактом и в соответствии с налагаемыми ими обязательствами неотъемлемое право на изъятия, облегчения, уменьшения или ограничения налогов, контрибуций или финансовых и муниципальных сборов, связанных с их специфической деятельностью, для которой это необходимо в целях привлечения новых капиталовложений, способствующих развитию национальной экономики, или для других целей, представляющих общий интерес.

В подобного рода ключе в части основания установления или повышения налогов сформулирована ст. 118 Конституция Никарагуа.

Общие интересы упоминаются ч. 2 ст. 6 Конституции Доминиканы, как основание установления максимальной продолжительности рабочего дня, дней отдыха и отпуска, минимального уровня заработной платы и пр.

В общих интересах Государство может вмешиваться в эксплуатацию и управление предприятий общественного пользования... (ст. 70 Конституции Мексики).

К компетенции Президента Республики как верховной административной власти относится подписание ... соглашения о предоставлении ... работ в общих интересах (п. 16 ст. 195 Конституции Мексики).

Полисубъектна категория общих интересов в ст. 117 Конституции Коста-Рики: заседания Собрания публичны, за исключением случаев, когда ... в общих интересах принимается решение о том, чтобы заседания были секретными.

Оригинальна категория высших интересов, противоречие которым предоставляет право на усыновление детей и подростков в соответствии с законом (ст. 75 Конституции Венесуэлы).

Комбинированные интересы также связываем социальными субъектами индивидуальной и коллективной разновидностей.

Так, к социальной категории субъектов относятся коллективные и индивидуальные интересы как объект защиты профсоюзами той категории лиц, которых они представляют, в том числе в юридической и административной областях (ч. III ст. 8 Конституции Бразилии);

Миксовая категория социальных и личных интересов закреплена в ст. 127 Конституции Бразилии в качестве объекта функции защиты, реализуемой прокуратурой.

Общие и коллективные интересы как объект институциональных функций прокуратуры Бразилии формализованы в ч. III ст. 129.

Здесь же укажем категорию общественных или исключительных интересов применительно к использованию природных ресурсов, являющихся собственностью нации, которые государство может предоставить на определенное время концессии, обязательно обеспечивая получение налога или компенсации в соответствии с публичными интересами (ст. 113 Конституции Венесуэлы).

Как нами было отмечено ранее комбинированные интересы могут касаться социальных и публичных субъектов.

Так, государственные и общественные интересы упоминаются п. 32 ст. 156 Конституции Венесуэлы применительно к компетенции общенациональной государственной власти в области законодательства, связанного с экспроприацией, производимой в государственных или общественных интересах. Содержательно идентична ст. 68 Конституции Никарагуа.

Миксовая категория интересов, которые принадлежат частным лицам или другим должностным лицам изложена в ст. 285 Конституции Венесуэлы в контексте невозможности противопоставления им полномочий Прокуратуры.

Эти полномочия не ущемляют права и интересы, которые принадлежат частным лицам или другим должностным лицам.

Заключение

Подводя итоги осуществленного исследования, уточним, что нами в конституциях американских стран категория интересов была выявлена в их многообразии в корреляции с индивидуальными, коллективными и комбинированными социальными субъектами.

Применительно к индивидуальным социальным субъектам формализованы интересы каждого в контексте субъективных прав и их отстаивания (защиты/обеспечения); интересы осуществления конституционных прав; интересы детей и подростков; интересы супруга (супруги) и детей; интересы трудящихся/работающих/предпринимателей/землевладельцев; личные интересы; профессиональные интересы трудящихся; экономические интересы потребителей товаров и услуг; интересы лиц или групп лиц, которые могут стать жертвами дискриминации, обездоленности или оказаться в уязвимом положении; интересы жертв таких нарушений, как ограничение или угроза праву на свободу и личную неприкосновенность, незаконное ухудшение условий содержания под стражей, насильственное исчезновение людей; законные интересы граждан; интересы, охраняемые Конституцией и законами; моральные интересы.

В числе интересов коллегиальных социальных субъектов следующие: интересы наций; интересы народов; интересы индейцев; общественные интересы; социальные интересы; коллективные интересы; экономические интересы профессиональных организаций.

К числу комбинированных интересов нами отнесены: общие интересы; высшие интересы; социальные и личные интересы; общие и коллективные; интересы государственных и общественных интересов; интересы частных лиц или других должностных лиц;

Считаем обоснованным конституционный подход, фиксирующий в многообразии интересы субъектов социальной, но не властной природы.

Список литературы

- Белоусов Н.В. 2021. Конституционная формализация интересов социальных субъектов в странах СНГ. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 46 (3): 516–523.
- Варданян Э. 2015. Геополитический интерес и национальный интерес: соотношение концептуальных подходов в российской и западной научной литературе. *Moldoscopie: probleme de analiză politică*, 3: 169–190.
- Макогон Б.В. 2007. Процессы глобализации в современном праве и их проявление в российском законодательстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 26 с.
- Максимов В.А. 2017. К вопросу о соотношении понятий «законный интерес», «охраняемый законом интерес», «правовой интерес», «юридический интерес». *Правда и Закон*, 2: 25–28.
- Малинова А.Г. 2020. Возможны ли легальные определения понятий «интерес» и «законный интерес»? *Евразийский юридический журнал*, 8 (147): 64–65.
- Новикова А.Е., Анисимов А.П. 2008. Экологические правозащитные риски: проблемы теории и практики. *Адвокатская практика*, 4: 5–7.
- Пономаренко И.Е. 2017. Понятия «интерес» и «социальный интерес» в юридической науке: теоретико-правовой аспект. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право*, 3: 96–102.

- Титенко Ю.В. 2019. Соотношение понятий «национальный интерес», «государственный интерес». Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова, 2: 127–134.
- Шершень Т.В. 2002. Частный и публичный интерес в договорном регулировании семейных отношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 23 с.
- Nikonova L.I., Markhgeim M.V., Novikova A.E., Minasyan A.A., Kurova N.N. 2017. Constitutional spheres and forms of interaction among chamber in modern parliaments. *Journal of Politics and Law*, 4: 201–206.

References

- Belousov N.V. 2021. Formalization of the Interests of Social Subjects in the Constitutions of the CIS Countries. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series*, 46 (3): 516–523 (in Russian).
- Vardanyan E. 2015. Geopoliticheskiy interes i nacional'nyy interes: sootnoshenie konceptual'nyh podhodov v rossijskoj i zapadnoj nauchnoj literature [Geopolitical interest and national interest: Correlation of conceptual approaches in Russian and Western scientific literature]. *Moldoscope: probleme de analiză politică*, 3: 169–190. (In Russian)
- Makogon B.V. 2007. The processes of globalization in modern law and their manifestation in Russian legislation: Abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. M., 26 s. (In Russian)
- Maksimov V.A. 2017. K voprosu o sootnoshenii ponyatij «zakonnyj interes», «ohranyaemyj zakonom interes», «pravovoj interes», «yuridicheskij interes» [On the question of the relationship between the concepts of «legitimate interest», «legally protected interest», «legal interest», «legal interest»]. *Pravda i Zakon*, 2: 25–28. (In Russian)
- Malinova A.G. 2020. Vozmozhny li legal'nye opredeleniya ponyatij «interes» i «zakonnyj interes» [Are there legal definitions of the concepts of «interest» and «legitimate interest»]? *Evrazijskiy yuridicheskij zhurnal*, 8 (147): 64–65. (In Russian)
- Novikova A.E., Anisimov A.P. 2008. Ekologicheskie pravozashchitnye riski: problemy teorii i praktiki [Environmental human rights risks: problems of theory and practice]. *Advokatskaya praktika*, 4: 5–7. (In Russian)
- Ponomarenko I.E. 2017. Ponyatiya «interes» i «social'nyy interes» v yuridicheskoy nauke: teoretiko-pravovoj aspect [The concepts of «interest» and «social interest» in legal science: theoretical and legal aspect]. *Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 3: 96–102. (In Russian)
- Titenko YU.V. 2019. Sootnoshenie ponyatij «nacional'nyy interes», «gosudarstvennyy interes» [The correlation of the concepts of «national interest», «state interest»]. *Vestnik CHechenskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.A. Kadyrova*, 2: 127–134. (In Russian)
- SHershen' T.V. 2002. CHastnyj i publicznyj interes v dogovornom regulirovanii semejnyh otnoshenij [Private and public interest in the contractual regulation of family relations]: Abstract of the dissertation ... cand. jurid. sciences. Yekaterinburg, 23 p. (In Russian)
- Nikonova L.I., Markhgeim M.V., Novikova A.E., Minasyan A.A., Kurova N.N. 2017. Constitutional spheres and forms of interaction among chamber in modern parliaments. *Journal of Politics and Law*, 4: 201–206.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Белоусов Николай Васильевич, аспирант кафедры конституционного и международного права юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay V. Belousov, postgraduate student of the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 342.56

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-1-90-97

Дефинирование принципов конституционного судопроизводства в Российской Федерации

Джамиль Э.З.

Четвертый кассационный суд общей юрисдикции,
Россия, 350000, Краснодар, ул. Красная 113
E-mail: hanga17@mail.ru

Аннотация. Российское конституционное судопроизводство построено на принципах, выражающих основные процессуальные правила. Несмотря на многообразие научных подходов к их определению, можно говорить об отсутствии универсальности содержательного наполнения понятий правовых принципов и процедур конституционного судопроизводства, что затрудняет их реализацию. В данной связи цель статьи состоит в разработке подхода к раскрытию дефинитивного аспекта заявленной разновидности правовых принципов. В работе последовательно интерпретированы слагаемые термина «принципы конституционного судопроизводства», а именно: конституционное судопроизводство и правовые принципы. Особое внимание уделено отграничению конституционного судопроизводства от смежных правовых явлений, в частности от конституционного судебного процесса. В заключении представлено авторское определение принципов конституционного судопроизводства и сформулировано их юридическое назначение.

Ключевые слова: конституционное судопроизводство, конституционный судебный процесс, принципы права, принципы конституционного судопроизводства, суд, конституционная юстиция

Для цитирования: Джамиль Э.З. 2022. Дефинирование принципов конституционного судопроизводства в Российской Федерации. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 47(1): 90–97. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-90-97

Defining of the Principles of Constitutional Legal Proceedings of the Russian Federation

Ella Z. Jamil

The Fourth Court of Cassation of General Jurisdiction,
113 Krasnaya St, Krasnodar 350000, Russian Federation
E-mail: hanga17@mail.ru

Abstract. Russian constitutional legal proceedings are based on principles expressing the basic procedural rules. Despite the variety of scientific approaches to their definition, it is possible to speak about the lack of universality of the substantive content of the concepts of legal principles and procedures of constitutional proceedings, which complicates their implementation. In this regard, the purpose of the article is to develop an approach to the disclosure of the definitive aspect of the declared variety of legal principles. The work consistently interprets the terms of the term "principles of constitutional legal proceedings", namely: constitutional legal proceedings and legal principles. Special attention is paid to the separation of constitutional legal proceedings from related legal phenomena, in particular from the constitutional judicial process. In conclusion, the author's definition of the principles of constitutional legal proceedings is presented and their legal purpose is formulated.

Keywords: constitutional judicial proceedings, constitutional judicial process, principles of law, principles of constitutional judicial proceedings, court, constitutional justice

For citation: Ella Z. Jamil. 2022. Defining of the Principles of Constitutional Legal Proceedings of the Russian Federation. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(1): 90–97 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-90-97

Введение

Отечественное конституционное судопроизводство построено на принципах, отражающих основные процессуальные правила. Их значение состоит в том, что они включают наиболее характерные особенности заявленного вида судопроизводства.

Общепризнанно, что в своей деятельности Конституционный Суд Российской Федерации руководствуется следующими принципами: независимость, коллегиальность, гласность, устность разбирательства, непрерывность судебного заседания, состязательность и равноправие сторон (ст. 5 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»)¹. Указанные принципы совпадают с принципами гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства. Однако их содержание и реализация отличаются рядом особенностей.

В отечественной конституционно-отраслевой науке последовательно уделяется внимание раскрытию содержания принципов конституционного судопроизводства [Кряжков, Лазарев, 1998; Назарова, 2000; Дворцова, 2005; Цибульский, 2005; Витрук, 2012; Брежнев, 2016] с учетом современных рисков и процессуальных ограничений [Makogon et al., 2019; Новикова, 2011, 2019].

Кроме того, как справедливо отмечает Н.В. Витрук [2012], некоторые из принципов конституционного судопроизводства не получают прямого нормативного закрепления. Вместе с тем они исходят из природы конституционного судопроизводства.

Полагаем, важным является и теоретический аспект, вносящий определенность в дефинирование принципов конституционного судопроизводства.

В рамках данной работы нами представлен авторский подход к определению принципов конституционного судопроизводства, интерпретированы слагаемые заявленного термина.

Понимание конституционного судопроизводства

Прежде всего отметим, что в российском законодательстве отсутствует определение понятия «конституционное судопроизводство», хотя в нормативных правовых актах различного уровня оно активно употребляется. Так, ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации в ряду самостоятельных форм судопроизводства названа конституционная разновидность². Идентичные нормы формализованы Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ч. 3 ст. 1, ч. 1 ст. 18)³. В ч. 1 ст. 125 Конституции Российской Федерации и ст. 1 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» конституционное судопроизводство указано в ракурсе формы осуществления Конституционным Судом судебной власти.

¹ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 29.07.2018) // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447; 2018. № 31. Ст. 4811.

² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.

³ Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1; 2020. № 50 (часть I). Ст. 8029.

В настоящее время в юридической литературе понятие «конституционное судопроизводство» не получило исчерпывающей разработки, хотя родовое понятие «судопроизводство» достаточно детально изучено специалистами процессуальных отраслей права. Такое положение можно объяснить относительной новизной термина «конституционное судопроизводство» для отечественного конституционного права.

Что касается наличествующих научных представлений, то общее определение конституционного судопроизводства дает Н.В. Витрук: «форма, способ существования, реализации норм судебного конституционного права» [Витрук, 1998, с. 40]. По мнению В.В. Лазарева, конституционное судопроизводство – это «урегулированная специальными процессуальными нормами совокупность процессуальных действий и правоотношений, складывающихся между Конституционным Судом Российской Федерации и другими субъектами при рассмотрении и разрешении дел, связанных с охраной Конституции Российской Федерации» [Лазарев, 2001, с. 34].

Авторы комментария к Федеральному конституционному закону от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации» определили конституционное судопроизводство «как производство по рассмотрению и разрешению обращений, поступающих в Конституционный Суд, из подведомственных ему вопросов» [Комментарий..., 2006]. Ряд исследователей считают необходимым дополнять определение конституционного судопроизводства разным количеством признаков и характеристик, которые, по их мнению, отражают сущность конституционного судопроизводства [Конституционное..., 2000; Назарова, 2000]. Так или иначе любой признак способствует раскрытию содержания конституционного судопроизводства, и каким бы не был перечень признаков, на наш взгляд, его всегда можно расширить, руководствуясь различными критериями.

Вместе с тем стандартно выделяемые признаки конституционного судопроизводства можно сгруппировать в общие и особые, наличие которых является основанием отнесения его к отдельной форме осуществления правосудия.

Особыми признаками являются: осуществление правосудия специализированным органом – Конституционным Судом РФ, занимающим особое место в системе органов судебной ветви власти как единственный орган конституционной юрисдикции; специфика целей и результатов конституционной судебно-процессуальной деятельности; наличие многих видов производств, которые являются своеобразными и существенно отличаются от других форм отправления правосудия по предмету – определенной категорией конституционно-правового спора (конфликта), свойственность производству правоустанавливающего характера; осуществление в особой процессуальной форме.

В числе общих признаков конституционного судопроизводства и других форм судопроизводства можно назвать: рассмотрение и разрешение только судебных дел; направленность на обеспечение гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина, законных интересов юридических лиц, общества и государства; общеобязательность судебных решений.

Целесообразность определения предмета конституционного судопроизводства именно через правовой конфликт основывается на существующих теоретических положениях о содержании такого конфликта. Так, любой социальный конфликт, который имеет хотя бы один правовой элемент (правовую норму, правоотношение) и разрешается юридическим способом, называют правовым (юридическим) конфликтом в широком смысле. В чисто юридическом смысле правовой конфликт непосредственно связан с правоотношениями, спором субъектов права по поводу реализации противоположных интересов, как правило, тех, которые относятся к одному предмету спора. Исследователи отмечают, что контрольные функции органа конституционной юрисдикции представляются механизмом разрешения конфликтов конституционного характера [Юридическая конфликтология, 1995], в основе которых лежит рассмотрение именно конституционно-правовых споров.

Учитывая приведенные нами подходы, обобщающие знания о судебном процессе, представим его собственную авторскую трактовку. Полагаем, это *формализованный в специальном законодательстве процессуальный порядок рассмотрения и разрешения правовых конфликтов, соответствующих компетенции Конституционного Суда Российской Федерации*.

Заметим, что законодательные изменения 2020 г., предусматривавшие упразднение до 2023 г. конституционных (уставных) судов субъектов Федерации, позволяют нам ввести в дефиницию конституционного судопроизводства единственный федеральный орган конституционной юстиции – Конституционный Суд Российской Федерации.

Отграничение конституционного судопроизводства от конституционного судебного процесса

При раскрытии содержания конституционного судопроизводства необходимо определить его соотношение со смежными понятиями, к примеру, с конституционным судебным процессом. Ряд исследователей различают указанные термины, указывая на то, что конституционный судебный процесс содержательно является более широким понятием, чем конституционное судопроизводство. Однако мы придерживаемся позиции, рассматривающей конституционное судопроизводство как конституционный судебный процесс, то есть как комплексную систему взаимосвязанных правовых форм деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку оно имеет все признаки юридического процесса, а именно:

- заключается в осуществлении операций с нормами права в связи с решением определенных юридических дел;
- реализуется уполномоченным органом государства в пользу заинтересованных субъектов права;
- закрепляется в соответствующих правовых актах;
- регулируется процессуальными нормами;
- обеспечивается установленными способами юридической техники;
- является юридической формой деятельности судебной ветви государственной власти и в полной мере отражает особенности ее функционирования;
- является динамичным и стадийным [Куксин, 2008; Солдатова, 2014; Грешнова, 2015; Ланг, 2017].

В порядке обоснования заявленной позиции сопоставим конституционное судопроизводство с признаками юридического процесса. Одним из таких является то, что юридический процесс представляет собой порядок рассмотрения определенного юридического дела. Основания осуществления конституционного судопроизводства закреплены в ст. 125 Конституции Российской Федерации и ст. 36 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее – федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ). К ним отнесены спор о праве или правонарушение.

Следующим признаком юридического процесса является то, что он составляет совокупность операций с нормами права. О свойственности конституционному судопроизводству такого признака свидетельствуют нормы глав III и IV Регламента Конституционного Суда РФ, которыми урегулирован процессуальный порядок подготовки материалов по обращениям к рассмотрению на заседаниях Конституционного Суда Российской Федерации¹.

Еще одним признаком юридического процесса является проявление юридической природы в юридическом результате, модель которого определена в соответствующей материальной норме и оформлена в виде определенного юридического акта. Согласно ст. 71 фе-

¹ Регламент Конституционного Суда РФ (ред. от 28.01.2021). Официальный интернет-портал правовой информации. <http://pravo.gov.ru> (дата доступа: 01.02.2021).

дерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ Конституционный Суд в ходе осуществления конституционного судопроизводства принимает решения в форме постановлений, заключений, определений, которые выносятся именем Российской Федерации.

О свойственности конституционному процессу такого признака юридического процесса, как юридическая форма деятельности соответствующей ветви государственной власти свидетельствует ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации. В ней установлено, что судебная власть осуществляется посредством конституционного и иных разновидностей судопроизводства.

Следующим признаком юридического процесса является возможность характеризовать достаточно сложную деятельность соответствующих органов государственной власти, через которую реализуются их функции – законодательные, исполнительные, правоохранительные и т.п. В частности, ст. 4 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» определена компетенция Конституционного Суда РФ по осуществлению судопроизводства наряду с судами общей юрисдикции.

Еще одним признаком юридического процесса исследователи называют то, что для некоторых разновидностей юридического процесса (уголовного, гражданского, арбитражного административного) характерно регулирование производств процессуальным законодательством. Конституционное судопроизводство регламентировано Разделами II и III федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ и содержит общий порядок его осуществления, а также особенности по отдельным категориям дел.

Для процесса как для юридической категории общим признаком определена стадийность. В простейшем виде стадия юридического процесса представлена как совокупность однородных процессуальных действий участников процессуальных правоотношений, осуществляемых в течение определенного периода времени для достижения единой конкретной процессуальной цели.

Признак стадийности в полной мере характерен для конституционного судопроизводства. Более того, стадии определены федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ и конкретизированы регламентом Конституционного Суда РФ как отдельные структурные составляющие Регламента:

- вопросы, касающиеся предварительного рассмотрения поступивших обращений (глава 3);
- вопросы, касающиеся принятия обращений к рассмотрению, подготовки и назначения дел к слушанию и подготовки дел к разрешению без проведения слушания (глава 4);
- вопросы, касающиеся слушания дел в заседаниях Конституционного Суда (глава 5);
- вопросы, касающиеся особенностей разрешения дел без проведения слушания в заседании Конституционного Суда (глава 6);
- вопросы, касающиеся решений Конституционного Суда, принимаемых в ходе осуществления конституционного судопроизводства (глава 7).

Выделение именно таких стадий конституционного судопроизводства основано на наличии в каждой из них признаков определенной совокупности однородных процедур.

Таким образом, конституционное судопроизводство представляет собой комплексную систему взаимосвязанных правовых форм деятельности Конституционного Суда Российской Федерации и имеет все признаки юридического процесса.

Понимание принципов конституционного судопроизводства

Для формулировки содержания термина «принцип» применительно к конституционному судопроизводству следует исходить из анализа двух аспектов этой проблемы. Во-первых, философского, что позволит наиболее полно определить подходы к формулированию общего понятия, во-вторых, из сущности конституционного судопроизводства как правового явления. Такой двухаспектный подход способствует конкретным выводам и формулировке понятия «принципы конституционного судопроизводства».

Общим во всех подходах к пониманию правовых принципов является их отождествление с основой определенного явления, правовой материи, поведения. Отличие заключается в наполнении этой основы конкретным содержанием, зависящим от специфики определенного явления, а также от методологии научного поиска. Так, в общеправовом восприятии принцип формулируется как основа поведения. С юридической точки зрения под принципом понимается правовая основа, в которой воспроизведены идеи права, ценности, и поэтому они имеют высшую юридическую силу.

Указанные общие положения применены к авторскому подходу определения понятия принципов конституционного судопроизводства с учетом специфики конституционного судопроизводства, концентрированно сводимой к следующим положениям.

Конституционное судопроизводство представляет собой осуществление операций с нормами конституционного права, связанными с решением правового конфликта (спора) в форме судебного разбирательства. Оно осуществляется конкретным уполномоченным органом государства – Конституционным Судом Российской Федерации в пользу заинтересованных в разрешении правового спора субъектов права. Операции с нормами конституционного права, осуществляемые Конституционным Судом Российской Федерации, закрепляются в официальных документах, форма которых определена законом. При этом осуществление таких операций регулируется процессуальными нормами. Конституционное судопроизводство представляет собой процессуальную форму деятельности судебной ветви по вопросам, отнесенным к юрисдикции Конституционного Суда Российской Федерации, и в полной мере должно воспроизводить особенности функционирования этой ветви власти. Об отнесении Конституционного Суда Российской Федерации к судебной ветви власти свидетельствуют ст. 10 и 118 Конституции Российской Федерации.

Если обратиться к научной литературе, то можно обнаружить иную позицию о месте органа конституционной юстиции в системе органов государственной власти. Так, высказывалось мнение о том, что «Конституционный Суд Российской Федерации не считается органом правосудия, поскольку ему присущи контрольные функции» [Авакьян, 2014]. В числе контраргументов указывалось на то, что Конституционный Суд Российской Федерации наряду со всеми остальными судами входит в судебную систему, а также на то, что на судей данного судебного органа распространяются положения закона «О статусе судей в Российской Федерации» [Наделяева, 2011]. В юридической науке и иные ученые поддерживают отнесение Конституционного Суда Российской Федерации к судебной ветви [Витрук, 1998; Овсепян, 1994]. Мы в этом аспекте солидаризируемся с ними.

Выводы

Исходя из общих теоретических знаний о принципах права и учитывая изложенную специфику конституционного судопроизводства, уточним собственное авторское понимание принципов конституционного судопроизводства: это основополагающие начала, формализованные конституционными и законодательными нормами, составляющие базу процессуальной деятельности Конституционного Суда Российской Федерации и определяющие ее природу, содержание и сущность в связи с разрешением конституционно-правовых споров (конфликтов).

Полагаем, назначение принципов конституционного судопроизводства заключается в следующем:

- осуществление обобщенного закрепления основ конституционного судопроизводства;
- обеспечение однотипной формулировки/интерпретации конституционных процессуальных норм;
- воздействие на общественные отношения путем установления основ разрешения конституционно-правовых споров согласно законодательным установлениям.

Список источников

- Авакьян С.А. 2014. Конституционное право России. Т. 2. М., Норма, 912 с.
- Витрук Н.В. 1998. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс. М., Закон и право, ЮНИТИ, 376 с.
- Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Часть общая: конституционное (государственное) право и его основные институты. В 4 т. Т. 1-2. Отв. ред. Б.А. Страшун. М., БЕК: 2000, 784 с.
- Кряжков В.А., Лазарев Л.В. 1998. Конституционная юстиция в Российской Федерации. М., БЕК, 462 с.
- Мазуров А.В. 2006. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации». М.: Частное право: 389 с.

Список литературы

- Брежнев О.В. 2016. Принципы конституционного судопроизводства: природа, эволюция, содержание. *Известия Юго-Западного государственного университета*, 1(64): 149–157.
- Грешнова Н.А. 2015. Принцип состязательности в юридическом процессе России (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 26 с.
- Дворцова Ж.В. 2005. Организация и деятельность конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 209 с.
- Куксин И.С. 2008. Юридический процесс: сущность и значение. *Современное право*, 6: 75–78.
- Лазарев В. 2001. Институт конституционного правосудия введен своевременно. (К 10-летию Конституционного Суда). *Российская юстиция*, 10: 34.
- Ланг П.П. 2017. Некоторые методологические основы юридического процесса. *Вопросы российского и международного права*, 7(1А): 225–232.
- Наделяева Т.В. 2011. Современное понятие и сущность правосудия в Российской Федерации. *Российский юридический журнал*, 6: 60–65.
- Назарова И.С. 2000. Конституционное судопроизводство (на материалах деятельности Конституционного Суда Российской Федерации): дис. канд. юрид. наук. М., 162 с.
- Назарова И.С. 2000. Конституционное судопроизводство (на материалах деятельности Конституционного Суда Российской Федерации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 24 с.
- Новикова А.Е. 2011. Проблемы институционализации правозащитных рисков в современной конституционно-правовой науке России. *Государственная власть и местное самоуправление*, 10: 21–25.
- Новикова А.Е. 2019. Риск как объект конституционно-правовой науки. М., Издательский дом «Юр-ВАК», 98 с.
- Овсепян Ж.И. 1994. Судебный конституционный контроль в зарубежных странах: дис. ... докт. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 451 с.
- Солдатова О.Е. 2014. Юридический процесс как категория общей теории права. *Известия Алтайского государственного университета*, 2(82): 153–156. DOI: 10.14258/izvasu(2014)2.2-29
- Цибульский В.В. 2005. Конституционное судопроизводство в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М.: 180 с.
- Чиркин В.Е. 1993. Контрольная власть. *Государство и право*, 4: 10–18.
- Юридическая конфликтология. 1995. Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., РАН. Центр конфликтологических исследований, 158 с.
- Makogon B.V., Markhgeim M.V., Minasyan A.A., Nintsieva T.M., Novikova A.E. 2019. Legal form of action: the issues of content and methodology. *Revista Inclusiones*, S2-5: 402–409.

References

- Brezhnev O.V. 2016. Principles of constitutional proceedings: nature, evolution, content. *Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*, 1 (64): 149–157 (in Russian).
- Greshnova N.A. 2015. Princip sostyazatel'nosti v yuridicheskom processe Rossii (problemy teorii i praktiki) [The principle of competition in the legal process of Russia (problems of theory and practice)]: abstract of dis. ... cand. law sciences. Saratov: 26 p.
- Dvorcova ZH.V. 2005. Organization and activity of constitutional (statutory) courts of the subjects of the Russian Federation: dis. ... cand. law sciences. M., 209 p.

- Kuksin I.S. 2008. YUridicheskij process: sushchnost' i znachenie [Legal process: essence and meaning]. *Sovremennoe pravo*, 6: 75–78.
- Lazarev V. 2001. Institut konstitucionnogo pravosudiya vveden svoevremenno. (K 10-letiyu Konstitucionnogo Suda) [The Institute of Constitutional Justice was introduced in a timely manner. (On the 10th anniversary of the Constitutional Court)]. *Rossiyskaya yusticiya*, 10: 34.
- Lang P.P. 2017. Some methodological bases of the legal process. *Matters of Russian and International Law*, 7(1A): 225–232 (in Russian).
- Nadelyaeva T.V. 2011. Sovremennoe ponyatie i sushchnost' pravosudiya v Rossijskoj Federacii [The modern concept and essence of justice in the Russian Federation]. *Rossiiskij juridicheskij zhurnal*, 6: 60–65.
- Nazarova I.S. 2000. Constitutional legal proceedings (based on the materials of the Constitutional Court of the Russian Federation): dis. ... cand. law sciences. M., 162 p.
- Nazarova I.S. 2000. Constitutional legal proceedings (based on the materials of the Constitutional Court of the Russian Federation): abstract of dis. ... cand. law sciences. M., 24 p.
- Novikova A.E. 2011. Problems of institutionalization of human rights risks in contemporary constitutional-law science of Russia. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, 10: 21–25 (in Russian).
- Novikova A.E. 2019. Risk kak ob"ekt konstitucionno-pravovoj nauki [Risk as an object of constitutional and legal science]. M., Publ. YUr-VAK, 98 p.
- Ovsepyan ZH.I. 1994. Judicial constitutional control in foreign countries: dis. ... Doctors of Law. Rostov-na-Donu, 451 p.
- Soldatova O.E. 2014. Legal Process as a Category of the General Theory of Law. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2-1(82): 153–156 (in Russian). DOI: 10.14258/izvasu(2014)2.2-29
- Cibul'skij V.V. 2005. Constitutional legal proceedings in the Russian Federation: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 180 p.
- CHirkin V.E. 1993. Kontrol'naya vlast' [Control authority]. *Gosudarstvo i pravo*, 4: 10–18.
- YUridicheskaya konfliktologiya [Legal Conflictology]. 1995. Ed. V.N. Kudryavcev. M., Publ. RAN. Centr konfliktologicheskikh issledovanij, 158 p.
- Makogon B.V., Markhgeim M.V., Minasyan A.A., Nintsieva T.M., Novikova A.E. 2019. Legal form of action: the issues of content and methodology. *Revista Inclusiones*, S2-5: 402–409.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Джамиль Элла Зурабиевна, помощник судьи, Четвертый кассационный суд общей юрисдикции, г. Краснодар, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ella Z. Jamil, Assistant Judge of the Fourth Cassation Court, General Jurisdiction, Krasnodar, Russia

УДК 342.5

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-1-98-109

Гражданство: конституционно-правовая рецепция нюансов государственного строительства

Мархгейм М.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: markheim@bsu.edu.ru

Аннотация. Конституционные изменения современного Российского государства так показательно затронули вопросы гражданства, что вдохновили автора на исследование прежних конституционных и законодательных трансформаций в геополитическом срезе СССР – РСФСР – Россия на протяжении последних тридцати лет по пяти наиболее иллюстративным аспектам, как то: изменение формализованных определений гражданства, права на гражданство, каталога и содержания принципов гражданства, позиции государства относительно покровительства и защиты граждан за границей, а также двойного гражданства с целью раскрытия гражданства в качестве индикатора изменений отечественной государственной политики. Сделан вывод, что новые вызовы государственного строительства России и угрозы ее национальному суверенитету и безопасности с очевидностью воздействовали и продолжают влиять на конституционно-правовое регулирование российского гражданства. Уточнено, что обновленный текст Конституции России учредил дополнительную ипостась иностранного гражданства, а именно статус входного ценза при доступе к публичной службе всех ветвей и уровней. Подчеркнуто, что конституционно-правовые смыслы российского гражданства могут открываться под влиянием актуальных направлений государственного строительства, что не только невероятно интересно, но и продуктивно в научном и практическом планах.

Ключевые слова: конституция, гражданство, право на гражданство, принципы гражданства, защита и покровительство граждан за границей, двойное гражданство, гражданство как ценз

Для цитирования: Мархгейм М.В. 2022. Гражданство: конституционно-правовая рецепция нюансов государственного строительства. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 47(1): 98–109. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-98-109

Citizenship: Constitutional and Legal Reception Nuances of State Construction

Marina V. Markhgeym

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation
E-mail: markheim@bsu.edu.ru

Abstract. Constitutional changes in the modern Russian state have so significantly affected the issues of citizenship that inspired the author to study its previous constitutional and legislative transformations in the geopolitical cross-section of the USSR – RSFSR – Russia over the past thirty years on the five most illustrative aspects, such as the change: formalized definitions of citizenship, the right to citizenship, the catalog and content of the principles of citizenship, the position of the state regarding patronage and protection of citizens abroad, as well as dual citizenship in order to disclose citizenship as an indicator of changes in domestic state policy. It is concluded that the new challenges of Russia's state-building and threats to its national sovereignty and security have clearly affected and continue to affect the constitutional and legal regulation of Russian citizenship. It is clarified that the updated text of the

Constitution of Russia has established an additional hypostasis of foreign citizenship, namely the status of an entrance qualification for access to public service of all branches and levels. It is emphasized that the constitutional and legal meanings of Russian citizenship can be revealed under the influence of current trends in state-building, which is not only incredibly interesting, but also productive in scientific and practical terms.

Key words: constitution, citizenship, right to citizenship, principles of citizenship, protection and patronage of citizens abroad, dual citizenship, citizenship as a qualification

For citation: Markhgeym M.V. Citizenship: Constitutional and Legal Reception Nuances of State Construction. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(1): 98–109 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-98-109

Введение

Гражданство, находясь в ряду атрибутов государства, отличается персонификацией, отраженной в паспорте каждого конкретного гражданина, и, по словам Н.В. Витрука, «есть юридическое оформление состава населения государства» [Витрук, 2008, с. 125]. Поэтому в любом государстве есть не только конституционные нормы, касающиеся гражданства, но и собственный закон о гражданстве, где устанавливаются его понятие и принципы, условия и способы приобретения и прекращения.

Законодательное регулирование гражданства объяснимо варьируется, реагируя на изменение стратегии государственного строительства под влиянием разнообразных внутренних и внешних факторов. В этой связи нами выдвинута гипотеза, что гражданство является своеобразным индикатором (лакмусом), улавливающим оттенки политики государства, ее крен в сторону открытости/закрытости. В данной статье проверим это предположение в конституционно-правовой «переключке» позиций СССР, РСФСР и России по поводу гражданства.

Предваряя заявленный анализ юридических норм, приведем результаты научно-тематической конституционно-правовой «переключки» подходов к исследованию гражданства в тридцатилетний период [Мархгейм, 2021]. Так, в каждом из трех десятилетий заявленного периода понимание гражданства прирастало за счет его исследования в понятийном ключе [Яковлев, 2002; Ванюшин, 2010]; применительно к конкретному государству [Кутафин, 2003], группе государств [Тагиев, 2006] или объединению государств [Керопян, 2009]; в качестве позитивного права [Михайлова, 2008] и элемента правового статуса личности [Витрук, 2008]. Эти подходы отражают, с одной стороны, признанные ракурсы исследования гражданства, с другой – неисчерпаемость нюансов данного конституционно-правового феномена.

Полноты содержанию гражданства добавили его юридические исследования в сопряжении с безопасностью [Джафаров, 2007] и миграцией [Авакьян, 2003; Сигарева, 2006], с публичной службой [Чаннов, 2008] и трудовыми отношениями [Зайцева, 2010], с вопросами двойного [Шафранская, 2020] / второго [Дадаева, 2020] / множественного [Воронина, Хазов, 2020] гражданства, территорией государства [Бабурин, 1996] и конституционными новеллами [Мархгейм, 2021]. Такой «прибавочный научный продукт» способствует постижению широты влияния фактора гражданства в публично-правовых отношениях, а также составляет основу для дальнейших исследований данного явления.

Обращают на себя внимание научные предложения нетипичного сочетания термина «гражданство», как то: «корпоративное гражданство» [Христова, 2020], «спортивное гражданство» [Пешин, 2015], «активное гражданство» [Маленков, 2021], «цифровое гражданство» [Бронников, Карпова, 2021]. Вероятно, и такой подход-отклик на современные вызовы, послужит раскрытию смысла гражданства.

Таким образом, в конституционно-правовой науке феномен гражданства продолжает разрабатываться в признанных устойчивых ракурсах и в расширяющемся факторном сопряжении, что способствует пониманию этого ёмкого юридического феномена. Далее продолжим анализ его формализованных характеристик с целью выявления рецепции законодательством о гражданстве тонкостей изменения политики государства.

Понятийные «переключки» гражданства: СССР – РСФСР – Россия

Отправным пунктом разработки любого феномена выступает поиск его понятийной определенности. В юридических исследованиях ряд явлений и процессов получил официальное определение, вокруг которого и строятся научно-теоретические рассуждения. Это в полной мере касается и гражданства. Объективно, что на конституционном уровне и в законах о гражданстве СССР, РСФСР и России такие определения разнились, поскольку в них выражалась не только суверенная воля соответствующего государства, но и приоритеты его политики.

Принципиальные характеристики гражданства содержались в конституциях (основных законах) СССР (1977) и РСФСР (1978). В каждой из них содержалась отдельная глава (6 и 5 соответственно) с одноименным названием «Гражданство... Равноправие граждан», где указывалось, что конкретизация отношений гражданства осуществляется специальным законом. Так, по Закону СССР от 23 мая 1990 г. № 1518-I «О гражданстве СССР» гражданство определяло «постоянную политико-правовую связь лица и Советского государства, находящую выражение в их взаимных правах и обязанностях... Советское государство в лице своих органов и должностных лиц ответственно перед гражданами СССР, а гражданин СССР ответствен перед государством». В данном законе было установлено, что в СССР «каждый человек имеет право на гражданство. Никто не может быть произвольно лишен гражданства или права изменить гражданство». Наличие политической составляющей в определении гражданства объяснялось наличием государственной идеологии, которой советским гражданам надлежало придерживаться. В противном случае существовал риск лишения гражданства.

Закон РСФСР от 28 ноября 1991 г. № 1948-I «О гражданстве РСФСР» закреплял гражданство в качестве «устойчивой правовой связи человека с государством, выражающейся в совокупности их взаимных прав, обязанностей и ответственности, основанной на признании и уважении достоинства, основных прав и свобод человека».

Сопоставление приведенных законодательных формулировок гражданства с учетом заявленного нами ракурса исследования дает основания для ряда выводов: во-первых, РСФСР как «суверенное советское социалистическое государство» (ст. 76 Конституции СССР) в составе СССР с 1991 г. приняла свой закон о гражданстве, определение которого не было калькой союзного; во-вторых, РСФСР отказалась от политической характеристики гражданства, что минимизировало риск лица быть лишенным гражданства, если вдруг оно не разделяет официальную политику государства; в-третьих, РСФСР дефинитивно оттенила гражданство такими нравственными основаниями, как «признание и уважение достоинства, основных прав и свобод человека», что характеризует изменение акцентов государственной политики, незамедлительно включенных в правовую дефиницию гражданства.

Приведенные определения гражданства СССР и РСФСР показали совпадение таких характеристик данного феномена, как взаимность прав, обязанностей и ответственности между гражданином и государством.

Конституционные положения о гражданстве, закрепленные в ст. 6, 61, 62 Конституции Российской Федерации (1993), конкретизированы в Федеральном законе от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации». Понятийно гражданство Российской Федерации определено как «устойчивая правовая связь лица с Российской Феде-

рацией, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей». В этой формулировке сохранилась преемственность в определении гражданства РСФСР относительно «устойчивой правовой связи», «взаимности прав и обязанностей». При этом погрешностью, полагаем, стал дефинитивный отказ от «взаимности ответственности», в силу чего оказалось обедненным юридическое содержание отношений гражданства.

Определенным компенсаторным механизмом здесь можно считать введенную Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 243-ФЗ в закон о гражданстве (2002) присягу «лица, приобретающего гражданство Российской Федерации» (ст. 11.1). Однако отношения гражданства распространяются не только на натурализованных, но и урожденных российских граждан. Представляется, что взаимная ответственность гражданина и государства требуется и потому, что это объективный признак правоотношений, к которым явно относится гражданство.

Внесенный Президентом Российской Федерации в Государственную Думу проект Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» (от 28 декабря 2021 г. № Пр-2534) в плане определения гражданства по сравнению с действующим законом изменений не привнес. Возможно, они появятся при прохождении законопроекта в палатах Федерального Собрания России, и трактовка гражданства Российской Федерации будет включать взаимную ответственность российского гражданина и Российского государства.

Таким образом, законодательное определение гражданства отражает, с одной стороны, суверенную волю государства, с другой – официальную заявку структуры и приоритетов отношений гражданства. Ставка на «правовую связь» и отказ от ее политической составляющей показательно характеризует акценты государственного строительства России в условиях конституционного запрета на установление государственной или обязательной идеологии (ч. 2 ст. 13).

Право на гражданство: конституционные и законодательные версии

Право на гражданство в основных законах СССР (1977) и РСФСР (1978) не было формализовано. При этом законы о гражданстве СССР и о гражданстве РСФСР определяли гражданство позитивным правом в совпадающей формулировке «...каждый человек имеет право на гражданство». Условия и порядок реализации этого права детализировался законодательно.

После внесения Законом Российской Федерации от 21 апреля 1992 г. № 2708-I в Конституцию (Основной закон) Российской Федерации – России изменений, коснувшихся и гражданства, оно стало адресоваться как право «каждому»: ст. 36 «Каждый имеет право на приобретение и прекращение гражданства Российской Федерации...». В контексте государственного строительства полагаем значимым акцентировать на этом внимание. Данный конституционный подход России, с одной стороны, сигнализировал о политике открытости страны, с другой – сбивал с толку и противоречил вполне рациональному правилу: один человек – одно гражданство. Поскольку каждое государство считает гражданина, имеющего и иное гражданство, только своим и несет обязанности по отношению к нему, между государствами гражданства по этому поводу могут возникать не просто коллизионные, но и спорные моменты.

Видимо, рационально реагируя на это, ни в Конституцию Российской Федерации (1993), ни в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» (2002) выражение «право на гражданство» не включено. Следовательно, формальных оснований для признания гражданства позитивным правом нет. Однако это не препятствует исследователям интерпретировать и разрабатывать гражданство именно как право и включать его в качестве элемента в структуру правового статуса личности, о чем наглядно свидетельствует представленный во введении анализ.

Таким образом, изменявшиеся конституционные и законодательные версии относительно права на гражданство завершились определенностью. Это не сказалось на научных подходах к исследованию гражданства в контексте права на гражданство.

Принципы гражданства: «переключки» каталогов и содержания

Основополагающие начала гражданства, как это и положено, отражались на конституционном уровне, но не именовались принципами. Они получили такой статус по итогам научно-интерпретационной деятельности, опирающейся на законодательные нормы, в которых содержались статьи, определяющие принципы гражданства. Анализ конституционных норм, связанных с гражданством, показал, что при сохранении в целом каталога основополагающих начал смысл ряда из них оказывался противоположным.

Так, Конституция СССР 1977 г. устанавливала «единое союзное гражданство», пользование гражданами СССР за границей «защитой и покровительством Советского государства» (ст. 33). Указанные основополагающие позиции в ранге принципов получили закрепление в Законе от 23 мая 1990 г. № 1518-І «О гражданстве СССР», а в дополнение введены и такие принципы, как недопустимость произвольного лишения гражданства и права его изменить («Никто не может быть произвольно лишен гражданства или права изменить гражданство» (ст. 3)); не признание за гражданином СССР иностранного гражданства («За лицом, являющимся гражданином СССР, не признается принадлежность к гражданству иностранного государства» (ст. 11)); допустимость принятия иностранного гражданина в гражданство СССР («Иностранные граждане и лица без гражданства могут быть по их ходатайствам приняты в гражданство СССР...» (ст. 18)); недопустимость дискриминации при приеме в гражданство СССР (ст. 18).

В Конституции (Основном законе) РСФСР от 12 апреля 1978 г. гражданство РСФСР также именовалось «единым союзным» (ст. 31), в силу чего «каждый гражданин РСФСР является гражданином СССР». Соответственно именно Законом о гражданстве СССР определялись «Основания и порядок приобретения и утраты советского гражданства». Именно этим объясняется появление закона о гражданстве РСФСР только в 1991 г. Закономерными были и иные положения данной нормы, согласно которым граждане других союзных республик пользовались на территории РСФСР одинаковыми правами с гражданами РСФСР, а граждане РСФСР за границей «пользовались защитой и покровительством Советского государства». О гражданстве иностранного государства, о двойном гражданстве в Основном законе 1978 г. в его изначальной редакции не упоминалось.

Период изменения направления советского государственного строительства (1987–1991), именуемый «перестройкой», сказался на тексте Конституции РСФСР 1978 г., в который, начиная с 1989 г., стали вноситься масштабные по количеству (более 300 поправок) и принципиальной разительности изменения. По сути, получился новый текст Основного закона нового по наименованию государства – Конституция (Основной закон) Российской Федерации – России от 12 апреля 1978 г. (с изменениями и дополнениями от: 27 октября 1989 г., 31 мая, 16 июня, 15 декабря 1990 г., 24 мая, 3 июля, 1 ноября 1991 г., 21 апреля 1992 г.). Трансформации неизбежно коснулись гражданства: оно стало гражданством Российской Федерации; адресовалось «каждому» в качестве права; характеризовалось недопустимостью его лишения и высылки гражданина Российской Федерации за ее пределы.

Закон «О гражданстве РСФСР» 1991 г. включил и такие принципы гражданства Российской Федерации, как добровольность («...никто не может быть лишен... права изменить свое гражданство»); недопустимость произвольной выдачи гражданина Российской Федерации («...не может быть выдан другому государству иначе как на основании закона или международного договора Российской Федерации»).

При анализе данного закона обращает на себя внимание норма, воспроизведенная по аналогии с законом о гражданстве СССР, а именно: граждане Российской Федерации, «постоянно проживающие на территории республики в составе Российской Федерации, являются одновременно гражданами этой республики» (ч. 2 ст. 2). Если для СССР, состоящего из суверенных республик, такое положение было логичным, то для Российской Федерации – не вполне, поскольку республики в ее составе не наделялись суверенитетом. Именно поэтому формализовать и реализовать институт гражданства республик в составе Российской Федерации не получилось, и данная норма осталась «нормой на бумаге», не перекочевавшей в новый федеральный закон о гражданстве Российской Федерации 2002 г.

Прекращение существования Союза ССР как субъекта «международного права и геополитической реальности», констатированное 8 декабря 1991 г.¹ перевело Декларацию о государственном суверенитете Российской Федерации от 12 июня 1990 г. из разряда внутрисоюзного в ранг национального официального документа с последовавшими за этим изменениями русла конституционного строительства.

Принятая по итогам всенародного голосования 12 декабря 1993 г. Конституция Российской Федерации, объявив Россию демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления (ст. 1), артикулировала не только четкие ценностные ориентиры в пользу человека, его прав и свобод, но и принципы построения самого государства, включая формат взаимоотношений между обществом и государством. Это закономерно отразилось на гражданстве Российской Федерации: оно получило статус основы конституционного строя; порядок его приобретения и прекращения определяется новой формой закона, а именно федеральным законом; является единым и равным вне зависимости от оснований приобретения; сохранена недопустимость лишения гражданства и права его изменить (ст. 6).

В контексте правового статуса личности, интегрально отраженного в Главе 2 Конституции России (1993), установлена недопустимость высылки и выдачи российского гражданина другому государству (ч. 1 ст. 61). В этой же конституционной главе была отражена позиция Российской Федерации в отношении двойного гражданства, которому будет уделено внимание в отдельной композиционной части данной статьи.

Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» (2002) включает специальную статью 4, посвященную принципам российского гражданства. Исходно в ней подчеркнуто, что такие принципы, равно как и правила, регулирующие вопросы гражданства Российской Федерации, «не могут содержать положений, ограничивающих права граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности», что соответствует ст. 19 действующей Конституции Российской Федерации. Аналогичные по смыслу положения содержались в законах о гражданстве и СССР, и РСФСР. Налицо преемственность и в части, касающейся принципов единого и равного (независимо от оснований его приобретения) гражданства.

Принципы недопустимости: лишения гражданства Российской Федерации или права изменить, высылки российского гражданина за пределы России, выдачи его иностранному государству по сравнению с законом о гражданстве СССР исключили любые основания для этого. Тем самым подчеркнута приверженность ценностной установке Российского государства в пользу человека, его прав и свобод.

В проекте Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» (от 28 декабря 2021 г. № Пр-2534) также нашли свое отражение принципы гражданства Российской Федерации, но поименованы они «основными», что позволяет полагать, что каталог принципов может расширяться, но не ужиматься. К числу основных принципов россий-

¹ Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (Минск, 8 декабря 1991 г.) // <https://base.garant.ru/1118203/>

ского гражданства предложено отнести уже упоминаемые выше принципы единого и равного гражданства, добровольный характер гражданства, недопустимость лишения гражданства, выдачи российского гражданина иностранному государству, высылки за пределы страны. В законопроекте также подчеркнут недискриминационный характер регулирования отношений гражданства.

Таким образом, изменявшиеся нюансы приоритетов государственного строительства сказались преимущественно не на каталоге, а на содержании принципов гражданства даже при совпадении их лексической формы.

Покровительство и защита граждан за границей: трансформация роли государства

Покровительство и защита граждан за границей со стороны государства выступает правом по отношению к другим государствам и обязанностью по отношению к своим гражданам. Именно поэтому во все исследуемые конституционные тексты тесно связанных между собой государств включены положения о защите и покровительстве в отношении граждан, находящихся за пределами страны гражданства.

Анализ показал, что при сохранении отношений гражданства за границей изменилась их суть: граждане СССР, равно как и граждане РСФСР, за границей (1978–1990) «пользовались» защитой и покровительством СССР; граждане РСФСР за пределами республики (1991) «находились» под защитой и покровительством РСФСР и СССР; гражданам Российской Федерации – России (1992) «гарантировались» защита и покровительство за ее пределами. По действующей Конституции Российская Федерация защиту и покровительство своим гражданам за пределами страны также «гарантирует» (ч. 2 ст. 61). Таким образом, в рамках трансформации конституционных формулировок данного принципа очевидна смена не только «активного» субъекта, но рамок такой активности.

В Федеральном законе «О гражданстве Российской Федерации» конституционная норма о гарантировании «защиты и покровительства» гражданам за пределами страны трансформировалась в «предоставление»: ч. 1 ст. 7 «Гражданам Российской Федерации, находящимся за пределами Российской Федерации, предоставляются защита и покровительство Российской Федерации». Аналогичная формулировка конституционного положения (ч. 2 ст. 61) предложена и в ч. 1 ст. 6 законопроекта о российском гражданстве.

Таким образом, глагольный ряд, отражавший и отражающий отношения между гражданином, находящимся за границей, и государством его гражданства, выглядит так: гражданин СССР и гражданин РСФСР «пользовался» защитой и покровительством со стороны государства гражданства; конституционно граждане РСФСР (в ред. 1991 г.) за пределами республики «находились» под защитой и покровительством РСФСР и СССР; конституционно гражданину Российской Федерации «гарантируется» защита и покровительство; законом гражданину Российской Федерации «предоставляется» защита и покровительство; законопроектом гражданину Российской Федерации защита и покровительство также «предоставляется».

Обращает на себя внимание то, что в законопроекте сохранилось нарушение логики в последовательности предоставляемого: очевидно, что исходным является покровительство, а затем при необходимости – защита. Есть также сомнение в удачности замены конституционно примененного термина «гарантировать» законодательным/законопроектным – «предоставлять»: в правозащитном смысле первый значительно более ёмкий. Для понимания этого даже не нужно вдаваться в подробности содержания специальных юридических терминов «гарантировать» и «предоставлять», достаточно прочувствовать разницу их прямых синонимов: гарантировать – «поручиться», «ответить головой» и др.; предоставлять – «давать», по сути – реагировать на соответствующую просьбу.

Двойное гражданство: кульбиты законодательства

Как уже отмечалось, признание/непризнание у гражданина наличия иного гражданства для государства дело принципиальное: Конституцией СССР 1977 г. и Основным законом РСФСР 1978 г. (в его изначальной редакции) за гражданином СССР/РСФСР иностранное гражданство не признавалось.

Показательной позицией государства по отношению к двойному гражданству являлась ст. 3 Закона «О гражданстве РСФСР» 1991 г., согласно которой по общему правилу за лицом, «состоящим в гражданстве Российской Федерации, не признается принадлежность к гражданству другого государства...». Однако может возникать «иное», предусмотренное международным договором Российской Федерации: «Гражданину Российской Федерации может быть разрешено по его ходатайству иметь одновременно гражданство другого государства, с которым имеется соответствующий договор Российской Федерации». По сути, речь велась о двойном гражданстве. При этом российские граждане, имеющие также иное гражданство, на этом основании не могли ограничиваться в правах, уклоняться от выполнения обязанностей или освобождаться от ответственности, вытекающих из гражданства Российской Федерации. Данная норма в полной мере соответствовала определению российского гражданства, выразившегося в совокупности взаимных (между гражданином и государством гражданства) прав, обязанностей и ответственности.

Затем подход ко второму/двойному гражданству изменился принципиально: если прежде «иностранцы граждане» по ходатайству могли получать российское гражданство (позиция открытости Российского государства «во внутрь»), то теперь «российские граждане» вправе иметь «гражданство иностранного государства (двойное гражданство) в соответствии с федеральным законом или международным договором» (ч. 1 ст. 62) (позиция открытости Российского государства «во вне»). Специальный конституционный акцент сделан на том, что наличие у гражданина России гражданства иностранного государства «не умаляет его прав и свобод и не освобождает от обязанностей, вытекающих из российского гражданства, если иное не предусмотрено федеральным законом или международным договором Российской Федерации» (ч. 2 ст. 62).

Отметим, что в конституционной формулировке «гражданство иностранного государства» и «двойное гражданство» воспринимаются как синонимы. Однако здесь есть тонкости: как правило, в соответствии с федеральным законом у российского гражданина может появиться второе гражданство, а в соответствии с международным договором – двойное. Определенность появляется в ходе законодательного регулирования данного вопроса.

В действующем Федеральном законе о гражданстве Российской Федерации вопросы именно двойного гражданства прописаны отдельной статьей, согласно которой российский гражданин «имеющий также иное гражданство, рассматривается Российской Федерацией только как гражданин Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных международным договором Российской Федерации или федеральным законом». Подчеркнуто, что приобретение российским гражданином «иного гражданства не влечет за собой прекращение гражданства Российской Федерации». В проекте нового закона о гражданстве (от 28.12.2021 № Пр-2534) относительно двойного гражданства представлена аналогичная позиция. Вместе с тем в силу новых конституционных установлений в нем четко обозначено, что федеральным законом «могут быть предусмотрены ограничения в отношении гражданина Российской Федерации, имеющего двойное гражданство или множественное гражданство...». Заслуживает внимания и законопроектная норма о том, что федеральными законами и международными договорами Российской Федерации могут устанавливаться «особенности правового положения гражданина Российской

Федерации, имеющего двойное гражданство». Возникает вопрос о согласовании данной нормы с вышеприведенным конституционным положением ч. 2 ст. 62.

Таким образом, двойное гражданство, получая законодательное закрепление, пополняется новым содержанием, что несомненно еще привлечет внимание исследователей, в том числе с учетом нижеследующего.

Добавочная ипостась гражданства в Российском государстве

Необходимо обратить внимание на то, что в рамках обновления Конституции России 2020 г., направленного на совершенствование организации и функционирования публичной власти, гражданство получило добавочную ипостась, а именно – статус ценза: наличие у российского гражданина гражданства иностранного государства выступает ограничительным барьером в доступе к должностям публичной службы. Так, согласно Конституции, в ведении Российской Федерации находится «установление ограничений для замещения государственных и муниципальных должностей, должностей государственной и муниципальной службы, в том числе ограничений, связанных с наличием гражданства иностранного государства (п. «т» ст. 71). Для должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации конституционно установлены не только цензы российского гражданства, возраста, постоянного проживания в России, но теперь и ценз отсутствия гражданства иностранного государства (ч. 3 ст. 77).

Ценз отсутствия гражданства иностранного государства введен также для должностей руководителя федерального государственного органа (ч. 5 ст. 78), Президента Российской Федерации (ч. 2 ст. 81), сенатора Российской Федерации (ч. 4 ст. 95), депутата Государственной Думы (ч. 1 ст. 97), Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (п. «е» ч. 1 ст. 103), Председателя и заместителя Председателя Правительства Российской Федерации, федерального министра, иного руководителя федерального органа исполнительной власти (ч. 4 ст. 110), судьи (ст. 119), прокурора (ч. 2 ст. 129).

Приведенные нормы из различных конституционных глав, а также их конкретизирующие положения законопроекта о гражданстве Российской Федерации как будто конфликтуют с нормой о недопустимости дискриминации, в том числе по признаку гражданства. Однако для лиц, претендующих на осуществление публичной власти в России (и в любой иной стране), и конституционно, и законодательно устанавливаются так называемые «входные цензы» в целях обеспечения государственного суверенитета и национальной безопасности. При этом совершенно определено, что роль гражданства как ценза требует специального и углубленного конституционно-правового изучения, в том числе в компаративном ключе.

Заключение

Подытоживая рассмотрение гражданства в ракурсах понятийной формализации, позитивного права, каталога и содержания его принципов, покровительства и защиты граждан за границей, двойного гражданства и ценза иностранного гражданства, отметим, что новые вызовы государственного строительства России и угрозы ее национальному суверенитету и безопасности с очевидностью воздействовали и продолжают влиять на конституционно-правовое регулирование российского гражданства.

Изменения в конституционно-правовом упорядочивании отношений гражданства сообразно заявляемым ценностям и приоритетам государственной политики вдохновляли представителей конституционно-правовой науки пристально исследовать феномен гражданства в признанных устойчивых ракурсах и в расширяющемся факторном сопряжении в пользу понимания этого ёмкого юридического феномена.

Анализ формализованных характеристик гражданства показал рецепцию законодательством о гражданстве тонкостей изменения политики государства. В частности, зако-

нодательное определение гражданства отражало и отражает, с одной стороны, суверенную волю государства, с другой – официальную заявку структуры и приоритетов отношений гражданства. Ставка на «правовую связь» вкупе с отказом от ее политической составляющей показательно характеризует акценты государственного строительства России в условиях конституционного запрета на установление государственной или обязательной идеологии (ч. 2 ст. 13). Помимо этого, выявлено, что изменявшиеся конституционные и законодательные версии относительно права на гражданство выразились в отказе от формализации этой ипостаси гражданства, что, однако, не сказалось на научных подходах к исследованию гражданства в контексте права на гражданство.

Исследование гражданства с позиции его принципов показало, что изменявшиеся нюансы приоритетов государственного строительства сказались преимущественно не на их каталоге и наименованиях, а на содержании. Трансформация позиции государства по отношению к покровительству и защите граждан за границей выразилась прежде всего в конституционном и законодательном изменении сути этого: граждане «пользовались» защитой и покровительством СССР/РСФСР и «находились» под защитой и покровительством РСФСР и СССР; государство конституционно «гарантировало/гарантирует» защиту и покровительство, а законодательно «предоставляет» их.

Двойное гражданство в качестве ракурса исследования гражданства также весьма показательно оттеняет государственную политику. Получая законодательное закрепление, двойное гражданство пополняется новым содержанием, требующим специального научного внимания с учетом современных тенденций.

Обновленный текст Конституции России учредил дополнительную ипостась иностранного гражданства, а именно статус входного ценза при доступе к публичной службе всех ветвей и уровней.

Отметим также, что постигать конституционно-правовые смыслы российского гражданства, которые могут открываться под влиянием актуальных направлений государственного строительства, не только невероятно интересно, но и продуктивно в научном и практическом планах.

Список литературы

- Авакьян С.А. 2003. Россия: гражданство, иностранцы, внешняя миграция. Санкт-Петербург, 643 с.
- Бабурин С.Н. 1996. Современные проблемы российской государственности: территория и гражданство. *Государство и право*, 11: 60–65.
- Бронников И.А., Карпова В.В. 2021. Цифровое гражданство в Российской Федерации: политические риски и перспективы. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*, 26(3): 123–133. DOI: [10.15688/jvolsu4.2021.3.11](https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.11)
- Ванюшин Ян. Л. 2010. Гражданство и подданство: некоторые вопросы соотношения. *Проблемы права*, 1 (21): 61–65.
- Витрук Н.В. 2008. Общая теория правового положения личности. М., Инфра-М, 448 с.
- Воронина Н.А., Хазов Е.Н. 2020. Двойное гражданство и множественное гражданство проблемы и перспективы признания в России. *Международный журнал конституционного и государственного права*, 3: 58–61.
- Дадаева М.С. 2020. Двойное гражданство и второе гражданство. *Вопросы устойчивого развития общества*, 8: 229–232. DOI: [10.34755/IROK.2020.31.26.051](https://doi.org/10.34755/IROK.2020.31.26.051)
- Джафаров С.А. 2007. Национальная безопасность России (аспекты: гражданство, иностранцы, транснациональная незаконная миграция). М., Изд. ЦТМ-Пресс, 599 с.
- Зайцева О.Б. 2010. Гражданство как основание для субъектной дифференциации правового регулирования трудовых отношений. *Трудовое право в России и за рубежом*, 1: 13–17.
- Керопян А.А. 2009. Гражданство Европейского Союза. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*, 1: 79–85.
- Кутафин О.Е. 2004. Российское гражданство. М., Юристъ, 589 с.

- Маленков В.В. 2021. Активное гражданство: концепт и его эмпирические проекции (по результатам исследования тюменской молодежи). *Социологические исследования*, 3: 131–136. DOI: 10.31857/S013216250012707-0
- Мархгейм М.В. 2021. Гражданство в лабиринтах государственного строительства. В кн.: Конституционализм: симбиоз науки и практики: Материалы Международного круглого стола, посвященного памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Н.В. Витрука (Белгород, 11–12 ноября 2021 г.). Белгород: 14–24.
- Мархгейм М.В. 2021. Гражданство Российского государства: интерпретационные традиции и конституционно-правовые новеллы. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*, 7 (134): 50–52.
- Пешин Н.Л. 2015. Спортивное гражданство: содержание понятия и его соотношение с гражданством государства. *Вестник Российского Международного Олимпийского Университета*, 1(14): 28–37.
- Сигарева Е.П. 2006. Миграция и гражданство: проблемы и последствия. М., Издательство: Ин-т социально-политических исслед. РАН, 47 с.
- Тагиев Ф.С. 2006. Гражданство в странах СНГ. СПб., Реноме, 140 с.
- Христова Х.А. 2020. Корпоративное гражданство как конкурентное преимущество. *Научные вести*, 3 (20): 177–187.
- Чаннов С.Е. 2008. Гражданство как условие поступления на государственную и муниципальную службу. *Алтайский вестник государственной и муниципальной службы*, 2: 37–39.
- Шафранская А.М. 2020. Двойное гражданство как фактор иностранного влияния в политическом процессе. *Выборы: теория и практика*, 2 (54): 32–37.
- Яковлев А.А. 2002. Использование термина гражданство в международном и внутригосударственном праве: сравнительный анализ. *Международное публичное и частное право*, 3: 9–14.

References

- Avak'yan S.A. 2003. Russia: citizenship, foreigners, immigration. Sankt-Peterburg, 643 p. (In Russian)
- Baburin S.N. 2016. Sovremennye problemy rossijskoj gosudarstvennosti: territoriya i grazhdanstvo [Modern problems of Russian statehood: territory and citizenship]. *Gosudarstvo i pravo*, 11: 60–65.
- Bronnikov I.A., Karpova V.V. 2021. Digital Citizenship in the Russian Federation: Political Risks and Prospects. *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*, 26(3): 123–133. (In Russian) DOI: [10.15688/jvolsu4.2021.3.11](https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.11)
- Vanyushin Ya.L. 2010. Citizenship and Allegiance: Some Balance Is. *Problemy prava*, 1 (21): 61–65. (In Russian)
- Vitruk N.V. 2008. Obshchaya teoriya pravovogo polozheniya lichnosti [General theory of the legal status of the individual]. М., Publ. Infra-M, 448 p.
- Voronina N.A., Hazov E.N. 2020. Dvoynoe grazhdanstvo i mnozhestvennoe grazhdanstvo problemy i perspektivy priznaniya v Rossii [Dual citizenship and multiple citizenship problems and prospects of recognition in Russia]. *Mezhdunarodnyj zhurnal konstitucionnogo i gosudarstvennogo prava*, 3: 58–61.
- Dadaeva M.S. 2020. Dual citizenship and second citizenship. *Issues of sustainable development of society*, 8: 229–232. (In Russian)
- Dzhafarov S.A. 2007. Nacional'naya bezopasnost' Rossii (aspekty: grazhdanstvo, inostrancy, transnacional'naya nezakonnaya migraciya) [National security of Russia (aspects: citizenship, foreigners, transnational illegal migration)]. М., TSTM-Press, 599 p.
- Zajceva O.B. 2010. Grazhdanstvo kak osnovanie dlya sub'ektnoj differenciacii pravovogo regulirovaniya trudovyh otnoshenij [Citizenship as a basis for the subject differentiation of the legal regulation of labor relations]. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom*, 1: 13–17.
- Keropyan A.A. 2009. Citizenship of the European Union. *RUDN Journal of Law*, 1: 79–85. (In Russian)
- Kutafin O.E. 2004. Rossijskoe grazhdanstvo [Russian citizenship]. М., Publ. Yurist", 589 p.
- Malenkov V.V. 2021. Active Citizenship: Concept and Its Empirical Projections (Based on the Results of Tyumen Youth Survey). *Sociologicheskie issledovaniya*, 3: 131–136. (In Russian). DOI: 10.31857/S013216250012707-0

- Marhgejm M.V. 2021. Citizenship in the labyrinths of state-building. *In: Constitutionalism: Symbiosis of Science and Practice: Materials of the International Round Table dedicated to the memory of the Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of Russia, Doctor of Law, Professor N.V. Vitruk (Belgorod, November 11–12, 2021).* Belgorod: 14–24. (In Russian)
- Marhgejm M.V. 2021. Grazhdanstvo Rossijskogo gosudarstva: interpretacionnye tradicii i konstitucionno-pravovye novelly [Citizenship of the Russian State: interpretive traditions and constitutional and legal novels]. *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, 7(134): 50–52.
- Peshin N.L. 2015. Sportivnoe grazhdanstvo: sodержanie ponyatiya i ego sootnoshenie s grazhdanstvom gosudarstva [Sports citizenship: the content of the concept and its relation to the citizenship of the state]. *Vestnik Rossijskogo Mezhdunarodnogo Olimpijskogo Universiteta*, 1(14): 28–37.
- Sigareva E.P. 2006. Migraciya i grazhdanstvo: problemy i posledstviya [Migration and citizenship: problems and consequences]. M., Publ. Institut sotsial'no-politicheskikh issledovanii, 47 p.
- Tagiev F.S. 2006. Grazhdanstvo v stranah SNG [Citizenship in the CIS countries]. SPb., Publ. Renome, 140 p.
- Hristova H.A. 2020. Korporativnoe grazhdanstvo kak konkurentnoe preimushchestvo [Corporate citizenship as a competitive advantage]. *Nauchnye vesti*, 3 (20): 177–187.
- CHannov S.E. 2008. Grazhdanstvo kak uslovie postupleniya na gosudarstvennuyu i municipal'nuyu sluzhbu [Citizenship as a condition for admission to state and municipal service]. *Altajskij vestnik gosudarstvennoj i municipal'noj sluzhby*, 2: 37–39.
- SHafranskaya A.M. 2020. Dvojnoe grazhdanstvo kak faktor inostrannogo vliyaniya v politicheskom processe [Dual citizenship as a factor of foreign influence in the political process]. *Vybory: teoriya i praktika*, 2 (54): 32–37.
- Yakovlev A.A. 2002. Ispol'zovanie termina grazhdanstvo v mezhdunarodnom i vnutrigosudarstvennom prave: sravnitel'nyj analiz [The use of the term citizenship in international and domestic law: a comparative analysis]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*, 3: 9–14.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мархгейм Марина Васильевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права, юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Markhgeym Marina V., Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law, Law Institute, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 342.9

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-1-110-116

О проблеме определения понятия законности в деятельности публичной администрации в России

Полонский Д.М.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85,
E-mail: Polonskiy_D@bsu.edu.ru

Аннотация. В порядке постановки научной проблемы представлена авторская позиция относительно природы и содержания понятия «законность в деятельности публичной администрации». Показана необходимость всестороннего исследования такого многогранного феномена, как законность, а также в переосмыслении отдельных теоретических и практических вопросов законности в деятельности субъектов публичной администрации. Выявлены особенности определения различных подходов к определению законности как принципа метода и специфического правового режима в государственном управлении. Отмечено, что в современной юридической науке дискуссионными являются вопросы относительно понятия публичной администрации и круга субъектов, входящих в ее систему. На основе рассмотрения научных подходов к определению содержания понятий «режим законности», «субъект публичной администрации» вводится в научный оборот авторское определение понятия «режима законности в деятельности субъекта публичной администрации», раскрываются основные признаки такого режима.

Ключевые слова: законность, принцип, метод, правовой режим, публичная администрация, субъект публичной администрации

Для цитирования: Полонский Д.М. 2022. О проблеме определения понятия законности в деятельности публичной администрации в России. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 47(1): 110–116. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-110-116

On the Problem of Defining the Concept of Legality of the Public Administration Activities in Russia

Polonskiy D.M.

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation
E-mail: Polonskiy_D@bsu.edu.ru

Abstract. In order to formulate a scientific problem, the author's position on the nature and content of the concept of "legality in the activities of public administration" is presented. The need for a comprehensive study of such a multifaceted phenomenon as legality is shown, as well as for rethinking certain theoretical and practical issues of legality in the activities of public administration entities. The features of the definition of various approaches to the definition of legality as the principle of the method and the specific legal regime in public administration are revealed. It is noted that in modern legal science, questions regarding the concept of public administration and the circle of subjects included in its system are debatable. Based on the consideration of scientific approaches to the definition of the content of the concepts of "regime of legality", "subject of public administration", the author's definition of the concept of "regime of legality in the activities of the subject of public administration" is introduced into scientific circulation, the main features of such a regime are revealed.

Keywords: legality, principle, method, legal regime, public administration, the subject of public administration

For citation: Polonsky D.M. 2022. On the Problem of Defining the Concept of Legality of the Public Administration Activities in Russia. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(1): 110–116 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-110-116

Введение

Человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, личность, свобода и неприкосновенность последовательно устанавливаются в российском общественном сознании как наивысшие социальные ценности, главные ориентиры во всех сферах общественной деятельности, а их утверждение, гарантированность и охрана декларируются главными и определяющими целями и задачами развития государства и общества. Решение подобных задач требует осуществления значительных изменений общественной жизни, реализации новых форм общественной самоорганизации, усовершенствования построения и функционирования существующих государственных институтов. Так, одним из важнейших и актуальнейших направлений в оценке взаимодействия органов исполнительной власти и органов местного самоуправления между собой, а также с физическими лицами и организациями в административно-правовой сфере является разработка научно обоснованных подходов к пониманию публичной администрации в России, ее системы и структуры. Актуализации данного вопроса способствуют внесенные в 2020 г. изменения в ст. 132 Конституции Российской Федерации¹.

На сегодня категория «публичная администрация» еще не используется в законодательстве Российской Федерации, но прогрессивная теория административного права выделяет данное понятие как новое и значимое, поскольку в ч. 2 ст. 132 Конституции РФ выделяется единая система публичной власти в России, в состав которой входят как органы исполнительной власти, так и органы местного самоуправления, наделяемые административно-публичными полномочиями. В связи с этим данные органы оправданно рассматриваются целым рядом ученых-административистов под различными углами зрения в качестве субъектов административных правоотношений, функционально объединяемых с такой категорией, как публичная администрация [Бахрах, 2006; Зеленцов, Ястребов, 2019; Стахов, Ландерсон, 2021].

В свою очередь, процессы формирования в России правового государства, дальнейшее социально-экономическое развитие общественных отношений, внедрение современных стандартов в разных сферах государственного управления постоянно обуславливают необходимость решения проблем обеспечения правопорядка и законности как неотъемлемых атрибутов демократически организованного общества. При этом представления о законности в общетеоретическом аспекте, по нашему мнению, уже давно требует своего расширения, путем переноса акцентов изучения указанного явления в сферу правовой регламентации и проведения дальнейших исследований развития теоретической концепции законности в границах отраслевых наук.

Отсюда, наряду с классическими подходами к исследованию законности в государственно управленческой деятельности, деятельности отдельных органов исполнительной власти или местного самоуправления, абсолютно оправдано применяемых до недавнего времени учеными правоведами [Полонский, 2011; Ярковой, 2017; Высоцкий, 2018; Семенов, 2020], назрела острая необходимость в переосмыслении отдельных теоретических и практических вопросов законности в деятельности публичной администрации.

¹ Конституция РФ с внесенными поправками от 14.03.2020. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата доступа: 04.07.2020).

Законность: основные подходы к определению понятия

Законность – это и фундаментальная юридическая категория, и в то же время комплексное юридико-правовое явление, отображающее юридическую связь права и власти, права и государства. Законность – это атрибут существования и развития демократически организованного общества, столь необходимый для обеспечения свободы и реализации прав граждан, осуществления демократии, деятельности гражданского общества, научно-обоснованного построения и рационального функционирования государства.

Основной закон РФ в ст. 15 утверждает базовый принцип обеспечения правового порядка в государстве и обществе: органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы. В результате в отечественной науке сформировалась определённая концепция законности, которая состоит в неуклонном соблюдении законов и подзаконных актов всеми субъектами права.

Существует несколько концептуальных подходов для понимания законности в государственном управлении. Первый определяет сущность законности с помощью системы нормативных требований, то есть рассматривает законность как руководящий принцип правового регулирования, один из основополагающих принципов деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, общественных организаций, службы должностных лиц и поведения граждан [Долгопят, 2015; Колесников, 2020]. В толковых словарях понятие законности обычно также определяется как общепринятый принцип, устоявшееся правило сосуществования, норма поведения, охраняемая законом. При этом указанный принцип базируется на подзаконном характере государственной управленческой деятельности и обязывает каждого субъекта государственного управления действовать в пределах предоставленных ему прав и возложенных на него обязанностей. Такое определение законности отражает ее важнейший признак – требование ко всем участникам общественных отношений строго соблюдать законы государства. Однако, должны отметить, что этимология категории «принцип» – «требование» переносит саму законность из сферы практической деятельности в область идеологии, так как провозглашение любого из принципов еще не означает его реализацию в жизни.

Несколько отличается от указанного второй подход, когда исследователи рассматривают законность как метод государственного управления [Афанасьев, 1993, с. 35], который состоит из организации общественных отношений путем издания и строгого исполнения законов и других подзаконных актов. По нашему мнению, этим определением содержание понятия законности существенно расширяется, так как к нему относят процессы нормотворчества и правореализации. Это приводит к отождествлению законности с другим социально-правовым феноменом – правовым регулированием общественных отношений. При этом законность является хоть и важной, но все же составляющей частью государственно-правового механизма регулирования общественных отношений.

Согласно третьему подходу, законность определяется сквозь призму процесса и конечного результата правомерного поведения. То есть законность представляется режимом деятельности всех государственных органов, должностных лиц, граждан и их объединений, что основывается на точном и неуклонном соблюдении действующего законодательства [Гранин, 1973; Кудрявцев, 1998].

Интересно, что по происхождению термин режим (от франц. *regime*, от латин. *regimen*) имеет несколько значений, некоторые из которых не сходятся по своему содержанию, например:

- государственный строй, совокупность способов и средств, методов и способов осуществления власти;

- строго установленный распорядок жизни;
- система общеобязательных правил, требований, норм, принципов для какого-либо вида деятельности;

- определенное состояние, положение, статус;
- совокупность правил, мер норм для достижения поставленной цели ¹.

Приведенная многозначность часто истолковывается как междисциплинарность. Однако этот признак термина не является производным от его полисемичности и не исходит из наличия множества разных по смыслу значений одного и того же слова, а является результатом инвариантной части содержания этого понятия, которая привлекает внимание ученых разных отраслей знаний для определения особенных качеств исследуемого предмета как режима. Так, чтобы подчеркнуть реальность законности в государственном управлении, акцентируют на том, что законность – это специфический государственно-правовой режим, с помощью которого обеспечивается общеобязательность юридических норм в обществе и государстве.

Необходимо указать на многоаспектное содержание понятия законность. В научной литературе можно выделить более тридцати разноплановых авторских определений указанного понятия. При этом анализ различных точек зрения на определение законности не дает оснований противопоставить одно определение другому, так как все они отображают присутствующие черты и свойства этого сложного и многогранного социального явления. Из этого следует, что законность как специфическое явление имеет сложную структуру и проявляется в разных аспектах, в следствие чего разнообразие к подходу понимания законности, является оправданным и верным. Достаточно сложно свести определение законности к какой-либо одной характерной черте или особенности, поэтому каждая из сформулированных дефиниций законности не раскрывает полностью те признаки и особенности этого явления, которые сформулированы в ином определении.

Заслуживают внимания попытки отдельных исследователей сформулировать комплексное определение понятия «законность», которое бы интегрировало все существующие подходы. Тут же следует отметить, что такое задание не может быть выполнено исключительно механическим объединением разноплановых дефиниций.

Вынуждены также признать, что в результате такие определения часто страдают громоздкостью и расплывчатостью, из-за чего затрудняется их применение в научной и практической деятельности.

Режим законности в деятельности субъекта публичной администрации

Разные дефиниции законности отображают реальные, но разные стороны этого сложного явления, поэтому естественным будет подход к определению содержания законности через призму предмета исследуемых общественных отношений.

Это обуславливает выбор специфического подхода в определении законности в деятельности публичной администрации. Отсюда, с одной стороны, постараемся учесть существующие мнения о проявлении законности как принципа и метода, а с другой стороны полагаем, что в аспекте деятельности публичной администрации законность имеет более четкое проявление как специфический правовой режим.

На сегодня в теории административного права нет единого подхода к определению круга субъектов, входящих в состав публичной администрации. При этом наиболее устойчивым является подход, относящий органы исполнительной власти и органы местного самоуправления, выполняющие административно-публичные функции, к специализирован-

¹ Большой энциклопедический словарь. 1991. В 2 т. Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Сов. энцикл., Т. 2, с. 253; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. 1992. Толковый словарь русского языка. РАН. Ин-т рус. яз.; Российский фонд культуры. М.: Азъ, с. 696.

ным органам публичной власти, которые входят в единую подсистему публичной власти, называемую публичной администрацией.

В свою очередь, спорным остается вопрос отнесения к системе публичной администрации таких субъектов, как организации и отдельные лица, наделяемые статусом государственного или иного органа в целях осуществления административно-публичной функции, которые выполняют данную функцию в качестве своей основной деятельности наравне с органами исполнительной власти и органами местного самоуправления, осуществляющими административно-публичные функции. К таким субъектам можно отнести следующие организации: административную комиссию, комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав, Центральный банк Российской Федерации, Счетную палату Российской Федерации, Центральную избирательную комиссию, органы записи актов гражданского состояния (ЗАГС), организации, имеющие статус контрольного (надзорного) органа, некоторые виды государственных корпораций, государственных компаний и публично-правовых компаний (например: государственные корпорации «Росатом» и «Роскосмос», публично-правовые компании «Военно-строительная компания», «Единый заказчик в сфере строительства», «Фонд защиты прав граждан – участников долевого строительства») и иных субъектов, а в некоторых случаях и частных лиц, выполняющих функции публичной администрации.

Для нас, ключевым в данном вопросе, является выполнение указанными субъектами административно-публичных функций, а также наделение их статусом государственного или иного органа в целях осуществления отдельных административно-публичных функций, что безусловно отображается на их роли и задачах в обеспечении законности.

Учитывая существующие теоретические достижения административной правовой науки, определим, что по нашему мнению, законность в деятельности субъекта публичной администрации это правовой режим, при котором субъект публичной администрации обязан одновременно строго соблюдать требования действующего законодательства и обеспечивать безусловное исполнение общих и специальных правовых норм иными участниками административных правоотношений, возникающих при его непосредственном участии.

В свете указанного, режим законности в деятельности публичной администрации должен проявляться в том, чтобы, с одной стороны, все участники административных правовых отношений действовали в четко определенном правовом поле и строго соблюдали действующее законодательство, а с другой – все юридически значимые решения и действия субъектов публичной администрации соответствовали требованиям, методам, способам, процедурам и формам, установленным законом, не выходили за пределы компетенции указанных субъектов и не противоречили общеконституционным принципам, которые формируют основы функционирования правового государства

Заключение

На основании вышеизложенного считаем, что развитие современных научных представлений о феномене публичной администрации в России предопределяет острую необходимость в переосмыслении отдельных теоретических и практических вопросов законности в ее деятельности, изменении устоявшегося научного представления о законности в государственном управлении, а также в проведении дальнейших исследований развития теоретической концепции законности в границах отраслевых наук.

Ключевое значение в данном процессе занимает вопрос об определении актуального понятия и содержания законности. Полагаем, что многоаспектное содержание законности не позволяет ограничиться одним универсальным подходом к определению его понятия. При этом считаем оправданным выбранный подход к определению содержания законности через призму исследования общественных отношений, возникающих в процессе деятельности публичной администрации. Применение указанного подхода позволяет иссле-

довать и охарактеризовать признаки законности в деятельности публичной администрации как специфического правового режима, ввести в научный обиход авторское определение понятия законности в деятельности субъекта публичной администрации, а также закладывает теоретический фундамент для дальнейших научных исследований и решений существующих проблем обеспечения законности в государстве и обществе.

Список литературы

- Бахрах Д.Н. 2006. Поощрение в деятельности публичной администрации. *Журнал российского права*, 7: 68–78.
- Зеленцов А.Б., Ястребов О.А. 2019. Концепция публичной администрации в современном административном праве (сравнительно-правовое исследование). *Вестник СПбГУ. Право*, 10(4): 626–654. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.402>
- Стахов А.И., Ландерсон Н.В. 2021. Публичная администрация в России: понятие, система и структура. *Административное право и процесс*, 10: 4–15. DOI: [10.18572/2071-1166-2021-10-4-15](https://doi.org/10.18572/2071-1166-2021-10-4-15)
- Ярковой С.В. 2017. Законность и целесообразность административной правоприменительной деятельности. *Российский юридический журнал*, 5: 168–177.
- Высоцкий С.А. 2018. О понятии и содержании законности контрольно-надзорной деятельности ГИБДД МВД России. *Административное и муниципальное право*, 10: 6–15. DOI: [10.7256/2454-0595.2018.10.27785](https://doi.org/10.7256/2454-0595.2018.10.27785)
- Семенов М.И. 2020. Контроль законности деятельности органов местного самоуправления судами общей юрисдикции. *Государственная власть и местное самоуправление*, 11: 18–23. DOI: [10.18572/1813-1247-2020-11-18-23](https://doi.org/10.18572/1813-1247-2020-11-18-23)
- Долгопят А.О. 2015. Понятие и значение принципа законности. *Современная научная мысль*, 1: 193–19
- Колесников Е.В. 2020. Законность как принцип организации и деятельности органов государственной власти. *Российская юстиция*, 5: 2–4.
- Афанасьев В.С. 1993. Советское правовое государство и проблемы теории законности. Проблемы формирования социалистического правового государства: труды академии. Москва: Академия МВД СССР, 57 с.
- Гранин А.Ф. 1973. Теоретические вопросы социалистической законности в деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев. 15 с.
- Кудрявцев В.Н., Тихомиров Ю.А., Колосова Н.М. 1998. Законность: содержание и современное состояние. Законность в Российской Федерации. М., Спарк, 213 с.
- Полонський Д.М. 2011. Вплив порушень законності в діяльності міліції на стан національного правопорядку. *Вісник ЛДУВС імені Е.О. Дідоренка*, 3: 175–182. http://nbuv.gov.ua/UJRN/Vlduvs_2011_3_23

References

- Bakhrakh D.N. 2006. Pooshchrenye v deyatelnosti publichnoy administratsyy [Encouragement in the activities of public administration. *Journal of Russian Law*, 7: 68–78 (in Russian).
- Zelentsov A.B. Yastrebov O.A. 2019. The concept of public administration in modern administrative law (comparative legal research). *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 10(4): 626–654. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.402>
- Stahov A.I., Landerson N.V. 2021. Publichnaya administratsya v Rossyy: ponyatie, sistema i struktura [Public administration in Russia: concept, system and structure]. *Administrative law and process*, 10: 4–15 p. DOI: [10.18572/2071-1166-2021-10-4-15](https://doi.org/10.18572/2071-1166-2021-10-4-15)
- Yarkovoy S.V. 2017. Zakonnost i tselesoobraznost administrativnoy pravoprimeritelnoy deyatelnosti [Legitimacy and expediency of administrative law enforcement activities]. *Russian legal journal*, 5: 168–177.
- Vysotsky S.A. 2018. Abaout concept and content of legality of control and Supervisory activities of traffic police of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*, 10: 6–15 (in Russian). DOI: [10.7256/2454-0595.2018.10.27785](https://doi.org/10.7256/2454-0595.2018.10.27785)

- Semenov M.I. 2020. Control of general jurisdiction courts over the legality of operations of local self-government authorities. *State power and local self-government*, 11: 18–23 (in Russian). DOI: [10.18572/1813-1247-2020-11-18-23](https://doi.org/10.18572/1813-1247-2020-11-18-23)
- Dolgopyat A.O. 2015. Ponyatie i znachenie printsipa zakonnosti [The concept and meaning of the principle of legality]. *Modern scientific thought*, 1: 193–197.
- Kolesnikov E.V. 2020. Legality as a principle of organization and activity of state authorities. *Russian justice*, 5: 2–4 (in Russian).
- Aphanasiev V.S. 1993. Soviet legal state and problems of the theory of legality. Problems of the formation of a socialist legal state: Proceedings of the Academy. Moscow, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 57 p. (in Russian).
- Granin A.F. 1973. Theoretical issues of socialist legality in the activities of internal affairs bodies: abstract of the dissertation of a doctor of legal sciences. Kiev. 15 p. (in Russian).
- Kudryavtsev V.N., Tihomirov U.A., Kolosova N.M. 1998. Zakonnost: sodержanie i sovremennoe sostoyanie [Legality: content and current state]. Legality in the Russian Federation. M., Spark, 213 p.
- Polonsky D.M. 2011. Vplyv porushen zakonnosti v diyalnosti militsyy na stan natsionalnogo pravoporyadku [The impact of violations of the law in the police on the state of national law and order]. *Bulletin of LDUVS named after E.O. Didorenko*, 3: 175–182. http://nbuv.gov.ua/UJRN/Vlduvs_2011_3_23

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Полонский Дмитрий Михайлович, доцент кафедры административного права и процесса, юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry M. Polonsky, Docent of the Department of Administrative Law and Process at the Institute of Law, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 340.1; 342; 349

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-1-117-125

Проблемы в праве интеллектуальной собственности, перспективно определяемые процессами цифровизации: общие вопросы теории

¹ Понкин И.В., ² Лаптева А.И.

¹ Институт государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Россия, 119606, г. Москва, проспект Вернадского, 84
E-mail: iv.ponkin@igsu.ru

² Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
Россия, 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9
E-mail: juriste.ap@gmail.com

Аннотация. Принятый в России в последние годы пакет нормативно-правовых и доктринально-программных документов явился ответом на быстрые цифровые инновационные изменения технологических ландшафтов, но остаётся один сегмент таких изменений, связанный с правом интеллектуальной собственности, где регулирование явно запаздывает. Эта проблема в немалой степени вызвана недостаточной научной осмысленностью и недостаточным пониманием радикальных цифровых изменений в названной сфере. Неоднородность и сложность трансформаций, происходящих в праве интеллектуальной собственности в связи и вследствие процессов цифровизации и интеллектуализации, определяет трудности для исследователя. Настоящая статья призвана заполнить ряд пробелов в таком понимании. Авторами впервые представлены и обоснованы перечень обобщенных актуальных проблем функционирования и последующего развития ключевых институтов права интеллектуальной собственности (таких как авторское право и патентное право), которые перспективно определяются процессами цифровизации и интеллектуализации.

Ключевые слова: право интеллектуальной собственности, будущее права, цифровизация и интеллектуализация в праве, теория права

Для цитирования: Понкин И.В., Лаптева А.И. 2022. Проблемы в праве интеллектуальной собственности, перспективно определяемые процессами цифровизации: общие вопросы теории. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 47(1): 117–125. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-117-125

Problems in Intellectual Property Law, Prospectively Determined by the Processes of Digitalization: General Questions of Theory

¹ Igor V. Ponkin, ² Alena I. Lapteva

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
84 Vernadsky avenue, Moscow 119606, Russian Federation
E-mail: iv.ponkin@igsu.ru

² Kutafin Moscow State Law University,
9 Sadovaya-Kudrinskaya St, Moscow 123995, Russian Federation
E-mail: juriste.ap@gmail.com

Abstract. The set of regulatory and policy documents in Russia adopted in recent years has been a response to the rapid digital innovation changes in technological landscapes, but there remains one

segment of such changes related to intellectual property law, where regulation is clearly lagging behind. But this problem is largely caused by insufficient scientific understanding and understanding of radical digital changes in this area. Although all this is of significant scientific and practical legal interest. The heterogeneity and complexity of the transformations taking place in intellectual property law in connection with and as a result of the processes of digitalization and intellectualization determine the difficulties for the researcher, and that is why these issues have not been sufficiently studied today. And this article aims to fill a number of gaps in this understanding, offering a fresh and objective view. The article for the first time presents and substantiates a list of the generalized topical problems of functioning and subsequent development of key institutions of intellectual property law (such as copyright and patent law), which are prospectively determined by the processes of digitalization and intellectualization.

Keywords: Intellectual Property Law, future of Law, digitalization and intellectualization in Law, theory of Law

For citation: Ponkin I.V., Lapteva A.I., 2022. Problems in Intellectual Property Law, Prospectively Determined by the Processes of Digitalization: General Questions of Theory. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(1): 117–125 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-117-125

Введение

Для исследователей общей теории права существенный интерес представляют вопросы трансформации правового универсума и правовой онтологии в связи и вследствие процессов цифровизации. Работ по этой тематике немного [Аристов Е.В., Кузнецова О.А., 2018; Полякова Т.А., Чеботарева А.А., 2019; Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. 2020; Дегтярев М.В., 2021; см. также учебник МГЮА 2020 года¹]. Но именно сферы права интеллектуальной собственности они почти не касались.

Такие процессы трансформации правового универсума и правовой онтологии имеют разные проявления и разноскоростные параметры в отношении различных отраслей права. Мы рассмотрим эти вопросы на примере сферы права интеллектуальной деятельности, поскольку эти вопросы предметно практически не рассматривались в отечественной науке.

Развитие современных технологий оказывает существенное влияние как на способы создания результатов интеллектуальной деятельности, так и на их использование, а также на особенности правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности. Практически каждый аспект права интеллектуальной собственности оказывается так или иначе охваченным воздействием процессов цифровизации и интеллектуализации в той или иной форме.

Процессы цифровизации и интеллектуализации (подробно описанные нами в учебнике 2021 года «Право и цифра»²) характеризуются существенной гетерогенностью в силу того, что под ними подразумевается параллельное развитие множества разнообразных технологий, обладающих собственной уникальной спецификой. Эти процессы также характеризуются и существенной нелинейностью развития. Особенности применения таких технологий с точки зрения права интеллектуальной собственности могут требовать от законодателя принятия отдельных специфических мер в каждом конкретном случае. Данная проблема может быть решена посредством комплексного масштабного пересмотра законодательства об интеллектуальной собственности в целях установления общего благоприятного правового режима, позволяющего учитывать новые изменения и тенденции.

¹ Белых В.С., Блажеев В.В., Егорова М.А. и др. 2020. Цифровое право: Учебник. Под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М., Проспект. 640 с.

² Понкин И.В., Лаптева А.И. 2021. Право и цифра: Машиночитаемое право, цифровые модели-двойники, цифровая формализация и цифровая онто-инженерия в праве: учебник / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». М.: Буки Веди, 174 с. http://moscou-ecole.ru/2021/03/06/ponkin_lapteva_law-and-digital-2021/

Сама по себе проблема столкновения права интеллектуальной собственности и тенденций появления и развития новейших технологий не так уж нова, исследователи задаются рассматриваемыми в настоящей статье вопросами уже в течение не менее чем трети века, – ещё в 1986 году Бюро по оценке технологий Конгресса США рассматривало проблему влияния развития технологий на эффективность применения традиционных методов защиты интеллектуальных прав¹. Но актуальность рассматриваемого круга вопросов со временем только возрастает, вероятно, в силу того, что новые технологии появляются быстрее, чем законодатель получает возможность изменить подходы к обеспечению защиты интеллектуальных прав, а также того, что пути их развития и применения в будущем достаточно затруднительно предсказать.

Существующие и предвосхищаемые проблемы

К числу проблем в праве интеллектуальной собственности, перспективно определяемых процессами цифровизации и интеллектуализации, можно обоснованно отнести следующие:

- и ранее имевшая место, но экспоненциально растущая в усугублении и усложнении проблема незаконного копирования, незаконного распространения чужих результатов интеллектуальной деятельности (в условиях сети Интернет, с учётом сказанного выше и с учётом существования Deep Web и Dark Web она становится особенно сложной);

- проблема определения прав на результат при оцифровке старых произведений (например, на файл отсканированной и размещенной на «Google Книги» (<https://books.google.ru>) книги XVIII века, либо на файл сканированного или сфотографированного изображения произведения изобразительного искусства давних столетий);

- проблема определения авторских прав и иных прав интеллектуальной собственности на результаты интеллектуальной деятельности при использовании искусственного интеллекта (возможны следующие подходы к определению ответа на вопрос о том, кто признается правообладателем на результаты интеллектуальной деятельности системы искусственного интеллекта: 1) владелец данной конкретной системы искусственного интеллекта (если это не будет какое-то автономное лицо со сложной правосубъектностью – «электронное лицо» и т. д.); 2) лицо, запрограммировавшее систему искусственного интеллекта (унифицированно программировавшего производимую партию систем искусственного интеллекта, в которую входила данная конкретная система искусственного интеллекта), в том числе выполнившее такие действия в рамках подготовки служебного произведения (в этом случае речь может идти о фирме-производителе систем искусственного интеллекта); 3) лицо – правообладатель патентов на изобретения, на основе которых в существенной мере выстроены способности данной конкретной системы искусственного интеллекта к творчеству и производству результатов интеллектуальной деятельности; 4) система искусственного интеллекта сама по себе; 5) отсутствие автора); (простейший вопрос: кто автор перевода произведения с языка на язык (естественных), сделанного с помощью юнита искусственного интеллекта, – при получении аппроксимированного к идеальному образцу варианта);

- проблема изготовления точнейших и практически неотличимых подделок произведений искусства (физических объектов) при использовании искусственного интеллекта;

- проблема определения авторских прав и иных прав интеллектуальной собственности на результаты интеллектуальной деятельности в целом при использовании программного обеспечения модальности «дизруптивные технологии» (программа – это «кисть художника», либо же это существенный элемент, определяюще влияющий на распределение прав);

¹ Intellectual Property Rights in an Age of Electronics and Information. 1986. U.S. Congress, Office of Technology Assessment. Washington (DC, USA): U.S. Government Printing office. xiv; 299 p.

– проблема возможности (и пределов возможного) патентования и патентоспособности (патентование – это более легкий способ защиты) программных моделей, в целом программ для ЭВМ – не так называемых «вычислительных идей», а именно (в условиях, когда, как правило, применяется иной способ интеллектуально-правовой защиты: государственной регистрацией программы для ЭВМ, базы данных (пункт 1 статьи 1249 и статья 1262 ГК РФ (Четвертой части), авторско-правовой охраны как литературного произведения (последний абзац пункта 1 статьи 1259 ГК РФ, тогда как, согласно пункту 1 статьи 1345 ГК РФ, интеллектуальные права на изобретения, полезные модели и промышленные образцы являются патентными правами, то есть программы для ЭВМ не включены в этот перечень); в частности эта проблема касается возможности патентования технологий машиночитаемого права (в части их программного обеспечения);

– проблема защиты патентных прав и товарных знаков в пространстве виртуальной реальности (например, при покупке цифрового артефакта);

– проблема определения степени подпадания под глубинную переработку с созданием производного произведения (по смыслу подпункта 1 пункта 2 статьи 1259 и пункта 1 статьи 1260 ГК РФ, по смыслу статьи 220 ГК РФ) при трансформации онтологии объекта прав интеллектуальной собственности, например: превращение 2D-картины в виртуально достроенный 3D-объект, в полноценную цифровую 3D-модель-двойник (BIM) и/или в выстроенную на основе этого дополненную либо виртуальную реальность; достройка готового кинематографического произведения подменами образов посредством технологий Deepfake (подмены, подстановки определённых элементов видеоизображения на желаемые образы);

– проблема существенного затруднения определения объекта прав интеллектуальной собственности и правообладателя в случае сложной вещи в цифровых онтологиях;

– проблема определения и понимания изменений в интеллектуально-правовом статусе произведения при изменении его агрегатного состояния (сканирование и распознавание книги с параллельным одновременным уничтожением бумажного экземпляра);

– проблемы использования блокчейна для фиксации авторства и авторских прав в условиях отсутствия референтных норм законодательства (и отказа суда принимать к производству);

– проблема правового положения и открытости патентных архивов;

– проблема оцифровки и предоставления доступа к старым произведениям, обладателей прав на которые невозможно идентифицировать;

– проблема правомерности (и особенностей соответствующей правовой защиты) изображения лица и в целом облика человека, а равно персонифицированной информации о его основанном на нейро-особенностях психологическом «двойнике» в видео-клонах (в том числе в голографических моделях) – например, в видеоиграх, в цифровых моделях-двойниках человека (например, в здравоохранении).

Общие проблемы развития права интеллектуальной собственности в условиях цифровизации и интеллектуализации

Развитие технологий привело к радикальным изменениям в возможностях и способах воспроизведения, распространения, контроля и публикации информации (одним из последствий является размытие понимания того, что раньше представляло собой препятствие для нарушения прав, поскольку копирование и распространение информации в настоящее время легко осуществить без каких-либо существенных в то инвестиций) [The Digital Dilemma, 2001].

По мере изменения технологий создания, распространения и использования информации, по мере внедрения всё более сложных концептов и инструментариев цифровизации и интеллектуализации в праве становятся всё более неоднозначными, казалось бы, давно по-

нятные и «застывшие» в своей семантике и базовой онтологии концепты и термины права интеллектуальной собственности, выступавшие его опорными точками и «несущими силовыми конструкциями». А это привносит сильнейший элемент энтропии (хаотизации, дезупорядочения) в правовой универсум права интеллектуальной собственности.

Сложность и комплексность проблемы развития права интеллектуальной собственности в условиях цифровизации обусловлена также следующими обстоятельствами:

- большое количество и многообразие заинтересованных сторон, на которых оказывает влияние развитие соответствующих технологий (например, возможность самостоятельной публикации авторских работ в сети Интернет изменяет способы и устоявшиеся модели взаимодействия между авторами и издателями);

- вероятность различного толкования фундаментальных правовых подходов в новых изменяющихся условиях в разных юрисдикциях;

- различие законодательства и правоприменительной практики в сфере интеллектуальной собственности в разных странах, в то время как само по себе развитие цифровых технологий имеет глобальный охват [The Digital Dilemma, 2001].

Помимо возникновения как таковых новых объектов интеллектуальных прав, новых способов их создания и распространения, необходимо учитывать и новые способы защиты соответствующих интересов правообладателей (водяные знаки, цифровые отпечатки). Это в перспективе может найти соответствующее отражение в законодательстве об интеллектуальной собственности и защите конкуренции.

Лаура Де Нардис также указывает, что в условиях цифровой экономики некоторые функции по защите интеллектуальных прав, традиционно реализуемые государством, частично перешли к частному сектору. Так, организации, занимающиеся поисковыми системами, могут учитывать историю нарушения авторских прав в своих алгоритмах, понижая рейтинг соответствующих сайтов в поисковых системах. Участвуют в этой системе и интернет-провайдеры. Проблема здесь заключается в том, что осуществление этих функций частным сектором без соответствующего контроля такого рода деятельности со стороны государства может нарушать свободу выражения мнения и право на доступ к информации [De Nardis L., 2017].

Проблемы авторского и патентного права в условиях цифровизации и интеллектуализации

Процессы и тенденции цифровизации и интеллектуализации оказывают активное влияние на функционирование и последующее развитие ключевых институтов права интеллектуальной собственности, таких как авторское право и патентное право.

Так, цифровые технологии позволяют достаточно легко задействовать уже существующие массивы произведений для «машинной» разработки новых художественных произведений, в силу чего актуализируется вопрос о дальнейшем развитии института производных произведений.

В связи с этим необходимо отметить всё усложняющиеся проблемы обеспечения защиты авторских прав на произведения, создаваемые с помощью программного обеспечения. С одной стороны, программное обеспечение можно рассматривать как, например, инструмент художника, с другой – этот момент не является столь однозначным в силу существенного вклада разработчика такого программного обеспечения [Afoaku, 2017]. В случае применения для этого технологий искусственного интеллекта проблема определения авторства усложняется еще более.

Сложным является также вопрос патентоспособности программного обеспечения. Так, в силу некоторых его характеристик (таких как короткий жизненный цикл продукции, высокая степень абстракции алгоритмов) патентная защита может быть непригодна [Comino, Manenti, 2015].

Ряд подходов и инструментов защиты прав интеллектуальной собственности может представлять препятствия для внедрения технологических инноваций и создания референтных экономических возможностей. С другой стороны, незаконное копирование и распространение материалов, защищенных авторским правом, само по себе оказало существенное негативное воздействие на целый ряд отраслей, таких как музыка, кино, компьютерные игры и программное обеспечение¹.

В классической (не цифровизированной) онтологии надлежащий контроль над копированием и распространением (оборотом) материальной продукции с точки зрения обеспечения и защиты прав интеллектуальной собственности вполне возможно было обеспечить, хотя бы уже потому, что нарушающие права интеллектуальной собственности объекты в силу своей материальной специфики могли быть точно идентифицированы. Попытки обеспечить тот же уровень контроля над копированием в условиях цифровизации наталкиваются на неуспех, на очень существенные сложности, и это создаёт существенные проблемы для права интеллектуальной собственности в целом.

Искусственный интеллект и право интеллектуальной собственности

По словам Джи-Ан Ли, Рето Хилти и Кунг-Чунг Лию, «способность компьютеров имитировать разумное человеческое поведение в последние годы привлекла большое внимание; мы, люди, все больше уступаем право принятия решений технологическим артефактам... Искусственный интеллект также позволяет создавать новые модели творчества и инноваций благодаря подходу, основанному на данных. Хотя люди использовали различные инструменты и технологии для создания и внедрения инноваций, они сами были главной движущей силой творчества и инноваций. Искусственный интеллект ставит это под сомнение, ставя многочисленные вызовы существующему режиму интеллектуальной собственности... Традиционно “интеллектуальная” часть “интеллектуальной собственности” относится к человеческому интеллекту. Однако, поскольку машины стали интеллектуальными и все в большей степени способны делать творческий, новаторский выбор на основе непрозрачных алгоритмов, понятие «интеллектуальность» в «интеллектуальной собственности» вызывает недоумение. Существующие ориентированные на человека режимы искусственного интеллекта, основанные на поощрении стимулов и избегании анти-стимулов, могут больше не иметь значения - или даже существенно пагубно – если искусственный интеллект вступит в игру. Более того, искусственный интеллект вызвал новые проблемы в праве интеллектуальной собственности, касающиеся юридических субъектов, объема, стандартов защиты, исключений и отношений между участниками» [Lee, Liu, 2021, p. 1].

Технологии блокчейн и развитие права интеллектуальной собственности

Внедрение технологий блокчейн оказывает существенное влияние на систему права интеллектуальной собственности в целом, всё большее количество проектов запускается в части обеспечения ранней фиксации авторских прав на произведение (как один из механизмов обеспечения защиты интересов правообладателей). Хотя одной из проблем применения блокчейн-технологий для защиты интеллектуальных прав является сложность объяснения и понимания этих технологий судебным инстанциям.

Так, одним из возможных направлений применения технологии блокчейн может быть документация изобретательского процесса, тех шагов изобретателя, которые в итоге приводят к созданию изобретения, подлежащего соответствующей защите в соответствии с правом интеллектуальной собственности, в частности, патентным правом. Блокчейн может применяться для документирования циклов разработки конечного продукта. Техноло-

¹ Denton A. 2011. Intellectual property rights in today's digital economy. In: ITU News. No 7. P. 38–42.

гия блокчейн может также использоваться для документирования соавторства и фиксации конкретного вклада конкретных лиц [Науск, 2021].

Технологии виртуальной и дополненной реальности и право интеллектуальной собственности

Говоря о влиянии на развитие права интеллектуальной собственности новых технологий, нельзя обойти вниманием технологии виртуальной и дополненной реальности в силу их комплексного характера, а также потенциально возникающих проблем регулирования деятельности, осуществляемой в связи с их применением.

Компьютерно-программные системы создания, эмиссии (трансляции) и онтологизации дополненной и виртуальной реальности, как правило, включают одновременно множество различных объектов прав интеллектуальной собственности (картографические объекты, архитектурные объекты, чертежи, базы данных, программные коды, товарные знаки, объекты патентных прав, особенности пользовательского интерфейса приложений и др.).

Кроме того, что необходимо обеспечить соответствующую правовую защиту всех этих объектов, также встает вопрос о возможности и допустимой степени воспроизведения в условиях виртуальной или дополненной реальности иных объектов, также охраняемых в соответствии правом интеллектуальной собственности.

Использование технологий виртуальной реальности потенциально может приводить к нарушению прав держателей патентов в случае воспроизведения запатентованной продукции в виртуальной среде. То же потенциально относится и к объектам авторских прав, которые могут быть воспроизведены таким образом [Nwaneri, 2017]. Также возникает и вопрос, насколько защищен вклад лица, которое осуществляет такое воспроизведение.

Существующая зарубежная судебная практика позволяет предположить, что репликация объекта на другой носитель не должна гарантировать защиту, предоставляемую в соответствии с институтом авторских прав, несмотря на все приложенные усилия, как в случае, когда кто-то фотографирует автомобиль, он не приобретает авторские права на его дизайн в связи с этим [Afoaku, 2017].

Заключение

Рассмотренные в настоящей статье основные проблемы и следствия происходящей ныне и предиктивно просматриваемой на обозримое будущее цифровизации и интеллектуализации в сфере права интеллектуальной собственности позволили в результате сформулировать ключевые из них:

– гетерогенные по своей природе и происхождению, несинхронизированные в своём развитии процессы разработки, внедрения и омологации разнообразных технологий (технологий создания и репрезентации результатов интеллектуальной деятельности, технологий потокового или последовательно-преемственного производства изобретений и иных результатов интеллектуальной деятельности с использованием искусственного интеллекта, новейших регуляторных технологий, новейших юридико-аналитических обеспечительных технологий, новейших фарм-технологий и др.) приводят к столь же разномодальным и разновекторным, затруднительно предиктивно просчитываемым прямым последствиям и производным;

– развитие известных и появление новых технологий ведёт к очень существенным трансформациям самих возможностей и способов воспроизведения (трансляции, копирования), распространения объектов прав интеллектуальной собственности в цифровой онтологической среде, что значительно редуцирует реальные возможности контроля нарушений прав интеллектуальной собственности, выявление, оценки и пресечения таких нарушений прав интеллектуальной собственности;

– появление таких новых технологий, которые создают пока что полные неопределенности в понимании того, как вообще урегулировать механизмы охраны и защиты прав интеллектуальной собственности;

– всё большее энтропийное запутывание понимания того, какие создавать и внедрять механизмы охраны и защиты прав интеллектуальной собственности в цифровых интеллектуализированных онтологиях сложного порядка (как уже было сказано выше, компьютерно-программные системы создания, эмиссии (трансляции) и онтологизации дополненной и виртуальной реальности, как правило, включают одновременно множество различных объектов прав интеллектуальной собственности);

– прогнозируемый парадокс того, что применение общих превентивных мер, направленных на усиление защиты от не вполне понимаемых и ограниченно прогнозируемых вызовов, которые могут возникнуть в будущем, в рассматриваемой области общественных отношений может иметь, скорее, негативные последствия в виде сдерживания и ограничения развития науки и искусства.

Список литературы

- Аристов Е.В., Кузнецова О.А. 2018. К вопросу о формировании и развитии права роботов (правового регулирования робототехники), *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*, 8: 58–62.
- Дегтярев М.В. 2021. Новейшие юридические регуляторные технологии и инструментарии: понятие, концепт, типологизация инструментариев, *Юридическая орбита*, 1: 41–44.
- Полякова Т.А., Чеботарева А.А. 2019. Влияние цифровых технологий на изменение регуляторного ландшафта: правовые аспекты, *Мягкие измерения и вычисления*, 10: 10–13.
- Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. 2020. Будущее права. Наследие академика В.С. Стёпина и юридическая наука. М., ИНФРА-М. 176 с.
- Afoaku M. 2017. The Reality of Augmented Reality and Copyright Law. *Northwestern Journal of Technology and Intellectual Property*, 15 (2): 111–128.
- Comino S., Manenti F.M. 2015. Intellectual Property and Innovation in Information and Communication Technology (ICT). European Commission (Joint Research Centre, Institute for Prospective Technological Studies). Luxembourg: Publications Office of the European Union, 54 p.
- DeNardis L. 2017. Introduction: The Complex Geopolitics of Digital Property and Trade. In: *Mapping the Digital Frontiers of Trade and Intellectual Property*. Waterloo (Canada): Centre for International Governance Innovation and the Royal Institute of International Affairs: 1–4.
- Hauck R. 2021. Blockchain, smart contracts and intellectual property. Using distributed ledger technology to protect, license and enforce intellectual property rights. *Legal Issues in the Digital Age*, 1: 17–41.
- Lee J.-A., Hilty R.M., Liu K.-C. 2021. Roadmap to Artificial Intelligence and Intellectual Property. An Introduction. In: *Artificial Intelligence and Intellectual Property*. Edited by Jyh-An Lee, Reto M. Hilty, Kung-Chung Liu. Oxford: Oxford University Press.
- Nwaneri C. 2017. Ready lawyer one: legal issues in the innovation of virtual reality. *Harvard Journal of Law & Technology*, 30(2): 601–627.
- The Digital Dilemma: Intellectual Property in the Information Age. 2001. National Research Council (Committee on intellectual property rights and the emerging information infrastructure). *Ohio State Law Journal*, 62: 951–971.

References

- Aristov E.V., Kuznetsova O.A. 2018. To the question of the formation and development of the law of robots (legal regulation of robotics) [K voprosu o formirovanii i razvitii prava robotov (pravovogo regulirovaniia robototekhniki)], *Science and education: economy and economy; entrepreneurship; law and administration* [*Nauka i obrazovanie: khoziaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*], 8: 58–62.
- Degtyarev M.V. 2021. New legal regulatory technologies and tools: concept, concept, typology of tools [Noveishie iuridicheskie reguliatornye tekhnologii i instrumentarii: poniatie, kontsept, tipologizatsiia instrumentariiev], *Legal Orbit* [*Iuridicheskaiia orbita*], 1: 41–44.

- Polyakova T.A., Chebotareva A.A. 2019. The impact of digital technologies on changing the regulatory landscape: legal aspects [Vliianie tsifrovyykh tekhnologii na izmenenie reguliatsionnogo landshtaf: pravovye aspekty], *Soft measurements and calculations* [Miagkie izmereniia i vychisleniia], 10: 10–13.
- Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. 2020. The future of Law. The legacy of Academician V.S. Stepin and legal science [Budushchee prava. Nasledie akademika V.S. Stepina i iuridicheskaya nauka]. Moscow: INFRA-M. 176 p.
- Afoaku M. 2017. The Reality of Augmented Reality and Copyright Law. *Northwestern Journal of Technology and Intellectual Property*, 15 (2): 111–128.
- Comino S., Manenti F.M. 2015. Intellectual Property and Innovation in Information and Communication Technology (ICT). European Commission (Joint Research Centre, Institute for Prospective Technological Studies). Luxembourg: Publications Office of the European Union, 54 p.
- DeNardis L. 2017. Introduction: The Complex Geopolitics of Digital Property and Trade. In: Mapping the Digital Frontiers of Trade and Intellectual Property. Waterloo (Canada): Centre for International Governance Innovation and the Royal Institute of International Affairs: 1–4.
- Hauck R. 2021. Blockchain, smart contracts and intellectual property. Using distributed ledger technology to protect, license and enforce intellectual property rights. *Legal Issues in the Digital Age*, 1: 17–41.
- Lee J.-A., Hilty R.M., Liu K.-C. 2021. Roadmap to Artificial Intelligence and Intellectual Property. An Introduction. In: Artificial Intelligence and Intellectual Property. Edited by Jyh-An Lee, Reto M. Hilty, Kung-Chung Liu. Oxford: Oxford University Press.
- Nwaneri C. 2017. Ready lawyer one: legal issues in the innovation of virtual reality. *Harvard Journal of Law & Technology*, 30(2): 601–627.
- The Digital Dilemma: Intellectual Property in the Information Age. 2001. National Research Council (Committee on intellectual property rights and the emerging information infrastructure). *Ohio State Law Journal*, 62: 951–971.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Понкин Игорь Владиславович, профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия.

Лаптева Алена Игоревна, кандидат юридических наук, доцент кафедры спортивного права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Igor V. Ponkin, Professor, Doctor of Law, Professor of the Department of State and Municipal Administration, Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

Alena I. Lapteva, PhD (Law), Assistant Professor of Sports Law Department, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ SCIENTIFIC LIFE AND COMMUNICATIONS

УДК 349

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-1-126-136

Энергетическое право: модели и тенденции развития (обзор докладов III Международной научно-практической конференции, 8–9 октября 2021 г., Белгород)

¹ Габов А.В., ² Тонков Е.Е., ² Шалайкин Р.Н., ² Туршук Л.Д.

¹ Института государства и права РАН,
Россия, 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: etonkov@bsu.edu.ru, shalaykin@bsu.edu.ru, turshuk@bsu.edu.ru

Аннотация. Представлен обзор докладов участников III Международной научно-практической конференции «Энергетическое право: модели и тенденции развития», прошедшей 8–9 октября 2021 года в Белгородском государственном национальном исследовательском университете. На конференции были обсуждены следующие актуальные проблемы развития энергетического права: является ли энергетическое право отраслью права или отраслью законодательства; какие правоотношения являются предметом энергетического права; совершенствование энергетического законодательства; осуществление цифровой трансформации в энергетической отрасли; какова правовая природа энергии; проблемы ответственности в сфере энергетики; принципы энергетического права, проблемы страхования энергетических рисков и др.

Ключевые слова: энергетика, энергетическое право, энергетическое законодательство, энергорынки, предмет энергетического права, энергоснабжающие организации, энергия, топливно-энергетический комплекс

Для цитирования: Габов А.В., Тонков Е.Е., Шалайкин Р.Н., Туршук Л.Д. 2022. Энергетическое право: модели и тенденции развития (обзор докладов III Международной научно-практической конференции, 8–9 октября 2021 г., Белгород). NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 47(1): 126–136. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-126-136

Energy Law: Models and Trends of Development (Review of Reports of the III International Scientific and Practical Conference, 8-9 October, 2021, Belgorod)

¹ Andrey V. Gabov, ² Eugene E. Tonkov, ² Ruslan N. Shalaykin, ² Lyudmila D. Tursuk

¹ Institute of State and Law Russian Academy of Sciences,
10 Znamenska St, Moscow 119019, Russian Federation

² Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation

E-mail: etonkov@bsu.edu.ru, shalaykin@bsu.edu.ru, turshuk@bsu.edu.ru

Annotation. The article is devoted to the review of the reports of the participants of the III International Scientific and Practical Conference "Energy Law: models and trends of development", held on October 8-

9, 2021 at the Belgorod State National Research University. The following topical issues of energy law development were discussed at the conference: is energy law a branch of law or a branch of legislation; what legal relations are the subject of energy law; improvement of energy legislation; implementation of digital transformation in the energy industry; what is the legal nature of energy; problems of responsibility in the energy sector; principles of energy law, problems of energy risk insurance, etc.

Keywords: energy, energy law, energy legislation, energy markets, subject of energy law, energy supply organizations, energy, fuel and energy complex

For citation: Gabov A.V., Tonkov E.E., Shalaykin R.N., Tursuk L.D. 2022. Energy Law: Models and Trends of Development (Review of Reports of the III International Scientific and Practical Conference, 8-9 October, 2021, Belgorod). NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(1): 126–136 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-126-136

Введение

8–9 октября 2021 года в Белгородском государственном национальном исследовательском университете состоялась III Международная научно-практическая конференция «Энергетическое право: модели и тенденции развития». Мероприятие было приурочено к празднованию 145-летия НИУ «БелГУ».

Организаторами конференции выступили Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Институт государства и права Российской академии наук, Великотырновский университет Святых Кирилла и Мефодия (Болгария) при участии ПАО «Россети Центр» (филиал ПАО «Россети Центр» – «Белгородэнерго»).

В фокусе научных дискуссий были проблемные вопросы: предмет энергетического права; модернизация законодательства об энергетике; влияние норм международного права на развитие законодательства об энергетике Российской Федерации; энергетическая безопасность (в широком смысле этого слова); развитие альтернативной энергетики; атомная энергетика; обязательственные отношения и ответственность в сфере энергетики; экология и энергетика; методологии преподавания курса «энергетическое право» в вузах и целый ряд других вопросов.

В мероприятии приняли участие главный федеральный инспектор по Белгородской области Аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе Ольга Николаевна Кремнева, ректор НИУ «БелГУ» Олег Николаевич Полухин, директор юридического института НИУ «БелГУ» Евгений Евгеньевич Тонков, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, руководитель Междисциплинарного центра правовых исследований в сфере энергетики Института государства и права Российской академии наук Андрей Владимирович Габов, директор департамента экономической безопасности в ТЭК Министерства энергетики Российской Федерации Антон Юрьевич Семейкин, директор по правовым вопросам и управлению собственностью филиала ПАО «Россети Центр» – «Белгородэнерго» Светлана Викторовна Михайлова, ученые из 20 субъектов Российской Федерации, а также Болгарии и Сербии.

Актуальность вопросов энергетического права

С письменным приветствием к участникам конференции обратилась статс-секретарь – заместитель Министра энергетики Российской Федерации **Анастасия Борисовна Бондаренко**. Она поздравила со 145-летием НИУ «БелГУ», заслуженно являющийся одним из ведущих вузов страны, занимающий лидирующие позиции не только в российской системе высшего образования, но и в международном образовательном пространстве. Она отметила, что деятельность университета имеет особое значение для развития отечественной правовой науки, в том числе энергетического права, на его базе

осуществляется подготовка квалифицированных и конкурентоспособных кадров в области юриспруденции.

Также с письменным приветствием к участникам конференции обратился председатель правления АО «СО ЕЭС» **Федор Юрьевич Опадчий**. Он отметил, что фундаментом стабильного функционирования электроэнергетического комплекса страны служит актуальная и работоспособная система нормативного-правового регулирования. Это та база, которая определяет не только типы правовых взаимоотношений между субъектами энергетики, но и формирует технические требования к элементам электроэнергетической системы, регулирует вопросы надежной работы энергообъектов.

Ольга Николаевна Кремнева, главный федеральный инспектор по Белгородской области Аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе, обратилась с приветственным словом к участникам конференции. Она поздравила НИУ «БелГУ» с юбилеем и пожелала новых творческих успехов и дальнейшего развития. Конференция уже стала традиционной для юридического института НИУ «БелГУ». Ольга Николаевна отметила, что в последнее время вопросы энергетического права и энергетической безопасности становятся все более актуальными, что усиливает значение проводимого мероприятия.

С приветственным словом к участникам конференции обратился ректор НИУ «БелГУ» доктор политических наук, профессор **Полухин Олег Николаевич**. Он заметил, что конференция проводится совместно с Институтом государства и права РАН при участии ПАО «Россети» и поддержке Министерства энергетики Российской Федерации уже в третий раз. Это свидетельствует о том, что научный форум, собирающий на белгородской земле российских и зарубежных учёных, практикующих специалистов, становится важной традицией в научной жизни российского правоведения. В последние десятилетия энергетическое право является предметом повышенного интереса со стороны представителей юридической науки. И такое внимание не случайно. Дело не только в исключительной важности обеспечения нормального функционирования объектов топливно-энергетического комплекса, но и в том, что вопросы, связанные с производством энергоносителей, их распределением, стали предметом специального внимания со стороны государства. Энергетическое право аккумулирует множество вопросов юридической науки и правоприменительной практики. Комплексный характер названной отрасли делает исследования в этой сфере актуальными, а институт мировой энергетической безопасности позволяет говорить о значительных перспективах совершенствования законодательного регулирования источников энергии и межгосударственных отношений. К тому же аспекты энергетического права имеют глубокую связь с научно-техническим прогрессом, с появлением новых, ранее неизвестных источников энергии.

Энергетика – стратегическая отрасль России

Важное теоретическое и практическое значение системного изучения междисциплинарных проблем энергетического права подчеркнули в своих выступлениях **Александр Николаевич Савенков**, директор Института государства и права Российской академии наук, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации и **Елена Юрьевна Грачева**, первый проректор Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации. Е.Ю. Грачева отметила своевременность и важность формирования новой номенклатуры научных специальностей, содержащей в себе значительный потенциал проведения комплексных, междисциплинарных исследований, что позволяет, в свою очередь, проанализировать явления общественной жизни во всем их многообразии, всесторонности, то есть максимально до-

стоверно и объективно, на основе чего предложить соответствующие изменения в законодательстве и правоприменительной практике.

Пленарное заседание открыл член-корреспондент РАН, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник – руководитель Междисциплинарного центра правовых исследований в сфере энергетики Института государства и права Российской академии наук, научный руководитель юридического института НИУ «БелГУ», модератор конференции доктор юридических наук *Андрей Владимирович Габов*. Он обратил внимание участников конференции на активное развитие законодательства в сфере энергетики в последние тридцать лет, указав на «неровный» характер такого развития при отсутствии изначально какой-либо модели, концепции. Отметил, что и в настоящее время не имеется какого-либо общего концептуального характера документа, определяющего направления развития и совершенствования правового регулирования отношений в сфере энергетики; констатировал наличие множества документов стратегического планирования в сфере энергетики.

Докладчик указал на сложившийся отраслевой подход в структуре регулирования: создаются отдельные (не связанные между собой даже в части используемой терминологии) законодательные массивы по отдельным крупным предметным блокам – электроэнергетики, газоснабжения, атомной энергии и т.д., – в основе которых (массивов) лежат специальные законы. При этом часть важных для общества и государства отношений до настоящего времени таких «стержневых» законов не имеет. Указал на сложность законодательства в сфере энергетики, насыщенность норм специальной (технической) терминологией, – это, по мнению докладчика, предопределяет проблемы при использовании и применении соответствующих правовых норм, потребность в серьезной правовой научно-экспертной оценке. Докладчик выделил и кратко прокомментировал отдельные факторы, оказывающие влияние на развитие законодательства в сфере энергетики: цели и задачи, которые ставит государство в документах стратегического планирования, концептуальных и программных документах; активное развитие судебной и административной практики, результаты которой находят развитие в новых правовых решениях; развитие цифровой экономики; интеграционные процессы на постсоветском пространстве; санкции; ESG-повестка и иные внешнего характера вызовы.

А.В. Габов указал, что при создании концептуальных и программных документов, определяющих направления совершенствования правового регулирования, разработке новых законов и обновлении имеющегося правового материала, прежде всего, необходимо исходить из того, что энергетика – это отрасль для нашего государства стратегическая; необходим системный подход, нормы (особенно учитывая специфику предмета регулирования) должны быть ясными, удобными в использовании и применении, они должны не создавать проблемы для субъектов, а, напротив, вносить определенность в их отношения; ключевой подход – соблюдение баланса частных и публичных (особенно в части безопасности) интересов; регулирование должно быть таким, чтобы в максимальной степени способствовать реализации экономических интересов граждан при обеспечении безопасности общества и государства. Такой системный подход, по мнению докладчика, может быть реализован при наличии серьезных научных разработок в сфере юридической науки, которых пока недостаточно. А.В. Габов напомнил о целях конференции как ежегодного мероприятия на базе НИУ «БелГУ», которые ставили организаторы в 2019 г.: создание научной площадки для обсуждения проблем энергетического права; приглашение для участия в обсуждении ведущих ученых-юристов, специализирующихся на вопросах энергетики; обеспечение возможности обсуждения всего круга вопросов, которые возникают в сфере энергетики, с переходом в будущем к тематическим конференциям, посвященным отдельным блокам вопросов; анализ программ и методик преподавания специализированных курсов по энергетическому праву в вузах с подготовкой необходимых рекомендаций. До-

кладчик отметил положительный опыт первой конференции, состоявшейся в 2019 г., а также, как модератор конференции, выделил цели и задачи текущего мероприятия.

Пленарные выступления продолжил директор юридического института НИУ «БелГУ» доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации **Евгений Евгеньевич Тонков**. По мнению Е.Е. Тонкова, современные политико-правовые факторы, определяющие дальнейшее совершенствование регулирования отношений в топливно-энергетическом комплексе страны, в значительной степени продолжают формироваться под воздействием приоритета определенных структур и финансово-промышленных групп. Качественная трансформация экономических отношений в топливно-энергетической сфере является одновременно и содержательной характеристикой справедливости всей правовой системы общества. Главным рациональным основанием теории естественного права является фиксация или постулирование того, что на самом деле хорошо для человека. Власть государства производна от того, насколько принимаемые им решения продиктованы заботой об обществе. Принципиально важные и определяющие вопросы энергетики должны не просто регламентироваться с учетом юридических норм, но интегрироваться из общественных потребностей и возможностей государства, основываться на них. Необходимо дальнейшее укрепление вертикали федеральной власти, усиление контроля экономического пространства.

Директор Департамента экономической безопасности в ТЭК Министерства энергетики Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса **Антон Юрьевич Семейкин** в своем докладе обратил внимание на необходимость обеспечения безопасности в сфере ТЭК. Были названы проводимые с этой целью Департаментом экономической безопасности в ТЭК Министерства энергетики Российской Федерации мероприятия: антитеррористические, обеспечивающие информационную безопасность, в том числе защиту от кибератак; разработка законопроектов, направленных на совершенствование правового регулирования, подготовка квалифицированных кадров в сфере энергетики, профилактика правонарушений и другие. Все эти меры позволят существенно повысить уровень экономической безопасности отрасли.

Заведующий кафедрой предпринимательского права Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, арбитр Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ, арбитр арбитражных учреждений по разрешению споров в ТЭК РФ (атомная и газовая отрасли) и др., главный редактор журнала «Предпринимательское право» доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации **Евгений Парфирович Губин** в своем выступлении отметил существующие проблемы правового регулирования в сфере энергетики и предложил пути их решения. Дальнейшее развитие энергетического права и совершенствование энергетического законодательства – основа энергетической и экономической безопасности страны.

Новые сферы энергетических отношений и государственное регулирование

Продолжил пленарные выступления исполнительный директор научно-образовательного центра «Энергетика и право», доцент кафедры предпринимательского права юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, член Общественного совета при Министерстве энергетики Российской Федерации, арбитр Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ, арбитр арбитражных учреждений по разрешению споров в ТЭК РФ (атомная и газовая отрасли); арбитр Казахстанского международного арбитража и др., член редколлегии журнала «Предпринимательское право» кандидат юридических наук **Петр Гордеевич Лахно**, который коснулся вопросов развития энергетического права в последние 30 лет. Он заметил, что именно возникновение новых отношений в сфере

энергетики вызвало к жизни необходимость их правового регулирования. В связи с переходом к рыночной экономике получили свое развитие сферы деятельности, либо не существовавшие прежде в принципе, либо находящиеся всецело под контролем государства. По мнению докладчика, интенсивно развивающееся законодательство в энергетической сфере с момента образования России как самостоятельного суверенного государства явилось причиной возникновения на исходе XX – в начале XXI века особого направления правовых научных исследований – энергетического права, относительно самостоятельной, комплексной, интегрированной отрасли законодательства и права. Предмет энергетического права, по мнению П.Г. Лахно, наиболее целесообразно определять исходя из сквозного правового регулирования энергетических отношений, а именно: энергии, ее понятия, видов, юридической природы, через источники ее получения, их поиск, разведку, добычу, транспортировку и хранение, использование и применение, а также соблюдение принципов ESG. Энергия, отметил П.Г. Лахно, – базовое фундаментальное понятие энергетического права; ее роль и значение трудно переоценить, развитие и существование практически всех прорывных технологий (цифровизации, искусственного интеллекта и т.д.) невозможно без устойчивого снабжения электрической энергией. Докладчик отметил, что энергетическое право представляет собой комплексную отрасль права, носящую междисциплинарный характер, в его содержание входит немало положений, для которых «материнскими» отраслями являются традиционные отрасли права.

Заместитель начальника службы – начальник отдела АО «Техническая инспекция ЕЭС» доктор юридических наук **Сергей Александрович Свирков** обратил внимание участников конференции на правовые вопросы контроля технического состояния объектов электроэнергетики. Он проанализировал основные правовые механизмы, направленные на контроль технического состояния указанных объектов, включая вновь установленные законодательством. Были рассмотрены связанные с реформой контрольно-надзорной деятельности изменения в компетенции федеральных органов исполнительной власти в части контроля и управления в электроэнергетике. Докладчик отметил, что для реализации основных положений реформы применительно к электроэнергетике особую значимость приобретает функционирование механизмов межведомственного взаимодействия. В соответствии с этим новый механизм контроля технического состояния объектов электроэнергетики предполагает выявление Министерством энергетики Российской Федерации проблем на объекте электроэнергетики в рамках мониторинга и последующее проведение Ростехнадзором соответствующих контрольно-надзорных мероприятий.

Государственное регулирование в отраслях энергетики в современной России в своем докладе рассмотрела заведующая лабораторией правовых проблем недропользования, экологии и топливно-энергетического комплекса Института проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан **Роза Наильевна Салиева**. Она отметила, что в условиях современных вызовов, включая пандемию и иные аналогичные явления, необходимы законодательные решения, направленные на снижение рисков и уменьшение неблагоприятных последствий. Также с учетом санкционных мер и других негативных явлений, связанных с экономическим кризисом, целесообразно дальнейшее совершенствование средств государственного воздействия на экономику и принятие законодательных решений в сфере антикризисного регулирования и управления как в целом в экономике, так и в отдельных ее отраслях, прежде всего в энергетике.

Правовые вопросы цифровой трансформации электросетевого комплекса в своем докладе рассмотрела **Светлана Викторовна Михайлова**, директор по правовым вопросам и управлению собственностью филиала ПАО «Россети Центр» – «Белгородэнерго». Она осветила основные проблемы, возникающие в данной сфере, для устранения которых

предложила целый ряд конкретных изменений в нормативно-правовые акты. Так, при технологических присоединениях, связанных со строительством ПС 35-110 кВ по индивидуальному тарифу, в стоимость технологического присоединения не включается стоимость строительства сетей связи, необходимых для обеспечения передачи данных в целях управляемости и наблюдаемости энергообъектов. В связи с этим целесообразно внести изменения в правовые акты Федеральной антимонопольной службы в части обеспечения включения в стоимость технологического присоединения затрат на строительство сетей связи, необходимых для обеспечения управляемости и наблюдаемости энергообъектов в соответствии с Концепцией «Цифровая трансформация 2030». Также законодательством не предусмотрено использование систем накопления электроэнергии (СНЭ) для резервирования категорийных объектов при технологическом присоединении и для поддержания заданных параметров работы электрической сети в случае ее недостаточной пропускной способности. Необходимо дополнить Правила технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям, утв. Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 861, Правила устройства электроустановок пунктами об использовании СНЭ в качестве резервного источника электроснабжения, и для поддержания заданных параметров работы сети путем создания запаса энергии во время неполной загрузки энергосистемы с последующей ее отдачей в систему в моменты пикового потребления.

Выступления продолжила *Лариса Ивановна Черкесова*, кандидат юридических наук, исполняющая обязанности заведующего сектором предпринимательского и корпоративного права – заместитель руководителя Междисциплинарного центра правовых исследований в сфере энергетики Института государства и права Российской академии наук. Она рассмотрела вопросы государственной правовой политики в сфере энергетики в контексте интеграционных процессов. Был отмечен ряд проблем в данной области, обусловленных внутренними и внешними обстоятельствами (факторами); подчеркнута важность роли юридической науки в процессе разработки и принятия государственно-правовых решений в сфере интеграции по различным направлениям, в том числе и в энергетике.

Специфика правового регулирования в энергетической сфере России

Договорное регулирование оперативно-диспетчерского управления в энергетике в своем докладе рассмотрел декан юридического факультета Ульяновского государственного университета доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации *Сергей Юрьевич Морозов*. Он критически проанализировал существующие научные дискуссии о правовой природе данного договора и пришел к выводу о недопустимости его отождествления с организационными договорами. Докладчик изложил свою позицию о том, что исследуемый договор однозначно относится к группе договоров, направленных на оказание услуг. При этом указал на необходимость научного обоснования и закрепления в законодательстве определения договора на оказание услуг оперативно-диспетчерского управления. С.Ю. Морозов, используя принцип единства и дифференциации правового регулирования, обосновал разграничение гражданско-правовых отношений управления и организационных отношений, что позволило сделать вывод о необходимости определения правовой природы особого рода услуг – услуг оперативно-диспетчерского управления.

Директор Центра энергетического права Санкт-Петербургского государственного университета кандидат юридических наук *Кристина Сергеевна Семенович* в своем докладе рассмотрела состояние правового регулирования водородной энергетики в России.

Она отметила, что на мировом энергетическом рынке укрепляется тенденция замещения углеводородов другими источниками энергии. В этой связи в числе стратегических задач, поставленных перед энергетикой страны, особое место уделяется развитию производства и потребления водорода, а также расширению его экспорта. Были обозначены существующие в этой сфере проблемы. Так, актуальным и неопределенным в настоящее время является правовой режим обращения водорода как объекта отношений в сфере энергетики. Также, в отличие от газа, он еще не отнесен к числу стратегических энергоресурсов. Требуется совершенствования действующее энергетическое законодательство, поскольку водород не может быть отнесен ни к традиционным энергетическим ресурсам, ни к возобновляемым источникам энергии. Особенности правового режима водорода как товара действующим законодательством не предусмотрены, не определены правовые основы поставок водорода. Решение указанных вопросов является только частью задач, стоящих перед законодателем, которые необходимо решить в целях создания прочного фундамента для функционирования и развития водородной энергетики России.

Заведующая кафедрой коммерческого права и основ правоведения юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова доктор юридических наук **Елена Антоновна Абросимова** в своем докладе рассмотрела правовые механизмы саморегулирования в сфере энергетики. Она заметила, что тенденция развития нормативного правового регулирования энергетического комплекса, обусловленная необходимостью повышения качества выполняемых работ, оказываемых услуг, в том числе обеспечения национальной безопасности, отражает специфику энергетической сферы. Характерной чертой энергетического комплекса в России является то, что основные предприятия в сфере энергетики являются естественными монополиями, приоритетным направлением деятельности которых движет публичный интерес. В связи с этим возникает вопрос соотношения государственного регулирования и саморегулирования в части соблюдения баланса частного интереса и публичного на рынке энергетических ресурсов. Особое внимание в своем докладе Е.А. Абросимова уделила влиянию саморегулируемых организаций на развитие энергетической сферы в условиях сохранения баланса между публичными и частными интересами в отрасли.

Варвара Владимировна Богдан, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права Юго-Западного государственного университета, посвятила доклад актуальным проблемам, связанным с правовым регулированием и развитием системы частных объектов сетей газораспределения и газопотребления. В своем выступлении она акцентировала внимание на наиболее сложных вопросах их создания, регистрации права собственности, правил подключения (технологического присоединения) к ним газоиспользующего оборудования и объектов капитального строительства; продемонстрировала конкретные примеры недостатков регулирования, пересечения интересов собственников частных газопроводов с интересами иных лиц; определила возможные направления и тенденции совершенствования действующего законодательства в целях обеспечения стабильности, недопущения злоупотреблений, обратив особое внимание на социальную значимость рассматриваемых отношений в современных условиях.

Отдельные вопросы гражданско-правового правового регулирования снабжения населения бытовым газом через присоединённую сеть рассмотрел в своем докладе федеральный судья в отставке, профессор кафедры гражданского права Юго-Западного государственного университета доктор юридических наук, профессор **Юрий Николаевич Андросов**. Он отметил, что в юридической литературе нет единства мнений относительно правовой природы правоотношений в указанной сфере. По его мнению, договор энергоснабжения (гл. 30 ГК РФ) фактически не включает в себя договор снабжения физических лиц (потребителей) газом через присоединенную сеть. По существу, договорные отношения

(конструкции) по обеспечению физических лиц (потребителей) газом для жилищно-коммунальных нужд носят смешанный характер и содержат условия о разведке, производстве, транспортировке, хранении, потреблении газового ресурса, оказании возмездных услуг в сфере газоснабжения. Ю.Н. Андреев предложил сформировать на федеральном уровне в рамках главы 30 ГК РФ самостоятельные приоритетные нормы, посвященные снабжению потребителей бытовым газом, а также водой, иными энергетическими ресурсами через присоединенную сеть.

Ведущий научный сотрудник отдела гражданского законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации кандидат юридических наук, доцент **Олег Анатольевич Символоков** в своем докладе рассмотрел взыскание гарантирующим поставщиком договорной неустойки за нарушение промежуточных сроков оплаты электрической энергии. Он отметил, что в связи с тем, что действующее законодательство не устанавливает законную неустойку за просрочку внесения промежуточных платежей по договору энергоснабжения, прямо не запрещает обеспечивать договорной неустойкой исполнение обязанностей по оплате электрической энергии в промежуточные сроки, а также с учетом того, что обязанность по оплате электрической энергии в промежуточные сроки прямо закреплена в Основных положениях розничных рынков (определены сроки по внесению промежуточных платежей, размер платежей и объем электрической энергии, подлежащей оплате), гарантирующий поставщик как хозяйствующий субъект, занимающий доминирующее положение, вправе включать в проект договора энергоснабжения условие о неустойке в целях обеспечения исполнения обязательств по внесению промежуточных платежей за электрическую энергию, а его действия по включению указанного условия в проект договора энергоснабжения сами по себе не нарушают требования антимонопольного законодательства.

Целевую модель управления спросом на электрическую энергию в своем докладе вниманию участников конференции представил заместитель директора по правовым вопросам – начальник Департамента правового обеспечения АО «СО ЕЭС», доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) кандидат юридических наук **Владимир Викторович Прохоренко**. Он отметил, что возникновение отношений по управлению спросом на электрическую энергию является скорее следствием, а не причиной их нормативной регламентации. Государство, выступая в качестве регулятора, не описывает имеющиеся на рынке экономические отношения, а, по сути, создает их. В связи с этим возникает ряд теоретических и практических проблем, связанных с поиском оптимальной правовой конструкции для опосредования таких отношений. В настоящее время разработан проект федерального закона о переходе к целевой модели управления спросом на электрическую энергию (ID проекта: 01/05/01-21/00112234), который находится на стадии общественного обсуждения. Предполагается, что модель отношений, которая опробована в пилотном проекте, изменится и будет встроена в систему оптового рынка электрической энергии и мощности. В.В. Прохоренко рассмотрел основные дискуссионные вопросы данного законопроекта.

Проблемы и тенденции развития правового регулирования государственно-частного партнерства в энергетическом праве в своем докладе рассмотрел заведующий кафедрой теории и истории государства и права Тамбовского государственного технического университета кандидат исторических наук, доцент **Сергей Анатольевич Фролов**. Он отметил, что энергетика сегодня составляет основу национальной безопасности России. Однако широко известны ее проблемы: значительный износ основных объектов имущества, сложные географические условия разработки новых месторождений и другие. Поэтому государственно-частное партнерство как нельзя лучше способствует долгосрочному взаимо-

действию государства и бизнеса в интересах обеих сторон. Данный институт – один из самых молодых в нашей стране. Однако за короткий срок своего существования он доказал, что является перспективным механизмом в рамках эффективного взаимодействия государства и бизнеса в запуске инфраструктурных проектов, в том числе в сфере энергетики, а иницилируемые нормативные правовые акты способствуют более качественному способу их реализации на практике.

Становление, основные этапы и перспективы развития международного атомного права осветила старший научный сотрудник сектора предпринимательского и корпоративного права Института государства и права РАН кандидат юридических наук **Марина Сергеевна Лизикова**. Она отметила, что с момента возникновения и до сегодняшнего дня международное атомное право прошло в своем развитии сложный путь, закономерным результатом которого явилась выработка действенных международно-правовых и институциональных механизмов в области использования атомной энергии. Достигнутый на сегодняшний день уровень нормативно-правового регулирования в ядерной безопасности высок – он учитывает уроки аварий на ЧАЭС и АЭС «Фукусима-1» и нацелен на недопущение ядерных инцидентов. Особое внимание докладчик уделила векторам трансформации международного атомного права. Было отмечено, что основными направлениями его дальнейшего развития, обусловленными борьбой с изменениями климата и инновационным развитием атомной энергетики, являются совершенствование и повышение эффективности, поиск баланса между строгостью требований безопасности и достаточной гибкостью правового регулирования, актуализация существующих международных норм и правил применительно к инновационным атомным энерготехнологиям. В завершении выступления М.С. Лизикова подчеркнула, что актуальность развития данной отрасли права не вызывает сомнений.

Проблемным вопросам применения договора технологического присоединения к электрическим сетям было посвящено выступление представителя Института государства и права Российской академии наук **Олега Олеговича Мельникова**. Докладчик проанализировал наиболее распространенные модели названного договора (непоименованный, смешанный, услуги) на предмет соответствия целям технологического присоединения и реальным интересам его сторон. На основе складывающихся имущественных отношений в электроэнергетике предположил, что целью договора является получение доступа заказчика технологического присоединения к энергоресурсам (электрической энергии). Данный интерес реализуется путем возмездного приобретения у сетевой организации определенного объема электрической мощности. Последняя, являясь ключевым элементом обязательства по технологическому присоединению и объектом договора, определяет его правовую природу; в таком виде указанный договор приобретает вид договора купли-продажи имущественного права (электрической мощности).

Энергетическое право как учебную дисциплину в своем докладе рассмотрел профессор кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Ульяновского государственного университета доктор юридических наук **Владимир Евгеньевич Лукьяненко**. Докладчик высказался за широкий подход к определению предмета энергетического права как отношений, складывающихся в сфере геологоразведки полезных ископаемых, добычи энергетических ресурсов (газа, нефти, угля), их переработки и доставки к потребителям в виде готового продукта. В.Е. Лукьяненко указал на цели и задачи преподавания курса «энергетическое право» в высших учебных заведениях. Он отметил, что одной из сложностей преподавания курса является отсутствие у студентов технических знаний. Студенты плохо представляют устройство, например, электрической станции, различное оборудование электрических сетей, линий электропередач, газораспределительных сетей

и т.д., тогда как нормы энергетического права насыщены терминологией технического характера. В связи с этим докладчик отметил, что было бы целесообразно с участием заинтересованных государственных органов организовать обеспечение вузов наглядными схемами основных устройств электростанций, электрооборудования подстанций, сетей централизованного теплоснабжения, газоснабжения и водоснабжения абонентов-организаций и абонентов-граждан.

Заключение

На конференции было обсуждено много других проблем энергетического права, заслушано множество интересных докладов, ознакомиться с которыми можно будет в готовящемся к изданию сборнике статей участников конференции.

III Международная научно-практическая конференция «Энергетическое право: модели и тенденции развития» предоставила ее участникам возможность продуктивного обмена опытом и мнениями по вопросам перспектив развития энергетического права. Она стала площадкой для решения правовых задач, стоящих перед энергетикой. Несомненно, проведение подобных мероприятий необходимо продолжить, поскольку они оказывают позитивное влияние на развитие и совершенствование энергетического законодательства.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Габов Андрей Владимирович, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник, – руководитель Междисциплинарного центра правовых исследований в сфере энергетики Института государства и права РАН, научный руководитель юридического института НИУ «БелГУ», г. Москва, Россия

Тонков Евгений Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, директор юридического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия

Шалайкин Руслан Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса юридического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия

Туршук Людмила Дмитриевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey V. Gabov, Doctor of Law, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher, Head of the Interdisciplinary Center for Legal Research in the Field of Energy of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Legal Institute of the National Research University "BelSU", Moscow, Russia

Eugene E. Tonkov, Doctor of law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation, Director of the Law Institute of NRU «BelSU», Belgorod Russia

Ruslan N. Shalaykin, Candidate of law, associate Professor, head of the Department of civil law and process of the Law Institute of NRU «BelSU», Belgorod, Russia

Lyudmila D. Tursuk, Candidate of law, associate Professor of the Department of civil law and process of the Law Institute of NRU «BelSU», Belgorod, Russia

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ THESIS

УДК 316

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-1-137-141

Городские поселения в социальном пространстве российского общества: историческая память в контексте социальной консолидации

Воденко К.В.

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова,
Россия, 346428, Ростовская область, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132

E-mail: vodenkok@mail.ru

Аннотация. В представленных тезисах анализируются возможности исторической памяти как социокультурного феномена социального пространства городских поселений. Подчёркивается, что историческая память является формой закрепления в сознании и восприятии жителей городских поселений культурно-исторической традиции и социального опыта; что с исторической памятью ассоциируется не только прошлое, но настоящее и будущее городских поселений. Социологическое измерение исторической памяти основано на ее значимости для социальной консолидации жителей городских поселений, так как в условиях негативного влияния социальных неравенств факты и образы прошлого становятся основой для достижения плана совместной деятельности для развития городских поселений, их социального благоустройства и веры в будущее родного города.

Ключевые слова: историческая память, социальная консолидация, социальное пространство, городские поселения, российского общества.

Благодарности: исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук (МД-1493.2020.6) на тему «Ресурс исторической памяти в системе институциональных параметров социально-инвестиционного развития и обеспечения культурной безопасности региона».

Для цитирования: Воденко К.В. 2022. Городские поселения в социальном пространстве российского общества: историческая память в контексте социальной консолидации. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 47(1): 137–141. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-137-141

Urban Settlements in the Social Space of Russian Society: Historical Memory in the Context of Social Consolidation

Konstantin V. Vodenko

Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI),
132 Prosveshcheniya St, Novocherkassk, Rostov Region 346428, Russian Federation

E-mail: vodenkok@mail.ru

Abstract. The presented theses analyze the possibilities of historical memory as a socio-cultural phenomenon of the social space of urban settlements. It is emphasized that historical memory is a form of

consolidation of cultural and historical traditions and social experience in the consciousness and perception of residents of urban settlements. That historical memory is associated not only with the past, but also with the present and future of urban settlements. The sociological dimension of historical memory is based on its significance for the social consolidation of residents of urban settlements, since in the conditions of the negative impact of social inequalities, facts and images of the past become the basis for achieving a plan of joint activities for the development of urban settlements, their social improvement and faith in the future of their native city.

Keywords: historical memory, social consolidation, social space, urban settlements, Russian society

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of grant by the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists – Doctors of Sciences (MD-1493.2020.6) on the topic "The Resource of Historical Memory in the System of Institutional Parameters of Social-Investment Development and Ensuring the Cultural Security of the Region".

For citation: Vodenko K.V. 2022. Urban Settlements in the Social Space of Russian Society: Historical Memory in the Context of Social Consolidation. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(1): 137–141 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-137-141

Историческая память представляет сложный социокультурный феномен, который в современном обществе с высокой степенью социальной неопределенности, исчезновением того, что социолог З. Бауман определял, как стабильные социальные ориентиры, локализуется, трансформируется в мифологию повседневной жизни, становится аргументом общественного дискурса в пользу отказа от больших нарративов и социокультурного разнообразия. В российском обществе, где большинство населения с 30-х гг. XX века живет в городах и сформировало социальный опыт жизни в дисперсном социальном пространстве, актуальным можно считать вопрос о формах и перспективах социальной консолидации в условиях социального транзита, изменения социальной структуры российского общества, поведенческого кода, культурно-символического капитала.

Таким образом, когда речь заходит о социальной консолидации, о том, что в условиях внешних и внутренних вызовов безальтернативен переход общества в состояние стабильной социальной мобилизованности, готовности на уровне взаимодействия общества и государства находить адекватные и эффективные решения назревших социальных проблем, отклонение от «социальной немоты и глухоты», означает концентрацию исследовательского внимания на исторической памяти.

Российский социолог Ж.Т. Тощенко в изучении феномена парадоксального человека выделял историческую память как презентативный срез социальной парадоксальности. Он отметил, что историческая память являясь многослойным социокультурным феноменом характеризуется парадоксами, противоречиями между декларированной исторической традицией и практическим постмодернизмом, релятивизмом нравственных и социальных норм, актуализацией частных моральных и, в определенной степени, правовых порядков. Исходя из этого положения Ж.Т. Тощенко констатировал, что перспективы преодоления социальной парадоксальности связаны с политикой социальной гармонии и социального партнерства [Тощенко, 2020].

В этом смысле, соглашаясь с утверждением, приведенным выше, мы должны определить: во-первых, роль городских поселений как социально-пространственных образований в социальной консолидации общества, конечной целью которой является обретение солидарности как состояния оптимальной интегрированности различных групп и слоев, имеющих общий контур действия и общие цели в социальном развитии российского общества. Во-вторых, важно подчеркнуть, что «общим местом» стали рассуждения о социальной поляризованности, о несправедливых социальных неравенствах, о социально-

пространственном расслоении, разрывах в доходах, образе и качестве жизни жителей мегаполисов, средних и малых городских поселений.

Основываясь на эмпирических исследованиях, российские социологи М.К. Горшков, Ж.Т. Тощенко, О.Н. Яницкий, Ю.Г. Волков, Н.В. Зубаревич, В.В. Маркин отмечают, что центр социальной активности, что является необходимым для достижения социальной солидарности в российском обществе, смещается в сферу городских поселений, которые находятся под влиянием разнонаправленных тенденций. С одной стороны, можно говорить о росте социальной инициативы «снизу» (социальная экология, сохранение культурного наследия, пропаганда здорового образа жизни). С другой углубляется социальная деградация городского пространства, где по-существу, наблюдаются эффекты социальной «геттоизации», формирования маргинальных социальных групп, отток трудоспособного и социально активного населения, «провинциализация» социально-мировоззренческих координат.

Эта тенденция не является новой, отмечена еще на раннем постсоветском пространстве, но ее особенность в современных условиях состоит в том, что возникает ситуация социального воспроизводства архаичных форм социальной жизни, что приводит к рурализации городских поселений, привнесения псевдотрадиционалистских схем социальной жизни, связанных не только с увеличением массы приезжего сельского населения, но и тем, что горожане делают выбор в пользу социальной эксклюзии, актуализации деформированных схем исторической памяти.

Это выражается в том, что возникают новые формы городской мифологии и городского фольклора, в которых, с одной стороны, наблюдается интерес к культурно-историческому наследию, межпоколенческой памяти, с другой стороны, в контексте исторической ревизии память становится инструментом достижения и легитимации узко групповых целей. На наш взгляд, историческая память в контексте социальной консолидации городских поселений требует применения системного многофакторного подхода, который заявлен в работах российских социологов в осмыслении роли городских поселений в социальном пространстве российского общества. Объемный труд российских социологов «Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России» замечателен тем, что, во-первых, реализуются структурно-деятельностные и субъектно-деятельностные параметры исследования социальной консолидации, что связано с переходом от описательных схем региональной социологии конца 90-х гг. XX века, осмысления проблем устойчивого социального развития через выявление роли городских поселений, которые на основе не только социально-экономических, но и культурно-символических ресурсов вносят вклад в устойчивость социального пространства российского общества [Региональная социология..., 2015].

Как подчеркивал французский социолог П. Бурдьё, внесший неоценимый вклад в развитие концепции социального пространства, во-первых, социальный мир может быть построен по разным принципам видения и деления [Бурдьё, 1993, 61], если изучать дистанции и позиции классов в социальном пространстве, то для социолога акт социального конструирования состоит в определении социальных и культурных различий [Бурдьё, 1993, 69]. Таким образом, социальное пространство приходит в своей объективности к статусу символической системы. Историческая память в контексте социальной консолидации городских поселений является основой социальных и культурных различий и сходств.

Отмечая ранее, что в российском обществе историческая память парадоксальна, подвержена ревизии, мы концентрируем внимание на факторах актуализации исторической памяти, содержащих возможности достижения социальной солидарности. В пользу избранной позиции свидетельствует ограниченность императива «социальной функцио-

нальности», которые как показали результаты социологического измерения социальной консолидации российского общества, проведенного коллективом Института социологии РАН, являются недостаточными для понимания барьеров и перспектив социальной консолидации российского общества [Столицы и регионы в современной России..., 2018]. Речь идет о проблемах социального доверия, социальной толерантности, гармонизации социально-экономических и социально-политических интересов, но важный фактор социальной консолидации в достижении социального консенсуса в городских поселениях, где, как свидетельствует совместного проживания различных социальных и этнических групп вне актуализации исторической памяти трудно ожидать позитивных сдвигов.

Поэтому в рамках заявленной темы, мы основываемся на понимании социального пространства городских поселений как сложной конфигурации социальных и культурно-исторических обстоятельств, в которых историческая память играет инструментальную роль, становится механизмом легитимации социальных притязаний и ожиданий. В этом смысле обоснована позиция М.К. Горшкова, которой в творческой биографии «Есть такая профессия общество изучать» [Горшков, 2020], подчеркивает, что изучение российской действительности в контекстном подходе, определяет актуальность динамики взаимовосприятия жителей столиц и провинции о том, что на эту ситуацию накладывается фактор культурных различий. Историческая память жителей столиц и провинции включает культурно-историческую традицию «особенности», что выражается в повышенном интересе городских жителей к архитектурному облику, культурному ландшафту, истории образования и просвещения. Этот тренд наметился еще в 90-е гг. XX века, когда при исследовании перспектив сохранения и возрождения малых городов России (гг. Мышкин, Тутаев, Суздаль и др.), подчеркивалось, что для перспективы необходим не только туризм через «конструирование», традиции, но и актуализация исторической памяти, дающая возможность по-новому вне «столичного высокомерия» взглянуть на историю страны и, главное, перспективы социальной консолидации российского общества.

В современной России трудно ожидать гармонизации социальных отношений в контексте устойчиво сформировавшихся социальных и социально-пространственных диспропорций: как показывает социальная политика, проводимая на государственном и региональном уровне, ситуация осложняется и бюджетным дефицитом, и воспроизводством бедности, и нерациональным использованием финансовых ресурсов [Public Administration and Regional Management in Russia..., 2020].

В контексте сказанного, историческая память как часть культуры современного российского общества, может восприниматься в городских поселениях, имеющей консолидационный и социально-мобилизационный потенциал, как механизм приведения в состояние социальной активности не только представителей волонтерских движений и групп интересов, но и более широких слоев населения, которые в рамках осознания городской идентичности, исторического опыта поколений горожан, осознания необходимости сохранения городского наследия перед рисками предпринимательства и наплыва людей незнакомых с традициями городской жизни ориентируются на схемы партнерства с городскими властями и внутри малых городских сообществ, работающих на условиях добровольности и ассоциированности для реализации городских проектов. Наступил период переосмысления исторической памяти, освобождения ее от идеологизмов и выстраивания концепции гармонии интересов горожан на основе неформального консенсуса относительно перспектив городского развития, где прошлое является условием будущего.

Историческая память в контексте социальной консолидации российских городских сообществ совершает переход от идеи городских поселений как социально-экономических единиц, к сообществу граждан. В условиях негативных эффектов монетизации социальных отношений, которые являются барьером на пути межличностного и межгруппового взаимодействия в социальном пространстве городских поселений, актуальным является

феномен исторической памяти, содержащий возможности социального и гражданского самоопределения жителей городских поселений.

Список литературы

- Бурдые П. 1993. Социология политики. М., Socio-Logos, 333 с.
- Горшков М.К. 2020. «Есть такая профессия – общество изучать». Избранные статьи, интервью, биографические откровения. М., Весь Мир, 464 с.
- Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России. 2015. Под ред. В. В. Маркина. М., Новый хронограф, 621 с.
- Столицы и регионы в современной России. Мифы и реальность пятнадцать лет спустя. 2018. Под ред. М.К. Горшкова. М., Весь Мир, 312 с.
- Тощенко Ж.Т. 2000. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния. *Новая и новейшая история*, 4: 3–14.
- Public Administration and Regional Management in Russia – Challenges and Prospects in a Multicultural Region. 2020. E.G. Popkova and K.V. Vodenko (eds.). Cham: Springer International Publishing AG, 567 p.

References

- Burd'e P. 1993. Sociologiya politiki [Sociology of politics]. M.: Socio-Logos, 333 c.
- Gorshkov M. K. 2020. «Est' takaya professiya – obshchestvo izuchat'» [There is such a profession to study the homeland]. Izbrannye stat'i, interv'y, biograficheskie otkroveniya. M., Publ. Ves' Mir, 464 p.
- Regional'naya sociologiya: problemy konsolidacii social'nogo prostranstva Rossii [Regional sociology: problems of consolidation of the social space of Russia]. 2015. Ed. V.V. Markina. M., Publ. Novyj hronograf, 621 p.
- Stolicy i regiony v sovremennoj Rossii. Mify i real'nost' pyatnadcat' let spustya [The capital and the regions in modern Russia. Myths and reality fifteen years later]. 2018. Pod red. M.K. Gorshkova. M., Publ. Ves' Mir, 312 p.
- Toshchenko Z.H. T. 2000. Istoricheskoe soznanie i istoricheskaya pamyat'. Analiz sovremennogo sostoyaniya [Historical consciousness and historical memory. Analysis of the current state]. *Novaya i novejšaya istoriya*, 4: 3–14.
- Public Administration and Regional Management in Russia – Challenges and Prospects in a Multicultural Region. 2020. E.G. Popkova and K.V. Vodenko (eds.). Cham: Springer International Publishing AG, 567 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Воденко Константин Викторович, доктор философских наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, Новочеркасск, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin V. Vodenko, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Social Sciences and Humanities, M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

УДК 128

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-1-142-149

Учение о предопределении человека в рукописи 121 трилогии «Богословское Человеческое» архимандрита Евтихиана (Лестева)

Нифонтова О.И.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: nifontova_o@bsu.edu.ru

Аннотация. На современном этапе развития общества в связи с изучением нейронных сетей и появлением человекообразных роботов наблюдается усиление научного интереса к изучению проблемы человека, его природы, мотивов и последствий его поступков, а также его конечной судьбы. В связи с этим новооткрытые рукописи первой половины XIX века «Богословское Человеческое» архимандрита Евтихиана (Лестева) вносят свой вклад в понимание человеком самого себя и своего возможного будущего. Выявлено, что архимандрит Евтихиан заимствует некоторые идеи у западного богословия, но вкладывает в них православное содержание, вследствие чего в учении возникают некоторые противоречия.

Ключевые слова: западное богословие, православное богословие, западные термины, православное содержание, предопределение ко спасению

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю, доктору философских наук, профессору Липич Т.И.

Для цитирования: Нифонтова О.И. 2022. Учение о предопределении человека в рукописи 121 трилогии «Богословское Человеческое» архимандрита Евтихиана (Лестева). NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 47(1): 142–149. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-142-149

Teaching About the Predestination of Man in the Manuscript 121 of the Trilogy "Theological Humanology" by Archimandrite Evtikhian (Lestev)

Olga I. Nifontova

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: nifontova_o@bsu.edu.ru

Abstract. At the present stage of development of society, in connection with the study of neural networks and the emergence of humanoid robots, there is an increase in scientific interest in the study of the problem of man, his nature, the motives and consequences of his actions, as well as his ultimate fate. In this regard, the newly discovered manuscripts of the first half of the 19th century "Theological Humanology" by Archimandrite Evtikhian (Lestev) contribute to a person's understanding of himself and his possible future. It is revealed that Archimandrite Eutykhian borrows some ideas from Western theology, but puts Orthodox content into them, as a result of which some contradictions arise in the teaching in the stated anthropological teaching.

Keywords: Western theology, Orthodox theology, Western terms, Orthodox content, predestination to salvation

Acknowledgements: The author would like to thank her supervisor, Professor T.I. Lipich, Doctor of Philosophy.

For citation: Nifontova O.I. 2022. Teaching About the Predestination of Man in the Manuscript 121 of the Trilogy "Theological Humanology" by Archimandrite Evtikhian (Lestev). NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(1): 142–149 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-142-149

Введение

С 90-х гг. XX века по сегодняшний день в научном сообществе наблюдается усиление интереса к изучению творческого наследия представителей духовно-академической философии XIX века. В конце XX века были опубликованы монографии, защищено немало количество диссертаций по различным аспектам данной ветви отечественной философии. Свой вклад в изучение духовно-академической проблематики XIX века внесли И.В. Гальковская [Гальковская, 1995], С.В. Пишун [Пишун, 1996], П.В. Калинина [Калинин, 1999], И.В. Цвык [Цвык, 2002], М.В. Ганиянц [Ганиянц, 2003], В.Ю. Пинчук [Пинчук, 2003], В.Е. Луценко [Луценко, 2008], В.И. Коцюба [Коцюба, 2014], Н.А. Куценко [Куценко, 2005], Н.Ю. Сухова [Сухова, 2011], П.В. Хондзинский [Хондзинский, 2017] и другие. Вместе с тем, исследования вышеназванных авторов охватывают, в основном, духовно-академическую философию второй половины XIX века. Это объясняется тем, что во второй половине XIX века духовно-академическая философия предстает уже вполне сформировавшимся явлением и достигает периода своего наивысшего расцвета в различных областях знания, что и вызывает пристальный интерес исследователей. Во второй половине XIX века расцвет духовно-академической философии в частности наблюдается и в области антропологии. Именно в этот период появляются знаковые антропологические труды В.И. Несмелова, М.М. Тареева, П.Ю. Юркевича, отличающиеся структурной целостностью и достаточной глубиной изложения антропологического учения.

Вопрос о том, что же происходило в первой половине XIX века в антропологической мысли духовно-академической философии, несмотря на множество исследований, остается открытым и требует научного изучения.

На сегодняшний день знаковыми мыслителями духовно-академической философии первой половины XIX века можно назвать святителя Филарета (Дроздова), архиепископа Кирилла (Богословского-Платонова) и архимандрита Евтихиана (Лестева). Ими была предпринята первая попытка (а возможно и единственная, так как другие подобные опыты этого периода пока неизвестны) создать полный курс дисциплинарной антропологии. План курса разработал святитель Филарет (Дроздов) и изложил его в «Обозрении богословских наук в отношении преподавания их в высших духовных училищах» [Филарет (Дроздов), 1885-1888], дав название будущему курсу «Богословское Человекословие». Архиепископ Кирилл (Богословский-Платонов) и архимандрит Евтихиан (Лестев), будучи учениками святителя Филарета, наполнили данный план содержанием. Части «Богословского Человекословия» архиепископа Кирилла (Богословского-Платонова) и архимандрита Евтихиана (Лестева), посвященные свойствам природы человека в первоизданном состоянии и в состоянии повреждения, рассмотрены в предыдущих статьях [Нифонтова, 2019; Липич, Нифонтова, 2020]. У архимандрита Евтихиана свойства природы человека рассмотрены в первой части рукописной трилогии «Богословское Человекословие» под номером 120 [Липич, Нифонтова, 2019].

В данной же статье предпринимается попытка рассмотреть основное содержание второй рукописи трилогии архимандрита Евтихиана (Лестева) под номером 121 [Богословие..., не опублик., 1830]. Хотя данная рукопись носит общее с первой рукописью название «Богословское Человекословие», однако речь в ней идет уже не о свойствах природы

человека в состоянии совершенства и повреждения, а о возможном способе восстановления человеческой природы.

Элементы юридика в учении о предопределении

Одним из основополагающих моментов в рукописи 121 следует назвать учение о предопределении людей, уверовавших в Иисуса Христа ко спасению, которое предположительно восходит к блаженному Августину, так как именно этот богослов упоминается в рукописи архимандритом Евтихианом. Здесь также довольно часто и явственно встречаются элементы юридика, свойственные западному богословию. Это порождает некоторое противоречие, состоящее в том, что Бог представляется архимандритом Евтихианом (Лестевым), с одной стороны, как милосердный и любящий человека, а с другой стороны, Он желает удовлетворить свое правосудие. Довольно наглядно это иллюстрирует следующий фрагмент: «На основании сказаний Слова Божия предопределение в частном смысле разумеемое такое действие, так называемой, последующей Божией воли, Которому Бог по единому своему милосердию и для удовлетворения Своему правосудию ради будущих заслуг Сына Своего истинного Бога, Иисуса Христа, которые он благоволил во времени открыть всем человекам, всех тех людей, о которых предвидел, что они истинно уверуют в Сына его и пребудут непоколебимы в вере до конца своей жизни, отделил от прочих людей, избрал, освятил и утвердил от века для получения вечного спасения в похвалу славы благодати своея» [Богословие..., не опублик., 1830, с. 3].

Учение о предопределении у архимандрита Евтихиана означает в том числе и то, что Бог предопределил заранее все необходимое человеку ко спасению: «Но ежели предопределение разумеет в первом его знаменовании, т. е. в знаменовании всего того, что Бог от века предопределил все нужное ко спасению падшего человечества; то, по указанию Слова Божия, судя о Божественных Делах человекообразно, в сем предопределении можно заметить чин и порядок Божественного Действования касательно восстановления человека...» [Богословие..., не опублик., 1830, с. 3].

Восстановление человеческой природы у Бога, согласно рукописи 121, имеет определенный чин и порядок, значение и смысл. Этот чин предполагает со стороны Бога не просто восстановление человека в его первоначальное состояние, которое было до падения, но и дарование благ, которые «гораздо большие, нежели какие имел человек в первобытном состоянии прежде падения» [Богословие..., не опублик., 1830, с. 3]. Для этого необходимо, согласно учению рукописи 121, истинно уверовать в Сына Божия и пребывать в вере до конца своей жизни [Богословие..., не опублик., 1830, с. 3], а также возродиться «водою и духом» [Богословие..., не опублик., 1830, с. 3]. (то есть крещением) и оправдаться не собственными заслугами, так как это невозможно, а правдой второго лица Святой Троицы, Иисуса Христа. [Богословие..., не опублик., 1830, с. 3].

Архимандрит Евтихиан приводит точку зрения неопределенных богословов о предопределении, называя их «некоторыми учителями», согласно которой, Бог предвидел падение человека и предопределил спасти человечество через своего Сына, который повиновением Богу Отцу «имел заслужить и сообщить человеческому роду всю ту правду, которая могла соделать оный невинным и возратить ему живот и блаженство и даже в избытке, относительно того, Который человек имел в первобытном невинном состоянии, и которого он лишен чрез свое падение» [Богословие..., не опублик., 1830, с. 4]. Кроме того, Бог предопределил также, чтобы «те люди, которых Он решил оправдать верою во Иисуса Христа, более и более обновлялись, освещались и совершенствовались в жизни своей и телом и душою и духом для прилепления к Нему единому» [Богословие..., не опублик., 1830, с. 5], а также «защищать их от дьявола, мира и плоти, и во всех путях жизни руководствовать и поддерживать; и даже если они, по слабости естества человеческого будет падать, то силою Духа Святого восстанавливать их, и в самых действиях утешать их и

сохранять целыми и невредимыми для предназначенной славы» [Богословие..., не опублик., 1830, с. 5]. Юридические термины «заслуги», «заслужил», «удовлетворил правде или правосудию Божию» сопровождают рукопись 121 на всем ее протяжении.

Попытка разрешить противоречие в образе Бога как любящего Отца и Бога – грозного Судьи

Архимандрит Евтихиан пытается избежать возникшего противоречия между образом Бога как любящего Отца и образом Бога-судьи, для чего объединяет Божие человеколюбие и удовлетворение правосудию в нечто единое, приписываемое Богу одновременно: «Итак предопределение в пространном смысле разумеемое, есть такое Божественное Определение, по которому Бог единственно по своей несказанной благодати и человеколюбию, впрочем и для удовлетворения своему правосудию, для всех человеков, как падших во Адаме, предопределил и благоизволил послать в мир едиnorodного Сына своего, яко ходатая и споручника за человеков и предложить его Божественную заслугу и правду, и всех тех, кои не будут противятся его благодатному призванию, утвердить в истинной вере чрез откровенное слово и таинства, всех верующих оправдать, если они всегда будут следовать его благодатным действиям, обновлять, освящать, усыновлять и сохранить целыми до конца жизни и, наконец, соделать причастниками вечного живота и вечной славы» [Богословие..., не опублик., 1830]. Архимандрит Евтихиан разделяет предопределение в общем и в частном смыслах. Он пишет о том, что в частном смысле предопределение еще называется избранием или выбором. И, согласно его рукописи, предопределение или избрание в частном смысле не есть всеобщее определение, так как оно относится преимущественно к тем, кто спасается верой в Иисуса Христа. С другой стороны, в общем смысле предопределение касается всех людей и совершается до частного предопределения, зависящего от веры и выбора самого человека [Богословие..., не опублик., 1830, с. 6].

Архимандрит Евтихиан критически подходит к учению о предопределении блаженного Августина, что свидетельствует о несколько ином понимании предопределения архимандритом. В своей рукописи он сообщает о том, что блаженный Августин разделяет человеческий род на две части: одна часть предопределена Богом ко спасению, а другая предопределена вечно мучиться с дьяволом в аду [Богословие..., не опублик., 1830, с. 8]. Архимандрит Евтихиан такой взгляд блаженного Августина находит несоответствующим Слову Божию, потому что предопределение о гибели людей совершенно не свойственно Богу и нелепо, так как смерть не может являться концом человека [Богословие..., не опублик., 1830, с. 8].

Архимандрит Евтихиан вновь возвращается к милосердию Божию: «Слово Божие свидетельствует, что Бог предопределил ко спасению человеков не по предуведению каких-либо заслуг со стороны человеков пред престолом правосудия его; но по единому своему неизреченному милосердию и благодати...» [Богословие..., не опублик., 1830, с. 11]. И затем сразу же к юрицизму: «Впрочем сие человеколюбие и благодать действовавшая в Троицкостасном Божестве при сем спасительном определении о спасении человеческого рода не иначе действовала, как на основании правды Божией и заслуги и правды Иисуса Христа, и того совершенного удовлетворения, которое Сын Божий, яко Бог совершенный и совершенный Сын Отца совершенного, имел совершить в исполнение времен» [Богословие..., не опублик., 1830, с. 11]. Поэтому не имеющие веры во Иисуса Христа «непредопределены и непредъизбраны ко спасению» [Богословие..., не опублик., 1830, с. 12].

Концепция отверженных людей

Согласно концепции рукописи 121, действию предопределения и предъизбрания противопоставляется отвержение в смысле отрицания человека от вечной славы [Богословие..., не опублик., 1830, с. 27]. Отвержение архимандрит Евтихиан определяет следую-

щим образом: «Отвержение есть такое вечное Божественное определение или действие воли Божественной последующей, по которому Бог, сообразно вечному Своему Карательному правосудию, всех тех грешников и нечестивцев, закосневших во грехах, о которых он предвидел что они благодать призвания и оправдания отвергнут конечным образом, и из сей жизни изыдут без веры во Иисуса Христа, осудил на вечное осуждение, в вечную похвалу и славу своего правосудия» [Богословие..., не опублик., 1830, с. 28]. В данной формулировке снова проскальзывают мотивы юридизма в терминологии «карательное правосудие». Архимандрит Евтихиан называет две причины отвержения, внутреннюю и внешнюю. Под внутренней он имеет в виду карательное Божие правосудие [Богословие..., не опублик., 1830, с. 28], а под внешней, - грехи человека, особенно намеренные [Богословие..., не опублик., 1830, с. 29]. Архимандрит Евтихиан считает справедливым отвержение упорных грешников: «Итак справедливо, что люди отверженные от вечной славы, к вечному бесславию суть грешники упорные, нераскаянные и даже до последнего издыхания жизни отвергающие заслуги Иисуса Христа» [Богословие..., не опублик., 1830, с. 30].

Архимандрит Евтихиан делает очень важное замечание о том, что причиной отвержения Богом является сам человек: «Следовательно Бог ни одного человека не отвергает от вечного живота по единому своему свободному произволению и безусловному действованию без всяких побудительных причин со стороны человека: Но он отвергает грешников от вечного блаженства по своему предвечному предведению беззаконий сих людей, которые имели бысть соединить с нераскаянностью ожесточением сердца» [Богословие..., не опублик., 1830, с. 32]. То есть выбор предопределения или отвержения во многом остается за самим человеком. При этом отмечается, что людей отверженных от вечного спасения больше, чем предопределенных ко спасению в силу того, что человеческий род более склонен ко злу, чем к добру [Богословие..., не опублик., 1830, с. 37].

У архимандрита Евтихиана в рукописи присутствует педагогический элемент, призванный убедить человека сделать правильный выбор в пользу предопределения ко спасению: «Люди предопределенные и предызбранные ко спасению, познавая из слова Божия, что люди отверженные непременно подвергнутся вечному мучению, научаются Бога бояться, и ненавидеть грехи, которые Бог имеет наказать...» [Богословие..., не опублик., 1830, с. 38].

Архимандрит Евтихиан подчеркивает бессилие человека спастись самому: «Известно, что ни один грешник, сам по себе и собственными своими силами не мог и не может удовлетворить вечному Божественному правосудию за грехи свои и ближних» [Богословие..., не опублик., 1830, с. 39]. Спасти человека может только Сын Божий: «Сын Божий, как Божественное лицо исполненное благодати и истины в предвечном Божественном Завете о спасении человеческого рода, воспринял на себя то, чтобы в воспринятом человеческом (роде) естестве в свою Божественную ипостась совершенно удовлетворить Божественному правосудию за грехи всего человеческого рода, и бедному человеческому роду сообщить все то, что нужно для восстановления его, и получения вечного живота» [Богословие..., не опублик., 1830, с. 40]. Вновь звучат рядом элементы юридизма, связанные с удовлетворением Божественному правосудию, и милосердия: «Причина, побудившая Сына Божия к исполнению предвечного предопределения Бога Отца о спасении человеческого рода была та же, которая побудила Бога Отца к начертанию его завета, - несказанное милосердие и любовь к роду человеческому» [Богословие..., не опублик., 1830, с. 47]. Для спасения со стороны человека требуется вера и покаяние [Богословие..., не опублик., 1830, с. 56-57].

Архимандрит Евтихиан подчеркивает, что все доброе ко спасению дает человеку Бог [Богословие..., не опублик., 1830, с. 58]. Юридизм в терминологии выражается также в словах угрозы, угрожать: «В Завете благодати кроме обетований, слово Божие представляет и некоторые угрозы за неисполнение условий Завета. Сии угрозы находятся в Евангелии, так и в посланиях Апостолов» [Богословие..., не опублик., 1830, с. 58]; «ежели че-

ловек отвергает сии средства, то будет причиной а) бедствий в настоящей жизни, б) тех наказаний вечных, которыми Бог угрожает за преступление сего Закона, и след. всех наказаний, происходящих не столько от завета благодати, сколько от неисполнения завета дел» [Богословие..., не опублик., 1830, с. 59].

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что рукопись 121 архимандрита Евтихиана (Лестева) преимущественно посвящена учению о предопределении человека. Сама идея предопределения заимствована архимандритом Евтихианом у блаженного Августина, однако серьезно переработана. Архимандрит Евтихиан критикует учение о предопределении блаженного Августина в части разделения людей Богом на заранее предопределенных ко спасению и заранее отверженных. Он утверждает, что у Бога есть предопределение всех людей ко спасению, однако сам человек выбирает свою судьбу. И это серьезное отличие православного взгляда в данном учении. Заимствуя идею о предопределении у западного богословия, архимандрит Евтихиан изменяет ее содержание. Вместе с идеей в рукопись архимандрита Евтихиана входят западные термины юридического взгляда на Бога как на судью. Это такие термины как «заслуги», «карательное Божие правосудие», «угрожать». Вследствие этого в рукописи 121 возникает несколько противоречивый образ Бога, сочетающий в себе и любящего Отца и карающего Судью. Архимандрит Евтихиан пытается сгладить противоречие, утверждая, что в Боге одновременно есть и то и другое. Все вышеизложенное свидетельствует о процессах заимствования и преобразования форм западного богословия в православном учении, происходящих в духовно-академической философии первой половины XIX века. Заимствуя формы западного богословия, духовно-академическая философия все же наполняла их православным восточным содержанием и оставалась в рамках восточного учения.

Список литературы

- Богословие догматическое. Человеческое. 1830-е гг. Книга II [рукопись]. [Б.м.]. 165. ОР Ф.173.4 № 121.
- Гальковская И.В. 1995. Православная академическая антропология: В.И. Несмелов и М.М. Тареев: диссер.... канд. филос. наук. Екатеринбург, 157 с.
- Ганиянц М.В. 2003. Российское любомудрие в первой половине XIX века: философия и история философии в университетах и духовных академиях: диссер. ... канд. истор. наук. Москва, 215 с.
- Калитин П.В. 1999. Философско-богословская мысль в России во второй половине XVIII – начале XIX вв (историко-философский и логико-семантический анализ): диссер. ...док. филос. наук. Москва, 287 с.
- Коцюба В.И. 2014. Духовно-академическая философия первой половины XIX века в исследованиях отечественных и зарубежных мыслителей и историков философии: диссер.... доктора. филос. наук. М., 341 с.
- Куценко Н.А. 2005. Духовно-академическая философия в России первой половины XIX века: киевская и петербургская школы (Новые материалы). М., 138 с.
- Липич Т.И., Нифонтова О.И. 2019. Понятие человеческого в русской антропологической традиции конца XVIII – первой половины XIX века (опыт архимандрита Евтихиана (Лестева)). *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*, 44(4): 601–610.
- Луценко В.Е. 2008. Духовно-академическая философия в России и европейский теизм второй половины 19 века: дис. ... канд. филос. наук. Уссурийск, 166 с.
- Нифонтова О.И. 2020. Учение архиепископа Кирилла (Богословского-Платонова) о четырех состояниях человеческой природы: философско-антропологический аспект. *Общество: философия, история, культура*, 6(74): 49–52.

- Пинчук В.Я. 2003. Метафизическая психология в русском духовно-академическом теизме XIX века: диссер. ... канд. филос. наук. Уссурийск, 169 с.
- Пишун С.В. 1996. Православная персонология и духовно-академическая философия XIX века. М., «Прометей». 431 с.
- Сухова Н.Ю. 2011. Подготовка и аттестация научно-педагогических кадров в православных духовных академиях в контексте высшего образования России (XIX – начало XX в.): диссер. ... доктор исторических наук. М., 525 с.
- Сухова Н.Ю. 2011. Подготовка и аттестация научно-педагогических кадров в православных духовных академиях в контексте высшего образования России (XIX – начало XX в.): диссер. ... доктор исторических наук. М., 205 с.
- Филарет (Дроздов), архим. 1885–1888. Обзорение богословских наук в отношении преподавания их в высших духовных училищах. В кн.: Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам, изданное под редакцией преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского: В 5 т. СПб., 123–151.
- Хондзинский П.В. 2017. Разрешение проблем русского богословия XVIII века в синтезе святителя Филарета, митрополита Московского: диссертация ... кандидата философских наук. М., 296 с.
- Цвык И. В. 2002. Духовно-академическая философия в России XIX в.: Историко-философский анализ: диссер. ... доктора филос. наук. М., 373 с.

References

- Dogmatic theology. Humanology. 1830s Book II [manuscript]. [B.m.]. 165. OR F.173.4 No. 121. (In Russian)
- Galkovskaya I.V. 1995. Orthodox academic anthropology: V.I. Nesmelov and M.M. Tareev: dis. ... cand. philosophy sciences. Ekaterinburg, 157 p. (In Russian)
- Ganiyants M.V. 2003. Russian Philosophy in the First Half of the 19th Century: Philosophy and History of Philosophy at Universities and Theological Academies: dis. ... cand. history sciences. Moscow, 215 p. (In Russian)
- Kalitin P.V. 1999. Philosophical and theological thought in Russia in the second half of the 18th – early 19th centuries (historical-philosophical and logical-semantic analysis): dis. ...doc. philosophy sciences. Moscow, 287 p. (In Russian)
- Kotsyuba V.I. 2014. Spiritual and academic philosophy of the first half of the 19th century in the studies of domestic and foreign thinkers and historians of philosophy: dis. doctor. philosophy sciences. Moscow, 341 p. (In Russian)
- Kutsenko N.A. 2005. Spiritual and academic philosophy in Russia in the first half of the 19th century: Kyiv and St. Petersburg schools (New materials). Moscow, 138 p. (In Russian)
- Lipich T.I., Nifontova O.I. 2019. The concept of humanism in the Russian anthropological tradition of the late 18th - first half of the 19th century (the experience of Archimandrite Evtikhian (Lestev). *Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law*, 44(4): 601–610. (In Russian)
- Lutsenko V.E. 2008. Spiritual and academic philosophy in Russia and European theism in the second half of the 19th century: dis. ... cand. philosophy sciences. Ussuriysk, 166 p. (In Russian)
- Nifontova O.I. 2020. The teaching of Archbishop Kirill (Bogoslovsky-Platonov) on the four states of human nature: philosophical and anthropological aspect. *Society: philosophy, history, culture*. 6(74): 49–52. (In Russian)
- Pinchuk V.Ya. 2003. Metaphysical psychology in Russian spiritual-academic theism of the 19th century: dis. ... cand. philosophy Sciences. Ussuriysk, 169 p. (In Russian)
- Pishun S.V. 1996. Orthodox personology and spiritual-academic philosophy of the 19th century. Moscow, Prometheus. 431 p. (In Russian)
- Sukhova N.Yu. 2011. Training and certification of scientific and pedagogical personnel in Orthodox theological academies in the context of higher education in Russia (XIX – early XX century): dis. ...doctor of historical sciences. Moscow, 525 p. (In Russian)
- Sukhova N.Yu. 2011. Training and certification of scientific and pedagogical personnel in Orthodox theological academies in the context of higher education in Russia (XIX – early XX century): dis. ...doctor of historical sciences. Moscow, 205 p. (In Russian)

- Filaret (Drozdov), archim. 1885–1888. Review of theological sciences in relation to their teaching in higher theological schools. In the book: Collection of Opinions and Reviews of Filaret, Metropolitan of Moscow and Kolomna, on educational and church-state issues, published under the editorship of His Grace Savva, Archbishop of Tver and Kashinsky: In 5 vols. St. Petersburg, 123–151. (In Russian)
- Khondzinsky P.V. 2017. Resolution of the problems of Russian theology of the 18th century in the synthesis of St. Philaret, Metropolitan of Moscow: dis. ... candidate of philosophical sciences. Moscow, 296 p. (In Russian)
- Tsvyk I.V. 2002. Spiritual and academic philosophy in Russia in the 19th century: Historical and philosophical analysis: dissertation. ... Doctor of Philosophy. Sciences. Moscow, 373 p. (In Russian)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нифонтова Ольга Ивановна, ассистент кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga I. Nifontova, Assistant of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 101.9

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-1-150-154

Ценность «естественного здоровья» и критика концепции нормализации здоровья

Исаев А.В.

Воронежский государственный университет,
Россия, 394018, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, 1
E-mail: isaevandrew@mail.ru

Аннотация. Современная пандемия, помимо всего прочего, затронула много вопросов этического-философского характера. Среди таких вопросов оппозиция между понятием «естественное здоровье», носящим глубоко личностный характер, и идеей о нормализации здоровья, осуществляемой властными структурами общества. Постулируемое в статье понятие «естественное здоровье» рассматривается как мощный духовно-онтологический ресурс личности, в котором реализуются ее главные этические и экзистенциальные аспекты. Если этический аспект проявляется в ответственности человека за свое духовное и физическое здоровье, то экзистенциальный аспект делает акцент на то, что состояния здоровья и болезни имеют глубинную личностную значимость, не подлежащую никакому нормированию. В условиях распространенности идей о нормализации здоровья эта духовная безопасность человека оказывается под угрозой. В этом контексте рассматриваются взгляды М. Фуко, имеющие определенную значимость для рассматриваемой темы.

Ключевые слова: здоровьесбережение, человек, здоровье, пандемия, норма здоровья, естественное здоровье, болезнь, этика, биополитика, общество, власть

Для цитирования: Исаев А.В. 2022. Ценность «естественного здоровья» и критика концепции нормализации здоровья. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 47(1): 150–154. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-150-154

The Value of "Natural Health" and Criticism of the Concept of Normalization of Health

Andrey V. Isaev

Voronezh State University,
1 University Square, Voronezh 394018, Russia
E-mail: isaevandrew@mail.ru

Abstract. The modern pandemic, among other things, has raised many questions of an ethical and philosophical nature. Among such issues is the opposition between the concept of «natural health», which is deeply personal in nature, and the idea of normalizing health, carried out by the power structures of society. The concept of «natural health» postulated in the article is considered as a powerful spiritual and ontological resource of the individual, in which its main ethical and existential aspects are realized. If the ethical aspect is manifested in the responsibility of a person for his spiritual and physical health, then the existential one emphasizes that the states of health and illness have a deep personal significance that is not subject to any rationing. In the context of the prevalence of ideas about the normalization of health, this spiritual security of a person is under threat. In this context, the views of M. Foucault are considered, which have a certain significance for the topic under consideration.

Keywords: Health saving, human, health, pandemic, health rate, natural health, disease, ethics, biopolitics, society, power

For citation: Isaev A.V. 2022. The Value of "Natural Health" and Criticism of the Concept of Normalization of Health. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(1): 150–154 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-150-154

Одной из важнейших социальных проблем современного российского общества, требующей философского анализа, является проблема здоровьесбережения. Среди многих ее аспектов выделяется проблема «естественного здоровья», которая приобретает особую актуальность в контексте парадигмы «улучшения человека», становящейся все более распространенной сегодня. Здесь значим вопрос: «Существует ли некая универсальная норма здоровья или это сугубо индивидуальный приоритет?»

Постулирование стандартов здоровья может оказаться принуждающим к определенному и единственно «правильному» его формату и жесткому контролю за ним со стороны органов власти. История засвидетельствовала немало печальных эпизодов унификации образа здоровья человека, медикалистского контроля над ним, когда на государственном уровне вводились меры по определенным медицинским практикам, в результате чего в обществе происходили антигуманные вещи и людям наносился непосредственный физический ущерб. Властные функции государства могут экстраполироваться на врача, который выступает в этом контексте как транслятор властных функций, а пациент как уязвимый и страдающий субъект. Ведущий современный британский специалист по медицинской этике Д. Сокол отмечает, что «В больничной обстановке пациент может быть испуганным, не владеющим медицинскими знаниями. Врачи в такой ситуации, как правило, здоровы, обладают необходимой профессиональной информацией и находятся в привычной ситуации. Врачи сильны, пациенты слабы и ранимы» [Сокол, 2020, с. 47].

В условиях сегодняшней пандемии вольно-невольно проявляет себя этот «медикалистский» дискурс общества контроля. И если поводом для всех трансформаций выступает эпидемия как явление медицинское, то и на первый план выходит контроль за состоянием здоровья тела, и все процедуры принуждения носят также медицинский характер. Исключительно медикалистская практика трансформируется в социальную, и в этом плане актуализируется вопрос о «естественном здоровье» индивида.

Мы считаем, что постулируемое нами понятие «естественного здоровья» является мощным духовно-онтологическим ресурсом личности, в котором реализуются ее главные *этические* и *экзистенциальные* аспекты. Этический аспект проявляется в том, что человек сам берет полную ответственность за свое духовное и физическое здоровье; экзистенциальный аспект – в том, что состояния здоровья, равно как и болезни, носят предельный, «пограничный» характер, имеющий, прежде всего, глубинную личностную значимость, и не подлежат никаким «нормам» и «стандартам».

Это не отрицает, естественно, государственной заботы о здоровье населения, социальной защиты граждан, особого режима поведения в ситуации борьбы с пандемией. Однако в условиях распространенности идей о нормализации здоровья духовная безопасность человека оказывается под угрозой. Это требует своеобразной гуманитарной экспертизы, которая может быть основана на этико-философском анализе проблемы.

В этом контексте уместно обратиться к идеям М. Фуко – влиятельному критику концепции нормализации здоровья в контексте западноевропейских реалий. Одним из ключевых понятий философии Фуко является понятие «биополитика», означающее синтез государственной власти и практик стандартизации здоровья с определенной выгодой для государства. Например, культивирование сильных, работоспособных индивидов для поддержания работы капиталистического общества; рассмотрение детородной функции женщины как стратегически важной для государства по воспроизводству рабочей силы и др. Актуализация понятия «биополитика» в современном контексте поможет более адекватно оценить происходящее сегодня.

Фуко, однако, не является единственным автором, который выходит с критикой нормализации здоровья. Необходимо учитывать ту философскую тенденцию, в которую вписана его система идей, а именно тенденцию отхода от универсального трансцендентного значения и пересмотру нормальности как таковой. Здесь можно упомянуть критику К. Поппером универсалистских, телеологических и идеатических, то есть основанных на трансцендентных идеях блага и должного, философских система Платона, Гегеля и Маркса [Поппер, 1992]. Важны взгляды американской исследовательницы Джудит Батлер, которая подвергает серьезной ревизии «естественность» гендерных различий и характеристик, показывая их социальную обусловленность. Понятие «трансгрессии», упоминаемое Ж. Батаем и М. Бланшо, указывает на условность всяческих ограничений в рамках понятий «естественно» и «нормально».

В своем программном сочинении по критическому анализу генезиса современной медицины «Рождение клиники» Фуко отмечает условность того, что можно назвать научно-обоснованным консенсусом и нормой лечения. Предметом особой критики Фуко является выявленная им *связь медицинского знания и властно-социальных практик*, реализуемых через различные формы медицинского вмешательства. Медицина становится инструментом реализуемых через нее властных практик, в которой за истину берется условное и заведомо ограниченное знание. Тем самым медициной приобретает неотчуждаемый авторитет в обществе, проявляющийся в особом формате действий над «больными» индивидами.

Приводя в примеры случаи абсолютного медицинского «мракобесия», которые имели место быть ранее, Фуко задается вопросом о том, как в принципе конструируется медицинская норма, если все достаточно условно. А если все достаточно условно, то почему медицина и ее взгляд на норму лечения и здоровья имеет почти принудительный для общества характер: «Какой фундаментальный опыт может установить столь очевидное различие, где она рождается и себя обосновывает? Кто может нам подтвердить, что врач XVIII века не видел того, что он видел, и что оказалось достаточно нескольких десятков лет, чтобы фантастические образы рассеялись и освобожденное пространство позволило узреть истинное положение вещей?» [Фуко, 1998а, с. 8].

Фуко подчеркивает элемент *условности и ограниченности* знаний в медицине в любом историческом периоде, и как следствие, условность генерируемого этим знанием понимания *нормы здоровья*. При этом, важно отметить, что, несмотря на эту условность и заведомую ограниченность, медицинское знание и понимание нормы здоровья по-прежнему имеет власть и авторитет, что оказывает непосредственное влияние не только на практики лечения, но и на более широкие социальные пласты. Фуко спрашивает: «Но как сформировалось это право, выдающее себя за древнее и естественное, каким образом место, откуда сигнализирует о себе болезнь, может безраздельно определять образ, в который оно формирует элементы?» [Фуко, 1998а, с. 23].

Критика Фуко направлена на формирование связки знание – медицина – властно-социальные практики, которые используют медицину как форму контроля. Ключевым моментом критики является момент реализации практик власти и контроля через медицинскую сферу, а также использование понятия нормы в качестве инструмента власти. Задаваясь вопросом о том, как условное и ограниченное медицинское знание может иметь такое огромное влияние, Фуко отвечает на него так: «Существует феномен совпадения требований политической идеологии и медицинской технологии» [Фуко, 1998а, с. 71].

Следовательно, официальной «норме» человеческого здоровья можно не доверять: во-первых, она постоянно меняется, во-вторых, она является инструментом управления. Это соответствует номиналистскому пониманию природы власти у Фуко. Исследователи отмечают, что у философа власть представлена так: «это общее имя, которое присваивается всему множеству взаимодействующих сил в данном обществе. В это множество могут входить взаимодействия между офицером дорожной полиции и водителем, между докто-

ром и пациентом, между учителем и учеником, между отцом и сыном и т. п.» [Хархордин, 2021, с. 67].

Таким образом, понятие «естественное здоровье» на глубинном уровне соответствует искомому идеалу Фуко о том, как должно выглядеть подлинно свободное отношение к своему телу и здоровью вне влияния властно-социальных практик. Более того, понятие ценности «естественного здоровья» расходится с критикуемой Фуко авторитарной «нормой» здоровья, манифестируемой властью через медицинские практики.

В качестве примера того, какими же должны быть практики лечения вне этого властно-принудительного вмешательства, Фуко приводит слова Джузеппе Москати, знаменитого итальянского врача, профессора, канонизированного святого, которого можно называть итальянским Лукой Войно-Ясенецким, про то, как врач должен сопровождать течение болезни: «Наблюдать болезнь, помогать природе без насилия и ожидать, скромно признавая нехватку знаний» [Фуко, 1998а, с. 43].

То есть принципиальным здесь является момент признания заведомой неполноценности существующего медицинского знания, что и является «антидотом» против властных подавляющих практик, их номиналистскому значению, реализуемых через сферу медицины. Формируемая в этих рамках норма становится инструментом подавления, нежели адекватным источником информации по поводу здоровья.

Таким образом, можно резюмировать идеи Фуко в следующих тезисах. Если медицинское знание и его норма условны и исторически ограничены, то также условны суждения медицинского знания о норме здоровья, которая и описывает биологический, психологический и антропологический образ человека. Если следовать логике Фуко, то условность медицинской нормы относительно нормы здорового человека не позволяет вынести какое-либо достоверное суждение о собственно биологической идентичности человека и его инвариантном ядре, так как последнего просто не существует: знания и медицинская информированность постоянно меняются, соответственно, меняется описание «нормального» и «естественного» человека.

Для понимания ценности «естественного здоровья» важным является и то, как Фуко понимает феномен болезни. Он говорит о «дикий природе болезни», что болезнь в своей естественной форме до властно-медицинских практик социального контроля, «является ее истинной природой и наиболее мудрым течением: одинокая, свободная от вмешательства медицинских уловок, она дает проявиться упорядоченному и почти растительному рисунку ее сущности» [Фуко, 1998а, с. 41].

Иными словами, Фуко утверждает существование натурального и естественного пространства регуляции здоровья и болезни до насильственных социальных практик медицинского контроля, которые оказывают на течение болезни денатурализирующее воздействие, делая ее гораздо более сложной, чем она есть в «естественном» положении вещей.

Более того, видение Фуко того, как на самом деле должна протекать болезнь в значительной степени коррелирует с идеей ценности «естественного здоровья», так как опыт болезни является важным экзистенциальным моментом для человека, своеобразным пограничным состоянием, способным вывести духовное и этическое самопонимание человека на новый уровень. Фуко пишет по этому поводу следующее: «Естественное место болезни – это естественное место жизни: семья, нежность непосредственных забот, свидетельства преданности, общее желание выздоровления, все входит в согласие с тем, чтобы помочь природе в борьбе с болезнью и тем, чтобы ей самой дать проявиться в своей истине» [Фуко, 1998а, с. 43].

В другой не менее значимой работе «История сексуальности» Фуко, анализируя учения античных философов о теле и здоровье, подчеркивает установленную ими связь духовного здоровья и способности переживать болезненные состояния: «Смотреть на себя как на больного тем более необходимо, что душевные пороки в отличие от физических не сопровождаются явными страданиями: они не только могут долгое время протекать «в скрытой форме», но еще и ослепляют тех, кто ими одержим» [Фуко, 1998, с. 66].

Болезнь, таким образом, играет роль мощного регулятора духовной, этической, экзистенциальной жизни человека. Соответственно, «проект по избавлению от болезней» сообразно установленному «стандарту здоровья», в котором Фуко упрекает постпросвещенческую авторитарную «клинику» и что сейчас можно видеть в действительно патологических формах отношения к своему здоровью в биохакинге, трансгуманизме и нарциссизме, заслуживает самой серьезной критики.

Таким образом, выдвигаемое нами понятие «естественное здоровье» согласуется с пониманием французского философа того, как должно выглядеть естественное протекание здоровья и болезни до властных вмешательств. В этом смысле понятие «естественного здоровья» в качестве нормы как раз предлагает учитывать принципиальную способность человеком болеть и испытывать несовершенства, ограниченности и недостатки своей человеческой природы, в том числе осознавать факт своей принципиальной смертности. Данный аспект и составляет ценность «естественного здоровья», являющегося условием духовно здорового и нравственно счастливого существования человека.

Это очевидно не отменяет государственных мер по охране жизни и здоровья граждан, усилению социальной защищенности и необходимости соблюдать предписания в особых (в данном случае) пандемических условиях. При этом осознание духовной ценности «естественного здоровья» повышает этическую ответственность индивида за свое бытие.

Список литературы

- Поппер К. 1992. Открытое общество и его враги. В 2 тт. М.: Культурная инициатива; Феникс.
Сокол Д. 2020. Не судите. Истории о медицинской этике и врачебной мудрости. Москва, АСТ, 352 с.
Фуко М. 1998. Рождение клиники. М., Смысл. 310 с.
Фуко М. История сексуальности – III: Забота о себе. 1998а. Киев: Дух и литера; Грунт. М., Рефл-бук, 288 с.
Хархордин О. 2001. Фуко и исследование фоновых практик. В кн.: Мишель Фуко и Россия. СПб.; М., Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад: 46–82.

References

- Popper K. 1992. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. V 2 tt. [The open society and its enemies]. Moscow: Cultural Initiative; Phoenix.
Sokol D. 2020. Ne sudite. Istori o medicinskoj jetike i vrachebnoj mudrosti. [Don't judge. Stories about medical ethics and medical wisdom]. Moscow, Publ. AST, 352 p.
Fuko M. Rozhdenie kliniki. 1998. [The birth of the clinic]. Moscow, Meaning, 310 p.
Fuko M. Istorija seksual'nosti – III: Zabota o sebe. 1998a. [A History of Sexuality - III: Taking Care of Yourself]. Kiev: Spirit and letter; Priming. Moscow, Publ. Refl-book, 288 p.
Harhordin O. 2001. Fuko i issledovanie fonovyh praktik. [Foucault and the study of background practices]. In: Mishel' Fuko i Rossiya. [Michel Foucault and Russia]. St. Petersburg; Moscow, European University at St. Petersburg; Summer Garden: 46–82.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Исаев Андрей Викторович, кандидат медицинских наук, врач-оторино-ларинголог высшей категории, доцент, Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey V. Isaev, Candidate of Medical Sciences, otorhinolaryngologist of the highest category, Associate Professor, Voronezh State University